

ФАНТ-ХАБАР

2026

28

ФАНТ-ХАБАР

2026

4 (28)

3 Календарь. 2026. Май

16 Такие дела. Апрель 2026

21 Голоса из Сетей

Лонгриды:

93 Владимирский В. – Алексей Конаков

98 Владимирский В. – Яна Летт

103 Владимирский В. Перенасыщенный раствор
писателя-пешехода

106 Владимирский В. Тени Шварца и Олеси:

как устроен «Пересмешник на рассвете» Дмитрия Колодана

108 Кельн Д. – Шамиль Идиатуллин

114 Источники

Первая страница:

Алексей Андреев. Колодец

Редактор: БВИ

bvi@rusf.ru

<https://t.me/bratrasmus>

<https://bvi.livejournal.com>

<http://bvi.rusf.ru/fx/fx028.pdf>

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Май

1 мая: Ковбой в прошлой жизни

110 лет назад родился Гвиллин Сэмюэл Ньютон «Гленн» ФОРД [Gwyllyn Samuel Newton «Glenn» FORD] (1916-2006), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Процесс» (Дейвид Блейк), «Исчезновение рейса 412» (Полковник Пит Мур), «Супермен» (Джонатан Кент), «Посетитель» (Детектив Джейк Дарем), «Вирус» (Президент Ричардсон), «С днём рождения меня» (Доктор Дэвид Фарадей).

В 1978 году Форд во время сеанса гипноза в деталях поведал о своей прошлой жизни ковбоя из Колорадо по имени Чарли Билл. Эта запись была отдана в Калифорнийский университет на исследование. Через несколько лет, когда Форду было 61, сеанс гипноза был повторён, но на этот раз Форд вспомнил свою жизнь в качестве учителя музыки Чарльза Стюарта из Шотландии, употреблял в своей речи типично английские слова и даже сыграл

несколько аккордов на фортепьяно. Позже исследователи разыскали могилу некоего Чарльза Стюарта в городе Элгин в Шотландии. Когда Форду показали фотографию надгробия, он был глубоко взволнован и сказал, что сразу же почувствовал: это была именно его могила.

1 мая: Передача для умных детей

100 лет назад родился Майлен Аронович КОНСТАНТИНОВСКИЙ (1926-2002), русский журналист и писатель, автор 162 радиопьес серии «КОАПП» и ряда книг научно-художественной прозы для детей.

Майлен (имя образовано от названия месяца, в котором он родился, и фамилии «Ленин») Константиновский объяснял: «Я писал все передачи для детей с убеждением, что человек бывает самым

умным в 7-8 лет, а дальше задача состоит лишь в том, чтобы он не поглупел». И это не просто слова. Уникальная радиопередача, которую он создал, хоть и рассказывала о новой для того времени науке – бионике, опиралась на мнение своего главного слушателя – ребёнка. Изобретательный автор сделал детей своими партнёрами! Неслыханная вещь для подхода в педагогике того времени, когда к ребёнку относились скорее как к недочеловеку, из которого школа должна была сделать настоящего человека. Дети с удовольствием слушали истории о животных, в библиотеках искали ответы на задачки от КОАППа.

3 мая: О страшной кыси

75 лет назад родилась **Татьяна Никитична ТОЛСТАЯ** (р. 1951), русская писательница, внучка А.Н.Толстого и М.Л.Лозинского, автор сборников «На золотом крыльце сидели...», «Не Кысь», «Река», романа «Кысь».

Роман «Кысь» в среде любителей фантастики занимает неоднозначное положение. Разброс оценок – от восторженных до полного неприятия. Причём одни и те же характеристики произведения кем-то принимаются в штыки, а кто-то видит в них шедевральность. Необычный язык («только за это книгу можно полюбить» – «невозможно продраться через это изобилие слов под старину»), апокалиптическая обстановка, тонкий юмор, причудливая фантазия. Кто-то считает, что это «грустные размышления автора о роли и судьбе интеллигенции в эпоху исторических перемен и переворотов». По мнению других, это «сатира, насмешка над русским обществом». Для знатоков фантастики Толстая не сказала ничего нового. Поклонники мейнстрима удостоили книгу премии «Триумф». Такая вот нестандартная ситуация.

6 мая: Франкенштейн по жизни

65 лет назад родился **Джордж Тимоти КЛУНИ [George Timothy CLOONEY]** (р. 1961), американский актёр, режиссёр, сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Возвращение в школу ужасов» (Оливер), «Возвращение помидоров-убийц» (Мэтт Стивенс), «Бэтмен и Робин» (Бэтмен), «От заката до рассвета» (Сетт Гекко), «Дети шпионов» (Девлин), «Соларис» (Крис Кельвин), «Безумный спецназ» (Лин Кэссиди), «Гравитация» (Мэтт Ковальски), «Земля будущего» (Фрэнк Уокер), «Уловка-22» (Шайскопф), «Полночное небо» (Огустин), «Воображаемые друзья» (Астронавт).

В детстве у Джорджа Клуни проявилась генетическая болезнь, передавшаяся ему от отца – паралич Белла. Половина лица была неподвижна. «Мы тогда только что перебрались в другой город, и через несколько месяцев я заболел, – вспоминал Клуни много лет спустя. – Я тогда только перешёл в среднюю школу. Иметь недостатки в этом возрасте крайне тяжело, потому что их нещадно высмеивают. Я получил у одноклассников прозвище Франкенштейн. Но старался не унывать и быстро понял, что шутить надо первым. Это лучший способ обезоружить человека. Вот и я смеялся над своим парализованным лицом, после чего моим приятелям было уже гораздо труднее это сделать». Болезнь только закалила характер Клуни.

8 мая: Сказочное амплуа

100 лет назад родилась **Нинель Константиновна МЫШКОВА** (1926-2003), русская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Садко» (Ильмень-царевна), «Илья Муромец» (Василиса), «Марья-искусница» (Марья-искусница), «Человек ниоткуда» (Оля), «Большое космическое путешествие» (Катерина).

Красота актрисы сыграла с ней злую шутку. Её с удовольствием брали на роли сказочных красавиц, а вот в реалистических картинах главные роли полагалось отдавать простым труженицам, красивых же часто снимали в ролях отрицательных персонажей. И от актрисы требовалось изображать их отталкивающими, а у Мышковой это не получалось, не могла она осуждать своих героинь в силу своего обаяния, они получались у неё живыми – с обычными слабостями и грехами. И вызывали у зрителей симпатию, несмотря ни на что. В результате за тридцать лет работы в кино у Мышковой наберётся всего три десятка ролей. Мало!

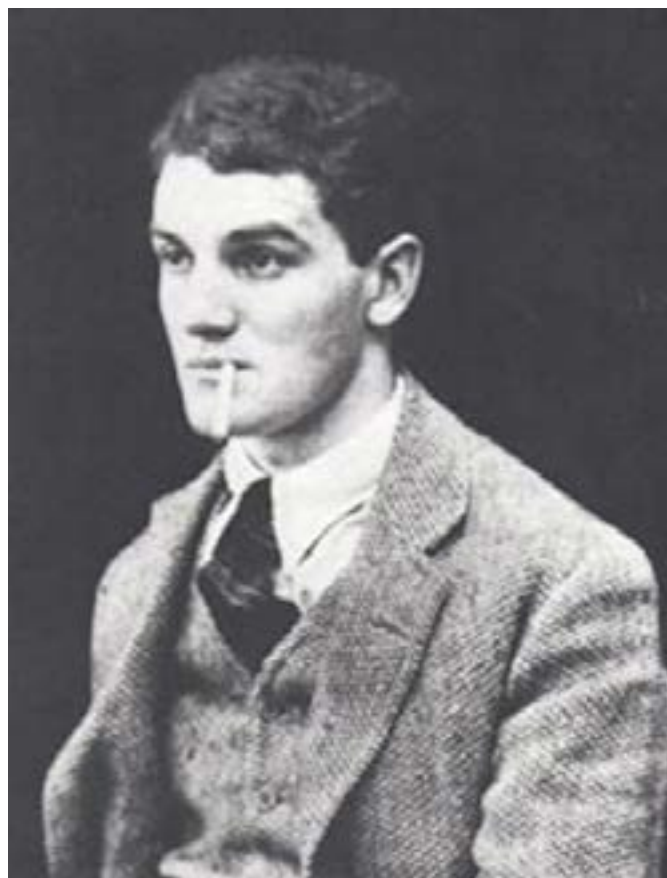
8 мая: Глазами другого поколения

80 лет назад родился **Святослав Юрьевич РЫБАС** (р. 1946), русский писатель, автор философской повести «Зеркало для героя», пьесы «Как Сталин и Булгаков МХАТ делили».

Повесть Рыбаса интересна тем, что в ней задолго до нынешних историй о попаданцах люди из начала 1980-х годов попадают в шахтёрский городок 1949 года. В отличие от одноимённого фильма в повести нет так называемой «петли времени», когда персонажи проживают несколько раз один и тот же день. Прожив несколько дней в прошлом, герои вернулись в своё время. Просто им потребовалось совсем немного времени, чтобы увидеть мир глазами другого поколения.

9 мая: Мудрые инопланетяне нам помогут

100 лет назад родился **Джон Миддлтон МАРРИ-МЛ. (Ричард КАУПЕР) [John Middleton MURRY, JR. (Richard COWPER)]** (1926-2002), английский писатель, автор цикла «Белая птица рода», романов «Прорыв», «Феникс», «Домино», «Кулдесак», «Клон», «Обезумевшее время», «Закат в Бриарее», «Разделённые миры», «Profundis», «Тени тьмы», сборников «Хранители», «Паутина магов», «Оттуда, куда плывут большие корабли», «Фактор Титона», «Волшебные очки».

В своём творчестве Ричард Каупер испытывал сильнейшее влияние Герберта Уэллса, с которым познакомился в детстве (отец Каупера, Джон Миддлтон Марри-старший, был известным писателем и хорошо знаком со многими авторами). В основном Каупер разрабатывал темы экстрасенсорного восприятия и других сверхспособностей человека. В романе «Закат в Бриарее» человечество после космической катастрофы становится стерильным, но с помощью мудрых инопланетян люди вновь получают возможность размножаться. В цикле «Белая птица рода» описана Британия, ставшая после потопа архипелагом небольших островков. На русский язык переведен всего один рассказ писателя. В 1987 году Каупер внезапно прекратил писать, так как, по его собственным словам, ему нечего было больше сказать, и занялся живописью, а также ремонтом и восстановлением викторианских стульев.

10 мая: История возвышения человечества

140 лет назад родился Уильям Олаф СТЭПЛЕДОН [William Olaf STAPLEDON] (1886-1950), английский писатель и ученый-философ, автор романов «Последние и первые люди», «Создатель звезд», «Последние люди в Лондоне», «Создатель туманностей», «Странный Джон», «Сириус».

История Людей по Стэплдону – это история возвышения человечества и его падений. Или, по-другому, история противоборства Природы с Человеком. Именно Природа, «Гомеостатическое Мироздание», если воспользоваться термином братьев Стругацких, противостоит Людям Стэплдона. Она изощрённа и терпелива, эта неперсонифицированная леди, но своего не упустит. Вот только некоторые способы борьбы с Людями, изображённые фантастом-философом: гигантские катаклизмы на планете, вызванные попытками освоить новые ис-

точники энергии; космическое вторжение; падение Луны; превращение Солнца в сверхновую; наконец, «фиолетовая зараза», которая вызывает цепную реакцию вспышек сверхновых вокруг Солнца, сводя на нет все попытки Шестнадцатого Человека выжить или создать новую цивилизацию, способную продолжить род человеческий. Противостояние Природы и Человека постоянно нарастает, Космосу приходится использовать всё более мощные и непредсказуемые средства, чтобы поставить Людей на место.

Каждая катастрофа отбрасывает человечество на самый низ цивилизованности: чем выше взбираются Люди Стэплдона, тем страшнее падение. Но и Человека писатель наделяет недюжинным умением выживать: трансформируя себя и окружающую среду, Человек выбирается из очередной инволюционной пропасти и поднимается выше своих предшественников. Трагедия Стэплдона оптимистична, несмотря на то, что роман завершается полным разгромом Людей. Согласитесь, продержаться два миллиарда лет – это вам не баран чихнул!

11 мая: О сошедших с небес

100 лет назад родился **Михаил Борисович ЧЕРНЕНКО** (1926-2018), русский писатель, журналист, редактор в журнале «Химия и жизнь» и издательстве «Текст», автор повестей «Мушкетёры», «Сквозь магический кристалл» (все – с Валентином Ричем).

Повесть «Мушкетёры» (журнальный вариант имел название «Сошедшие с неба») вышла в 1964 году, когда в стране были очень популярны материалы о посещении нашей планеты инопланетяна-

ми. Вот и герои повести ищут следы тех, кто «сошёл с небес» в далёком прошлом. На обложке книги был помещен рисунок «человека в скафандре», изображение, найденное в пещерах Тассили. А вообще в повести упоминается такое огромное количество артефактов (реальных и придуманных), что при чтении возникала уверенность в том, что «гости из Космоса» действительно прилетали.

11 мая: **Перемещаясь на странном сооружении**

100 лет назад родился **Марк Давидович ГАНТВАРГЕР (Марк СЕРГЕЕВ)** (1926-1997), русский писатель, поэт и литературовед, автор повестей «Волшебная галоша», «Машина времени Кольки Спиридонова», сборников «Весёлые беглецы», «Сказка о нелетающей снежинке и другие удивительные истории», «Вот так чудеса».

Он выпустил семьдесят книг, написал сценарии к шестидесяти документальным фильмам, сочинил около десятка пьес, подарил композиторам

множество текстов песен. А в фантастике оставил след как автор двух повестей и десятка рассказов и сказок. Во второй повести брат и сестра Спиридоновы находят в лесу странное строение, в одной из комнат которого «большую половину ее занимает странное сооружение – прибор не прибор, машина не машина. Множество циферблатов зловеще вспыхивает и гаснет. Дрожат и прыгают стрелки. Мелькают миниатюрные молнии – зелёные, красные». На этом устройстве дети побывали и в прошлом, где научили жителей первобытного племени новым навыкам, и в будущем, аж в 30.963 году! И нашли там своих прямых потомков!

13 мая: Похожа на героинь своих повестей

75 лет назад родилась **Далия Мееровна ТРУСКИНОВСКАЯ** (Дана ВИТТ; Дарья ПЛЕЩЕЕВА) (р. 1951), русская писательница, автор циклов «Архаровцы», «Государевы конюхи», «Иван Андреевич

Крылов», «О домовых», «Приключения Алексея Суркова», «Следствие ведёт клоун», романов «Люс-А-Гард», «Королевская кровь», «Аметистовый блин», «Дайте место гневу Божию», «Заклятие колдуньи Диармайд», «Нереал», «Шайтан-звезда», «Несусветный эскадрон», «Окаянная сила», «Охотницы на мужчин», «Дурни вавилонские» и др.

Kononov-varvar в Живом Журнале писал: «Далия чем-то похожа на героинь своих повестей. Она из тех, кто способен постоять за себя: на лошадах она скачет не хуже Чингачгука, занималась бодибилдингом, увлекается кунфу. По большому счету, все ее произведения – о любви. О том, что любовь стоит памяти и память стоит любви – повесть «Монах и кошка», о том, что Сказка и Любовь не терпят предательства – «Дверинда», о всеобщем равенстве («Королевская кровь»), и эмансипации («Люс-А-Гард») – первейших врагах любви. В прозе Далии явственно наблюдаются традиции карнавальная, маскарадной литературы XVIII века. Проза ее иронична (ирония часто переходит в сарказм), многослойна. Писатель играет со своим читателем: «Угадай-ка, что я хотела сказать на самом деле». Её повести и романы популярны в самых различных читательских кругах, противоположных по своим пристрастиям».

15 мая: Придворный историк страны Оз

170 лет назад родился **Лаймен Фрэнк БАУМ** (Лаура БАНКРОФТ; Эдит ВАН ДАЙН; Джон Эстез КУК; Сюзанн МЕТКАФ; Шуйлер СТАНТОН; Хью ФИЦДЖЕРАЛД; Флойд ЭЙКЕРЗ) [Lyman Frank BAUM (Laura BANCROFT; Edith VAN DYNE; John Estes COOK; John Estes COOKE; Suzanne METCALF; Schuyler STANTON; Schuyler STAUNTON; Hugh FITZGERALD; Floyd AKERS)] (1856-1919),

американский писатель, автор серии об Изумрудном Городе Страны Оз и романа «Главный ключ».

В 1890 году Баум стал редактором газеты «Пионер Дакоты», которую почти полностью занимал своими материалами. В юмористической колонке он разместил и такую шутку: «Есть ли корм для скотины?» – спрашивают фермера. – «Нет, но я придумал надевать ей зелёные очки и кормить опилками». Годы спустя Волшебник Изумрудного города прикажет всем входящим в его город надевать зелёные очки, чтобы любое стёклышко казалось изумрудом. История о стране Оз так понравилась читающей публике, что Бауму пришлось писать одно за другим продолжения. Хоть Баум и пытался уйти от растянувшегося на годы «сериала» (он даже пробовал выпускать книги с другими героями), но дети в письмах писателю требовали, чтобы сказки о стране Оз продолжали появляться. Последняя книга вышла уже после смерти автора, но письма от детей в его адрес продолжали приходить ещё сорок лет...

15 мая: **Ключница водку делала?**

135 лет назад родился **Михаил Афанасьевич БУЛГАКОВ** (1891-1940), русский писатель и драма-

тург, автор повестей «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», пьес «Адам и Ева», «Багровый остров», «Блаженство», «Иван Васильевич», романа «Мастер и Маргарита».

Вертер де Гёте (Алексей Грибанов) на ФантЛабе: «Трудно встретить Новый год в России и не посмотреть по телевизору «Иван Васильевич меняет профессию». Вот и на эти праздники я с удовольствием дважды посмотрел легендарную комедию Гайдая, вновь удивился, что просмотренный десятки раз фильм ни капельки не надоедает и вспомнил, что уже лет тридцать как собираюсь прочитать

литературный первоисточник – пьесу Булгакова. Каждый раз страх разочарования заставлял меня откладывать книгу – слишком уж хорош фильм и по моим предположениям сценаристы изрядно переработали булгаковское произведение. Но первого января 2019 года, сразу после фильма я решил – и не пожалел. Сценаристы фильма проделали хорошую работу, но вместе с тем – очень бережно отнеслись к первоисточнику, сюжетно фильм и пьеса очень близки, герои те же, даже большая часть лучших шуток придумана Булгаковым и воспроизведена Гайдаем почти дословно: «Что крест животворящий делает!»; «Ключница водку делала?»; «А что вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узоров нету и цветы не растут»; «Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело»; «Э, да ты ведьма!», «Украли два костюма, два пальто...»; «Как челобитную царю подаешь?»; «Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кипятке сварили»; «Скажите, и в магазине можно так же стенку приподнять?»; «Оставь меня, старушка, я в печали...»; «Ты чьих будешь?»; «Я не узнаю вас в гриме»; «Житие мое... Пёс смердящий! Какое житие?!»... Даже выступление «интуриста» на немецком «Дер гроссер кениг... « написано Булгаковым. Разумеется, для фильма, действие в котором происходит в 70-х, кое-что оказалось устаревшим и было изменено, хотя фраза «Вы с патефоном пришли к Шпаку?», по моему, звучит даже смешнее. При этом несмотря на сходство фильма и пьесы, творения Гайдая и Булгакова заметно отличаются по настроению. Фильм – весёлая и добрая комедия, пьеса – довольно злая сатира, запрещённая к постановке и опубликованная через тридцать лет после создания. Если вспомнить о времени, когда создана пьеса, более понятными становятся многие намёки Булгакова. И слова Милославского «Бандиты они, Фёдя. Простите, ваше

величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты» звучат смело и донос Шпака о том, что «инженер Тимофеев царя вызвал» кажется более серьёзным».

16 мая: Наш человек в антропоцене

85 лет назад родился **Геннадий Мартович ПРАШКЕВИЧ (Геннадий ГОНЧАРОВ; Николай ОСЯНИН; Роальд САЛИНКАС)** (р. 1941), русский писатель, поэт и переводчик, автор цикла «Записки промышленного шпиона», повестей и романов «Только человек», «Школа гениев» (с В.Свиньным), «Костры миров», «Кот на дереве», «Анграм-VI», «Демон Сократа», «Соавтор», «Парадокс Каина», «Царь-ужас», «Кормчая книга», «Золотой миллиард», «Деграданс» (с А.Калугиным), «Божественная комедия», «Русский струльдбруг», «Нет плохих вестей из Сиккима», «Юрьев день» (с А.Гребенниковым), работ «Возьми меня в Калькутте», «Адское пламя», «Красный сфинкс», «Герберт Уэллс», «Братья Стругацкие» (с Д.Володихиным), «Жюль Верн»,

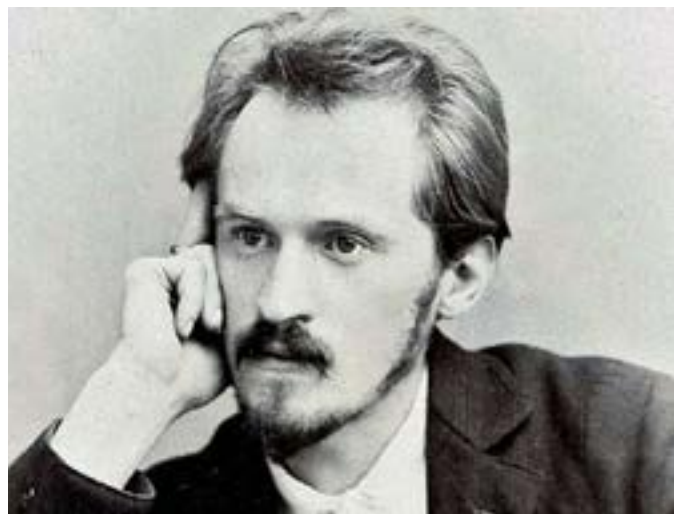
«Брэдбери», «Станислав Лем» (с В.Борисовым), «Толкин» (с С.Соловьёвым).

Создаётся такое впечатление, что время не властно над писателем. Последние пять лет (а это ведь девятый десяток Прашкевича) показали, что автор не намерен сидеть, сложа руки. Он активно работает, не обращая внимания на годы. Вот лишь краткий перечень новых произведений, вышедших из-под пера (ха, конечно же, из-под клавиатуры компьютера!) Геннадия Мартовича: сборник «Последний карантин», в который кроме заглавной, вошла также повесть «За Кукушкиной рекой» и роман «Гуманная педагогика (Из жизни птеродактилей)», выбранная автором подборка писем «Портрет писателя в молодости» (с кем только не общался Прашкевич за эти годы – и с учёными, и с писателями, и с критиками, и с поэтами), повесть «До и после будущего (Прибытие почтового поезда)», сборник статей на животрепещущие темы с физиком Алексеем Буровым «Как горчичное зерно», роман-воспоминание «Судовая роль (Собеседники)» (о тех, с кем встречался писатель на долгом жизненном пути), книга «Счастливый сказочник: Жизнь и судьба Юрия Михайловича Магалифа». И пока не опубликованные, но уже написанные: роман «Идут варвары» и трилогия, состоящая из повестей «Венценосный», «Седьмая колба» и «Бульон на вынос».

18 мая: Как сделать тёплой Арктику?

140 лет назад родился **Абрам-Герш Борохович ГИБС (Григорий Борисович АДАМОВ)** (1886-1945), русский писатель, автор романов «Победители недр», «Тайна двух океанов», «Изгнание владыки».

Самым популярным произведением Адамова является роман «Тайна двух океанов», выдержавший 40 переизданий на русском языке и около

двадцати – на других языках. В 1940 году писатель совершает путешествие в Арктику для подготовки своего нового романа «Изгнание владыки», работу над которым начал еще в 1938 году. Ездил на собаках и оленях, плавал на сейнерах по арктическим морям, а в его кабинете собиралась новая библиотека: учёные записки Арктического института, труды полярных экспедиций и дневники зимовщиков. В 1941 году журнал «Наша страна» в первом номере опубликовал отрывок из нового романа, сюжет которого совмещает в себе идеи двух предыдущих книг. Советские люди искусственно повышают температуру теплого течения Гольфстрим, и огромные заполярные пространства становятся пригодными для жизни. С одной стороны страна начинает грандиозное строительство по отоплению побережья Арктики и с другой – враги, препятствующие этому проекту. Идея, положенная в основу романа действительно грандиозна, но, с точки зрения сегодняшнего дня, нереальна. Прижизненная публикация романа не состоялась из-за Великой

отечественной войны, так что книга вышла в «Детгизе» лишь в 1946 году – уже после смерти писателя.

25 мая: Встреча цивилизаций

95 лет назад родился **Георгий Михайлович ГРЕЧКО** (1931-2017), русский летчик-космонавт, ведущий телепередачи «Этот фантастический мир», лауреат премии им. Ефремова за вклад в фантастику.

Из интервью: «Меня больше всего интересует в космонавтике встреча цивилизаций. Поэтому я был потрясен повестью «Попытка к бегству» Стругацких, а потом – «Трудно быть богом». Я не для того стал космонавтом, чтобы сидеть и ждать, когда к нам прилетят другие цивилизации, я хотел сделать маленький шагок навстречу. Существуют ли другие цивилизации, – мы не знаем. Попытки что-то доказать ни к чему не приводят, остается только верить или не верить. Верить, конечно, интереснее. Например, когда я прочел, что Тунгусский метеорит может быть инопланетным кораблем (гипотеза Казанцева), я сказал себе: я там буду. И мы там были, но ничего от корабля не нашли».

25 мая: Убедительный образ Тени

85 лет назад родился **Олег Иванович ДАЛЬ** (1941-1981), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Солдат и царица», «Старая, старая сказка» (Солдат и Кукольник), «Король Лир» (Шут), «Тень» (Учёный и Тень), «Земля Санникова» (Евгений Крестовский), «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» (Иванушка-дурачок), в телепередачах «Сказки Г.Х.Андерсена», «Сказки Салтыкова-Щедрина», в спектаклях «Макбет» У.Шекспира (1-й слуга), «Голый король» Е.Шварца (Генрих), «Белоснежка и семь гномов» Л.Устинова, О.Табакова (Гном Четверг), «Сирано де Бержерак» Э.Ростана (Маркиз Брисайль), «Всегда в продаже» В.Аксёнова (Игорь), «Принцесса и дровосек» М.Микаэлян, Г.Волчек (Магиаш), «Двенадцатая ночь» У.Шекспира (Сэр Эндрю Эгьючик).

Никита Елисеев о фильме «Тень»: «В этом фильме Георгий Вицин замечательно сыграл свою первую и последнюю драматическую роль: Доктора. В этом фильме замечательно сыграли Неёлова, Гурченко, Вертинская. Но главным достижением был Олег Даль, сыгравший Учёного и его Тень. Тень –

вот, что было актуально. Это была первая отрицательная роль, сыгранная Олегом Далем. И с каким наслаждением он играл прилизанную, змеиноголовую, жандармскую тварь. Это был самый убедительный образ сотрудника тайной полиции во всей истории советского кино. Умный, обаятельный, знающий только слабые и тёмные стороны человека (это его профессия), потому презирующий любого, любящий только власть, верящий только во власть – Даль был невероятно убедителен в этой роли. Видимо, очень уж сильно он ненавидел сотрудников тайной полиции. Весь психологический рисунок поведения шестёрки, ставшей диктатором, дан Олегом Далем предельно верно».

29 мая: И о бестиях Средневековья

120 лет назад родился **Теренс Хэнбери УАЙТ (Джеймс ЭСТОН) [Terence Hanbury WHITE (James ASTON)]** (1906-1964), английский писатель, автор романов «Прощай, Виктория!», «Отдохновение миссис Мэшем», «Слон и кенгуру», «Хозяин», «Книга

Мерлина», тетралогии «Король былого и грядущего» («Меч в камне», «Царица воздуха и тьмы», «Рыцарь, совершивший проступок», «Свеча на ветру»).

Переводчик Сергей Фёдоров: «Параллельно с написанием романов Ти Эйч Уайт более десяти лет занимался переводом «Средневекового бестиария», книги о животных, с рисунками и подробными комментариями описаний реальных и вымышленных существ. Структурно книга представляет собой как бы два издания – оригинальный средневековый памятник с подлинными рисунками и научный труд, в котором Уайт вводит читателя в мир средневековой книжности. Он увлекательно рассказывает о создании памятника, работе переписчиков и комментирует текст. Изящные, порой ироничные, но всегда точные и ёмкие комментарии сделали книгу прекрасным справочником, адресованным всем, кто интересуется культурой европейского Средневековья».

31 мая: Детский писатель – ребёнок

100 лет назад родился **Джеймс Якоб Хинрих КРЮС [James Jacob Hinrich KRÜSS]** (1926-1997), немецкий писатель, автор книг «Когда бы я стал королем», «Тим Талер, или Проданный смех», «Говорящая машина», «Счастливые острова по ту сторону ветра», «Маяк на Омаровых островах», «Мой прадедушка и я».

Особая тема в творчестве Джеймса Крюса – статьи о литературе для детей и детском чтении. Хоть писатель и утверждал, что пишет для детей «ради забавы», но на самом деле относился к собственному творчеству и детской литературе вообще очень серьёзно. Как и многие деятели культуры послевоенного поколения, он верил в освободительную миссию литературы. Однако и в детской книге превыше воспитательных задач ставил художественные:

«Хорошие детские писатели – это хорошие писатели. К сожалению, части этого уравнения нельзя поменять местами: Поскольку хороший детский писатель должен быть и оставаться ещё чем-то совсем другим: ребёнком, пожизненным ребёнком».

31 мая: Я стреляю в фантомов

75 лет назад родился **Серж БРЮССОЛО [Serge BRUSSOLO]** (р. 1951), французский писатель, автор циклов «Пегги Пью и призраки», «Зигфрид и потерянные миры», «Нушка и тайная магия», «Давид Сарелла», романов «Запретная стена», «Замок отравителей», «Лабиринт фараона», «Печальные песни сирен», «На пороге ночи», «Ночная незнакомка», «Индийская комната», «Дом шёпотов», «Зимняя жатва», сборников «Вид больного города в разрезе», «Тяжёлый, как ветер», «Пожиратель мира», «Ночь яда».

Полный перечень всего написанного французским писателем занял бы много места, количество изданных книг давно превысило сотню. Тексты Брюссоло нестандартны, щедро пропитаны чёрным юмором, часто подвергаются атаке возмущённых критиков, параллельно привлекая всё новых и новых поклонников. Отвечая на выпады своих критиков, Брюссоло писал в фэнзине «Сфера»: «Сегодня для меня имеет значение только грубая сила, захлёстывающая и разрушающая всё вокруг, сила, которой наплевать на изысканные конструкции, на стилистическое манерничанье. Я стреляю картечью в фантомов, становящихся всё более и более материальными, я использую всё больше и больше деталей. Главное – мне необходимо оружие, чтобы выдержать осаду...».

Такие дела Апрель, 2026:

1 апреля: **Сергей Вениаминович Быстрицкий** (р. 12 июня 1963), актёр и режиссёр кино и дубляжа, переводчик, исполнитель ролей в к/ф «Подземелье ведьм», «Час оборотня», «Дневной Дозор», дублировал к/ф «Безумный Макс 2: Воин дороги», «Терминатор», «Хищник», «Крепкий орешек 2», «Робокоп 3», «Гаттака», «Шестой день», «Люди Икс», «Человек-невидимка», «Титан: После гибели Земли», «Космические ковбои», «Хребет дьявола», «Ванильное небо», «Матрица: Перезагрузка», «Таинственный лес», «Заколдованная Элла», «Электра», «Миссия “Серенити”», «Бладрейн», «Возвращение Супермена», «Лабиринт фавна», «Невероятный Халк», «Чернильное сердце», «13-й район: Ультиматум», «Обитель зла в 3D: Жизнь после смерти», «Скуби-Ду: Мистическая корпорация», «Меняющие реальность», «Третий лишний», «Элизиум – рай не на Земле», «Интерстеллар», «Марсианин», «Тор: Рагнарёк». 62 года. (*Николай Подосокорский*)

1 апреля: **Сергей Николаевич Селеменев** (р. 17 апреля 1961), театральный актёр, режиссёр и педагог, исполнитель ролей в спектаклях «Калигула», «Средство Макропулоса», «Король Лир», постановщик спектаклей «Волшебник Изумрудного города», «Аленький цветочек», «Приключения кота Леопольда», «Малыш и Карлсон», «Снежная королева», «Вини-Пух». 64 года. (*Википедия*)

2 апреля: **Долорес «Ди» Фриман [Dolores «Dee» Freeman]** (р. 6 июня 1959), американская актриса, сценарист, драматург, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Секретные материалы», «Третья планета от Солнца», «Затерянные на Земле», «Хозяйка», «Говорящая с призраками», «Оморожение». 66 лет. (*Википедия*)

3 апреля: **Елена Энгельсовна Иванова** (р. 13 августа 1958), актриса-кукольница, режиссёр и драматург, постановщик спектаклей «Сказки братьев Grimm», «Калиф-аист», «Левша», «Сказка-загадка», «Ключ от королевства, или Дом, который построил Джек», «Любопытный тигрёнок Бинки», «Весёлые уроки», «Мойдодыр». «Золочёные лбы», «Белые сказки», «Отшельник и Роза», «Солнышко и снежные человечки», «Царевич Ваня на волке Сером». 67 лет. (*kino-teatr.ru*)

3 апреля: **Микеле Массимо Тарантини [Michele Massimo Tarantini]** (р. 7 августа 1942), итальянский режиссёр и сценарист, постановщик к/ф «Меч варваров», «Женщины в ярости», «Резня в долине динозавров». 83 года. (*Википедия*)

3 апреля: **Томас Ципп [Thomas Zipp]** (р. в 1966), немецкий художник, выставивший работы на персональных выставках «Планета Караван. Есть ли жизнь после смерти?», «Лунные птицы», «Урановый свет», «Футуризм сегодня», «Команда Неро», «Изгнание демонов», «Пока смерть не обойдёт нас стороной», «Никто не любит альбатросов». 59 лет. (*Википедия*)

3 апреля: **Сергей Анатольевич Чулков** (р. 5 апреля 1939), театральный режиссёр, постановщик спектаклей «Двенадцатая ночь», «Золушка», «Однажды в Тралаландии», «Снежная королева», «Бременские музыканты». «Гамлет». 86 лет. (*Википедия*)

6 апреля: **Анджела Дафна Энн Плезенс [Angela Daphne Anne Pleasence]** (р. 17 сентября 1941), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Одержимые», «Пьеса дня», «Байки из могилы», «Симптомы», «Станный ребёнок», «Рождественская история», «Полицейские во времени», «Дом страха доктора Ужасного», «Доктор Кто», «Приключения Сары Джейн», «Храбрые перцем». 84 года. (*Википедия*)

8 апреля: **Марио Адорф [Mario Adorf]** (р. 8 сентября 1930), немецкий актёр театра и кино, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Привидения поитальянски», «Птица с хрустальным оперением», «Короткая ночь стеклянных кукол», «Когда женщины потеряли хвосты», «Приключения Пинокио», «Полиция просит помощи», «Собачье сердце», «Жестяной барабан», «Момо», «Чёрная луна», «Фантаги-ро, или Пещера золотой розы», «Снежное чувство Смильы», «Сбежавший лось», «Тайна китов», «Пинокио». 95 лет. (*Википедия*)

9 апреля: **Алла Анатольевна Докучаева** (р. 7 января 1935), писательница, поэтесса, журналистка, автор романа «Суд Божий» (с мужем Семёном Шапиро). 91 год. (*Википедия*)

9 апреля: **Виктор Николаевич Яковлев** (р. 25 июля 1951), актёр театра и кино, автор пьесы «Ёлка для наследника Тутти», исполнитель ролей в спектаклях «Гамлет»!, «Гуманоид в небе мчится», «Роза и крест», «Маугли», «Ночь перед Рождеством», «Храбрый портняжка», «Приключения Буратино в новогоднюю ночь», «Сказка о золотом петушке», «Король Лир», «Забыть Герострата», «Сирано де Бержерак», «Двенадцатая ночь или что угодно», «Разрушитель», «Последняя любовь Насреддина», «Емелино счастье», «Кентервильское привидение», «Приключения Чиполлино», в сериале «Выжившие. Дед». 74 года. (*Википедия*)

11 апреля: **Джон Фрэнсис Нолан [John Francis Nolan]** (р. 22 мая 1938), английский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Заклужённый», «Смерть по часам», «1990», «Террор», «Бэтмен: начало», «В поле зрения», «Тёмный рыцарь: Возрождение легенды», «Дюна: Пророчество». 87 лет. (*Википедия*)

13 апреля: **Йэн Уотсон [Ian Watson]** (р. 20 апреля 1943), английский писатель, автор романов «Внедрение», «Набор для Ионы», «Марсианский инка»,

«Инопланетное посольство», «Чудесные посетители», «Охотник за смертью», «Книга Реки», «Книга Звёзд», «Книга Бытия», «Фабрика смерти», «Королевская магия, ферзевая магия», «Сады наслаждений», «Путешествие Чехова», «Под небесным мостом» (с М.Бишопом), «Блудницы Вавилона», «Инквизиторы космоса», «Миссия инквизитора». 82 года. (*К.А.Терина*)

14 апреля: **Патрисия Джой Хармон [Patricia Joy Harmon]** (р. 1 мая 1938), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Агенты А.Н.К.Л.», «Моя жена меня приворожила», «Деревня великанов», «Бэтмен». 87 лет. (*Wikipedia*)

16 апреля: **Лидия Степановна Кудрявцева** (р. 28 января 1934), арт-критик, литератор, искусствовед, автор книг «Богатыри земли русской», «Художники Виктор и Аполлинарий Васнецовы», «Художники детской книги», «Один в поле воин. Как Виктор Васнецов стал великим художником», «Собеседники поэзии и сказки», «Andersen и его русские иллюстраторы», «Сказки Андерсена и четыре русских художника-иллюстратора», «Ханс Кристиан Андерсен и его русские иллюстраторы за 150 лет» (книги об Андерсене – с Л.Звонарёвой). 92 года. (*Википедия*)

17 апреля: **Натали Мари Андре Бай [Nathalie Marie Andrée Baye]** (р. 6 июля 1948), французская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Медовый месяц», «Машина», озвучивала м/ф «Гроза муравьёв». 77 лет. (*Википедия*)

19 апреля: **Бенджамин (Бен) Бартлетт [Benjamin (Ben) Bartlett]** (р. 17 марта 1965), британский композитор, гитарист, автор музыки к к/ф «Прогулки с динозаврами», «Прогулки с чудовищами», «Прогулки с пещерным человеком», «Прогулки с монстрами». 61 год. (*Википедия*)

19 апреля: **Уильям Патрик Малдун III [William Patrick Muldoon III]** (р. 27 сентября 1968),

американский актёр, продюсер и музыкант, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Смертельный уик-энд», «Звёздный десант», «Прибытие: Новая угроза», «Стигматы», «Плохая карма», «Сумрак разума», «Чужой», «Друг семьи», «Ледяные пауки», «Парниковый эксперимент», «Рождественский городок», «Семь приключений Синдбада», «Пауки», «Раз нашла – беру себе», «Злой внутри», «Робо-пёс», «Маленькая мёртвая шапочка», «Американский дьявол», «Волк-вожак», «Сокровище Пиратской бухты», «Ангел мести», «Оставайтесь дома». 57 лет. (*Мир фантастики*)

19 апреля: **Десмонд Джон Моррис [Desmond John Morris]** (р. 24 января 1928), британский зоолог и этолог, художник-сюрреалист, популяризатор науки, автор книги «Голая обезьяна», постановщик сюрреалистических фильмов «Цветок времени», «Бабочка и булавка», организатор исследовательского проекта по изучению изобразительных способностей обезьян. 98 лет. (*Википедия*)

19 апреля: **Владимир Николаевич Шинкарёв** (р. 4 марта 1954), художник, писатель, один из основателей творческой группы «Митьки», автор романа «Папуас из Гондураса», повестей «Максим и Фёдор», «Квартира», книги «Митьки». 72 года. (*Николай Подосокорский*)

21 апреля: **Луис Адальберто Пуэнсо [Luis Adalberto Puenso]** (р. 19 февраля 1946), аргентинский режиссёр, сценарист, продюсер, постановщик к/ф «Чума» по роману Альбера Камю. 80 лет. (*Википедия*)

21 апреля: **Элси Норма Холл (Элси Келли) [Elsie Norma Hall (Elsie Kelly)]** (р. 7 июня 1936), английская актриса и режиссёр, исполнительница ролей в сериалах «Охотник за привидениями», «Внутри девятого номера». 89 лет. (*Википедия*)

22 апреля: **Дин (Константинос) Тавуларис [Din (Κωνσταντίνος) Ταβουλάρης; Dean Tavou-**

laris] (р. 18 мая 1932), американский художник-постановщик и арт-директор кино, участвовал в работе над к/ф «20 000 лье под водой», «Девятые врата», м/ф «Леди и Бродяга». 93 года. (*Википедия*)

24 апреля: **Лев Павлович Шимелов** (р. 28 января 1930), конферансье, артист разговорного жанра, режиссёр музыкальной сказки «Происшествие в стране Мульти-Пульти», озвучил в ней одного из Бременских музыкантов, исполнитель песни в м/ф «Пластилиновая ворона». 96 лет. (*Николай Подосокорский*)

27 апреля: **Стив Маслоу [Steve Maslow]** (р. 17 октября 1944), американский звукорежиссёр, работал в фильмах «Звёздный путь», «Империя наносит ответный удар», «Искатели утраченного ковчега», «Побег из Нью-Йорка», «Хэллоуин 2», «Полтергейст», «Нечто», «Огонь и лёд», «Сумеречная зона», «Мёртвая зона», «Кристина», «Гремлины», «Дюна», «Племя пещерного медведя», «Магазинчик ужасов», «Внутреннее пространство», «Битлджус», «Кошмар на улице Вязов 4: Повелитель сна», «Гольый пистолет», «Кладбище домашних животных», «Черепашки-ниндзя», «Эдвард Руки-ножницы», «Бэтмен возвращается», «Дюймовочка», «Троль в Центральном парке», «Водный мир», «Чокнутый профессор», «Муравей Антц», «Лара Крофт: Расхитительница гробниц», «Машина времени», «Приключения Плуто Нэша», «Брюс Всемогущий», «Люди Икс: Последняя битва», «Драконий жемчуг: Эволюция», «Путешествие 2: таинственный остров», «Заклятие», «Безумный Макс: Дорога ярости», «Заклятие 2». 81 год. (*Википедия*)

27 апреля: **Джерард (Джерри) Франсис Конвей [Gerard (Gerry) Francis Conway]** (р. 10 сентября 1952), американский писатель, сценарист и продюсер, автор романов «Полуночные танцоры», «Корабль мысли», сценариев комиксов и мультфильмов для издательств Marvel и DC Comics, писавший

о таких персонажах, как: Человек-паук, Мстители, Железный человек, Капитан Марвел, Каратель, Пауэр Герл, Демогоблин, Кувалда, Мисс Марвел, Мистерио, Могильщик, Стервятник, Убийца Крок, Убийца Мороз, Супермен, Дракула, Халк. 73 года. (*Мир фантастики*)

28 апреля: **Роберт Анатольевич Ляпидевский** (р. 4 февраля 1937), актёр, исполнитель ролей в к/ф «По щучьему велению», «Божественная комедия», в спектаклях Центрального театра кукол «Волшебная калоша», «Маугли», «Конёк-Горбунок», «Волшебная лампа», «Дон Жуан», «Сказка о царе Салтане», «Комедия ошибок», «Экспедиция-2021». 89 лет. (*Николай Подосокорский*)

28 апреля: **Роджер Свит [Roger Sweet]** (р. 4 апреля 1935), американский дизайнер игрушек, создатель мультперсонажа Хи-Мэна, соавтор франшизы «Властелины вселенной». 91 год. (*Мир фантастики*)

R.I.P. – Дополнения:

13 января: **Евгений Сергеевич Ленский** (р. 9 сентября 1954), журналист, поэт и писатель, сын Сергея Снегова, автор повестей «Рай-на-задворках», «В цепи ушедших и грядущих», «Вокруг предела». 71 год. (*Калининградская областная научная библиотека*)

21 января: **Татьяна Сергеевна Ленская** (р. 6 октября 1958), поэтесса, педагог, дочь Сергея Снегова, редактор его собраний сочинений и отдельных произведений. 67 лет. (*Калининградская областная научная библиотека*)

23 января: **Эдвард (Эд) Бернард [Edward (Ed) Bernard]** (р. 4 июля 1939), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Отблески убийства», «Морк и Минди», «За пределами Мира Дикого

Запада», «Голубой гром», «Дорога домой: Невероятное путешествие», «Плохой Пиноккио». 86 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

20 февраля: **Филип Касл [Philip Castle]** (р. 20 октября 1942), британский художник, автор обложек к книгам У.Берроуза, Ф.Лейбера, Э.Нортон, С.Уилсона, Р.Холдстока, постеров к фильмам «Заводной апельсин» и «Марс атакует!». 83 года. (*Дэвид Лангфорд*)

26 февраля: **Кэрри Энн Флеминг [Carrie Anne Fleming]** (р. 16 августа 1974), канадская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Звёздные врата: ЗВ-1», «Тайны Смолвилля», «Мёртвая зона», «Четыре тысячи четыреста», «Кровососы», «Мастера ужасов», «Сверхъестественное», «Во имя короля: история осады подземелья», «Древнее проклятие», «Адская гонка», «Алиса в Стране Чудес», «Рыцари стальной крови», «Континуум», «Супергёрл», «Я – зомби», «Вспомни всё». 51 год. (*Дэвид Лангфорд*)

27 февраля: **Алина Чу [Alina Chu]** (р. 27 октября 1956), американская любительница фантастики, поклонница сериала «Звёздный путь» из Нью-Йорка, участница конвентов, выпускала фэнзин «Ничего не остаётся на воображение» (с Терезой Миньямбрес). 69 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

28 февраля: **Аннабел Скофилд [Annabel Schofield]** (р. 4 сентября 1963), американская модель и актриса, исполнительница ролей в к/ф «Кровавый прилив», «Солнечный кризис». 62 года. (*Дэвид Лангфорд*)

5 марта: **Альберт Джек Цукерман [Albert Jack Zuckerman]** (р. 8 сентября 1931), американский литературный агент, основатель агентства «Writers House», представлявший интересы О.Батлер, Ф.П.Уилсона, С.Хокинга и других писателей. 94 года. (*Дэвид Лангфорд*)

6 марта: **Челль Вальтман [Kjell Waltman]** (р. 24 марта 1960), шведский любитель фантастики

из клуба «Космос» в Гётеборге, переводчик произведений Г.Гаррисона, Л. Дель Рея, М.Крайтона, Ф.Лейбера. 65 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

10 марта: **Ли Мартиндейл [Lee Martindale]** (р. в 1949), американская писательница, автор сборников «Безумие самовознесения», «Стоять в качестве свидетеля», «Нет ярости ада», «Дорога барда», составительница антологии «Такое красивое лицо». *(Дэвид Лангфорд)*

10 марта: **Майкл Хейг [Michael Hague]** (р. 8 сентября 1948), американский художник, иллюстратор книг Г.Х.Андерсена, Дж.М.Барри, Л.Ф.Баума, братьев Гримм, К.Грэма, Дж.Йолена, О.С.Карда, Л.Кэрролла, Х.Лофтинга, К.С.Льюиса, Э.Несбит, М.Нортон, Р.Л.Стивенсона, Дж.Свифта, Дж.Р.Р.Толкина, О.Уайльда. 77 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

13 марта: **Пол Ральф Эрлих [Paul Ralph Ehrlich]** (р. 29 мая 1932), американский биолог, автор книги «Популяционная бомба» о неминуемой катастрофе, вызванной перенаселением. 93 года. *(Дэвид Лангфорд)*

14 марта: **Джозеф (Джо) Артур Бержерон [Joseph (Joe) Arthur Bergeron]** (р. 9 июня 1955), американский писатель и художник, автор цикла «Эндурианская Вселенная», романов «Бронзовый портал», «Космический кот», «Путь орла», автор обложек к книгам К.Азаро, А.Азимова, Х.К.Балмера, Г.Бенфорда, Б.Бовы, Дж.Вэнса, Р.Крейвена, Б.Олдисса, К.С.Робинсона, Л.Спрэг де Кампа, Дж.Типтри-мл., Ф.П.Уилсона, П.Энтони. 70 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

15 марта: **Уильям Кори Диц [William Corey Dietz]** (р. 30 января 1945), американский писатель, автор циклов «Мир войны (Сэм МакКейд)», «Легион», «Дрифтеры», «Восстание Америки», романов «Человек-Матрица», «Марс Прайм». 81 год. *(Дэвид Лангфорд)*

15 марта: **Сэмюэл (Сэм) Коулман Кит [Samuel (Sam) Coleman Kieth]** (р. 11 января 1963), американ-

ский художник и сценарист, работал над комиксами «Макс», «Нуль-девушка», «Песочный человек», «Чужие», «Бэтмен», «Невероятный Халк», «Люди Икс без границ». 63 года. *(Дэвид Лангфорд)*

16 марта: **Эрик Эллис Овермайер [Eric Ellis Overmyer]** (р. 25 сентября 1951), американский сценарист и продюсер, работал над сериалами «Новый Амстердам», «Человек в высоком замке», автор пьес «Алки», «Амфитрион», «Дон Кихот». «Вечность во всей Вселенной». 74 года. *(Дэвид Лангфорд)*

23 марта: **Алан Бостик [Alan Bostick]** (р. 19 января 1959), американский любитель фантастики, выпускал фэнзин «Быстрые и свободные». 67 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

24 марта: **Барри Колдуэлл [Barry Caldwell]** (р. 19 июня 1957), американский художник и аниматор, постановщик мультсериалов «Приключения мультяшек», «Как я провёл свои каникулы», «Озорные анимашки», «Пинки и Брейн», «Осмисис Джонс». 68 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

29 марта: **Глен Бакстер [Glen Baxter]** (р. 4 марта 1944), английский художник-юморист, автор альбомов рисунков с сюрреалистическими подписями «Атлас», «Надвигающийся блеск», «Джодпуры в Квантоксе», «Время жизни», «Убийства на бильярдном столе», «Чудесная книга секса», «Кряхтение», «Безумный мир Глена Бакстера». 82 года. *(Дэвид Лангфорд)*

29 марта: **Сергей Владимирович Чебаненко (Антоний Времен; Антоний Часов)** (р. 29 декабря 1962), писатель и общественно-политический деятель, автор книг «Афганский полёт» (с Ренатой Денисовой), «Время учеников», «Всё одинаково», «И на Солнце есть пятна». 63 года. *(Вячеслав Нестецкий)*

Голоса из Сетей

1 апреля:

ВАЛУНЫ ПРАШКЕВИЧА

Прашкевич написал новую книгу. Триптих о писателе Степанове: «Венценосный», «Седьмая колба», «Бульон на вынос». Прислал мне Геннадий Мартович тексты, читай, говори. Прочитал, сказал. По секрету. Что мне с Владимиром Борисовым тягаться, он, когда читает, всю литературную даль видит, наскрозь до космоса и обратно, со всеми персонажами, главными и не главными, всех помнит, все знает, сильный писатель и критик.

Осмелюсь по поводу читанного только пару слов.

Один друг говорил во след выхода книги: «Вот дураки, если не поймут». До сих пор под впечатлением, что в Академгородке, в институте, есть подземная вселенная в колбе и все случившееся в Горном Алтае и Кочках – галимая реальность. И я, как Илья, прочитав академика Опарина, вывел и для

себя: Жизнь, даже самую сложную и самую прекрасную, можно создать собственными руками. И не просто жизнь, а будущего человека, настоящего. А настоящее вырастает не на техническом прогрессе. Там другие законы и последовательности, там химия, потом биология, потом музыка и царство симфонии самовоспроизведения.

Прашкевич пишет густо, плотно, ворочает ВАЛУНЫ ВРЕМЕНИ, превращая их в песок полуфантастической реальности. И это способность о многом говорит, как глубоко, далеко, научно, человечески и художественно он видит ВРЕМЯ в его фантастической неисчерпаемости.

Мне понравилось, как однажды писатель ответил на вопрос:

— «А когда, Геннадий Мартович, Вас было больше? В прошлом или сейчас?»

— «...Сегодня, конечно! Прошлое огромно, там почти вся моя жизнь, но там я ничего уже не могу изменить, там я застыл навечно, а вот в сегодня, в нашем текущем дне, во времени, которое еще не застыло, я могу делать все, что мне заблагорассудится, лишь бы смелость не изменила, лишь бы радость не ушла. Сегодня я огромен. Но, конечно, благодаря тому себе, который частично уже остался в прошлом».

Друг писателя как-то сказал: «Мир создан не для нас...»

Для нас.

Иначе бы не писались у Геннадия Мартовича книжки.

А я бы их не читал.

Прашкевич вывел: искусство – это пейзаж души. Вечно возделываемый, вечно вытаптываемый и снова вечно возделываемый.

Вот и ворочает валуны.

Евгений Шаленкин

2 апреля:

Книги-2026 (I кв.)

Я отважно и ежеквартально продолжаю выкладывать списки прочитанного и просмотренного. В перечень не включены тексты, которые я читал как бета-ридер и блербодатель, зато перечитывания и пересматривания включены, хоть и не помечены.

Шкала десятибалльная.

Не стал дочитывать:

«Комната из стекла», Энн Кливз

«Падение», Ти Джей Ньюман

«Скрытая бухта», Мария Орунья

3 балла

«Пылающие бездны», Николай Муханов

4 балла

«Усмешка тьмы», Рэмси Кэмпбелл

7 баллов

«Каждый в нашей семье кого-то да убил», Бенджамин Стивенсон

«Слишком много женщин», Рекс Стаут

«Смертельная ловушка», Рекс Стаут

8 баллов

«Крестный отец. История создания культового фильма», Питер Коуви

«Черные орхидеи», Рекс Стаут

«С прискорбием извещаем», Рекс Стаут

«Смерть там еще не побывала», Рекс Стаут

9 баллов

Эпос о Гильгамеше

«Умолкнувший оратор», Рекс Стаут

«Проверка моей невиновности», Джонатан Коу

«Шансы есть...», Ричард Руссо

«Эмпайр Фоллз», Ричард Руссо

«Тарковский и мы», Андрей Плахов

10 баллов

«снарк снарк». Книга 2: «Снег Энцелада», Эдуард

Веркин

«Физика для котов», Том Голд

«Готовим с Кафкой», Том Голд

«Краткая история советской фантастики. Том :1: 1917-1931», Алексей Караваев

Шамиль Идиатуллин

Кино-2026 (I кв.)

Шкала десятибалльная.

5 баллов

На помощь! (2026, Send Help)

6 баллов

Я видел свечение телевизора (2024, I Saw the TV Glow)

Военная машина (2026, War Machine)

7 баллов

Темный город (1998, Dark City)

Охота за тенью (2025, 捕风追影)

8 баллов

Глубокий сон (1946, The Big Sleep)

Дьяволицы (1954, Les Diaboliques)

Сенсация (2024, Scoop)

Хищник: Планета смерти (2025, Predator Badlands)

9 баллов

Дикая банда (1969, The Wild Bunch)

Шамиль Идиатуллин

Сериалы-2026 (I кв.)

Шкала десятибалльная.

Пилотные серии

Оно: Добро пожаловать в Дерри (2025, IT: Welcome to Derry) — 7

Дневники киллербота (2025, Murderbot) — 7

Щит (2002, The Shield) — 8

Полные сезоны (первые, если не указано иное)

7 баллов

Люпен (2021, Lupin)

8 баллов

По долгу службы (2012, Line of Duty)

10 баллов

Студия 60 на Сансет-Стрип (2006-2007, Studio 60 on the Sunset Strip)

Служба новостей (2012-2014, The Newsroom)

Шамиль Идиатуллин**ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 105**

Творчество батьки киберпанка обычно проходило мимо меня. Заглянул на ФЛ – стоит от меня оценка роману «Идору». Почитал аннотацию – в голове обезьянка с оркестровыми тарелками: дзинь-дзинь-дзинь! А больше как-то ничего в мою читалку и не попадало. Надо исправляться. Хотя бы чтобы понимать, откуда уши растут.

НЕЙРОМАНТ. У. Гибсон

В общем, откуда растут уши всего нынешнего киберпанка, становится понятно с первых страниц. Гибсон реально заложил основы, задал базу... и ушёл от этого дела, предоставив ему развиваться самостоятельно. Дальновидный поступок, я считаю. Киберпанка я читал немало, и многие вещи

звучат куда интереснее «Нейроманта», будь он хоть трижды классикой.

Реально привлекает в «Нейроманте» не конфликт, не герои, а именно атмосфера. Странное будущее, в большей степени мрачное. Реальная сила за транснациональными корпорациями, разделение на бедных и богатых стало ещё сильнее, технологии просто космические, но доступны не только лишь всем. Эту модель берут за канон все современные киберпанки.

И всё же, есть ещё один момент, которым Гибсон выделяется из потока жанровой литературы. У него действительно есть свой стиль. Он поэтичен там, где, казалось бы, есть место только для машинной логики. Он поёт этот мир, со всеми его технологиями, делающими человека, одновременно чем-то и большим, и меньшим, чем человек.

Так что если разбирать «Нейроманта» с точки зрения реалистичности, будет довольно печально. Поневоле начнёшь думать, что великий искусственный интеллект, заваривший всю эту кашу, не такой уж и умный. Но стоит отнестись к этому, как к некой средневековой истории, в антураже далёкого (или уже не такого далёкого?) будущего, как история начинает играть новыми красками.

«Сожжение Хром», сборник рассказов, которым добились объём этого тома, понравился мне гораздо больше. Если в романе удержать интерес за счёт одного только сеттинга довольно сложно, то в рассказах это срабатывает куда лучше. Тут поэзия киберпанка выходит на какой-то другой, более высокий уровень. И даже жанрово заходит на чужие территории – боевик, романтика, космодрама и даже хоррор.

В целом рад, что дошли руки, о времени потраченном не жалею. Разве что Джонни Мнемоника, конечно, жалко. Пересмотреть фильм, что ли?

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

3 апреля:

Отправился в кинотеатр, чтобы оценить короткометражный фильм «Полдень» продолжительностью 9 минут. А прямо перед ним абсолютно бесплатно показали 156-минутную картину «Проект «Конец света»» (Project Hail Mary) с Райаном Гослингом в главной роли. Бывает же...

Содержание «Полдня» так и осталось тайной (если кто вдруг досидел, расскажите о чём он). А вот фильм о приключениях Райленда Грейса, одним прекрасным днём очнувшегося на космическом корабле в системе Тау Кита, посмотрел с интересом.

Астронавт, не помнящий о том, кто он, со временем понимает, что на экипаж корабля была возложена священная миссия спасения Земли от надвигающейся катастрофы.

Настоящая эпидемия обуяла галактику, интенсивность свечения звёзд снижается. Солнце тоже «заразилось». В течение нескольких десятков лет температура упадёт на 10-15 градусов, начнется борьба за продовольствие и население уменьшится минимум на четверть.

Что делать – непонятно, но известно, что одна звезда (Тау Кита) избежала этой проблемы. К ней то

и отправляется земная экспедиция, которая должна выяснить, чем так примечательна героиня песни Высоцкого.

Однако на этом проблемы главного героя не заканчиваются, ведь он последний член экипажа, оставшийся в живых.

Если вы смотрели трейлер, то его тональность сохраняется на протяжении всей картины. Это трогательный и местами забавный фантастический фильм, рассказывающий о не слишком-то забавных вещах, а в финале и вовсе задающий непростые вопросы.

Роман Энди Вейера, по которому был снят фильм, я ещё не читал, но кажется, что Райан Гослинг, одинаково убедительный как в драматических, так и комедийных моментах фильма, это идеальный выбор на роль Райленда Грейса.

Не буду больше раскрывать детали сюжета. Если не смотрели трейлер, то лучше этого и не делать, слишком уж многое показано в нём. «Проект» редкий представитель оптимистичной фантастики, в которой космос наполнен не только угрозами и врагами, но тайнами и открытиями.

При этом кажется, что сценарист оставил за кадром многие научные элементы романа, сделав акцент на эмоциональной составляющей. Вопросов без ответов осталось немало. В чём-то фильм чрезмерно наивен, где-то даже ванилен и напоминает семейные комедии. Это непривычный подход к научной фантастике. Но в целом «Проект» оставил положительные впечатления и думаю, что, прочитав книгу, я получу ответы на большинство вопросов.

RocketMan

Одна европейская газета, выходящая на русском языке (называть не буду, но догадаться не сложно) любит время от времени публиковать что-нибудь

о русскоязычной фантастике. Хобби такое. И, кажется, ни разу не было статей без натяжек, неточностей и просто фактических ошибок. Не знаю, как это у них получается. Вот, например, в недавней статье об антиутопиях журналист пишет буквально в первом абзаце:

И тут – говоря как о советских, так и о нынешних временах – нельзя не вспомнить почти забытый ныне «Час Быка» Ивана Ефремова

Докладываю: этот «почти забытый» роман в России переиздают практически ежегодно, иногда выпускают в двух-трех разных изданиях. И в покетах, и в омнибусах, и в дорогущих коллекционных изданиях. В 2023 году его переиздали как минимум пять раз. В 2024-м – минимум дважды. В 2025-м, кажется, только один раз, зато продолжали активно допечатывать тиражи. Если это «почти забытый», то я не знаю, какой роман не забытый. Причем узнать все это не составляет никакого труда. Или в Европе факт-чекинг запретили?

Василий Владимировский

Луна зазывает висельников: про сон разума и чудовищ в «Пересмешнике на рассвете»

В конце 2024 года писатель Дмитрий Колодан рассказывал, что задумал «Пересмешника на рассвете» – объёмную фантастическую историю, вдохновлённую в том числе творчеством французских сюрреалистов – давным-давно.

Однако, пока он писал, свет увидели «Последние дни Нового Парижа» (2016). Это фантастическая история Чайны Мьевиля, основные события которой разворачиваются альтернативном Париже в 1950-е: война в разгаре, а по улицам оккупированной французской столицы бродят существа, порождённые фантазией сюрреалистов.

Книга Мьевиля мне нравится, а потому было очень любопытно узнать, насколько она пересекается с «Пересмешником...» и о чём вообще Дмитрий писал почти 15 лет.

Давайте разбираться.

События романа «Пересмешник на рассвете» разворачиваются в городе, вдохновлённом европейскими столицами, прежде всего, Парижем, начала XX века.

Ещё не смыта кровь недавней гражданской войны, ещё не утих пожар революции. Общество наэлектризовано, так как здесь сталкиваются интересы узурпатора-президента, Партии Объединения и поддерживающих её брешистов, а также оппозиционно настроенных представителей интеллигенции, анархистов, заговорщиков, простых рабочих и беженцев.

Клара Сильва, юная, но гордая катлинка с остро наточенной навахой в кармане, приезжает в Столицу Республики ради лучшей жизни. Здесь она находит родню, встречает поэтов, художников и партизан и, конечно же, влипает в неприятности, напад на след того, кто много лет назад убил отца.

Однако начинается история со сна...

Четвёртый сон Клары Павловны

Важную роль в «Пересмешнике...» играет мотив сновидений. Здесь не только происходящее влияет на содержание снов, но и грезы вклиниваются в реальность, изменяя её, причудливо переплетаясь. Сны в романе становятся ключом к пониманию происходящего на уровне сюжета, но зыбким и иллюзорным, как и все сны. Будь то приключения вымышленной Клары из популярных радиопостановок, резонирующие со снами прибывшей в Столицу катлинка. Или кошмарные эксперименты,

что ставят пропрезидентские учёные в попытке утвердить свою власть в Республике.

Отсюда и «дримпанк» как определение, которое сам автор даёт роману.

Сны играли важную роль в эстетике сюрреалистов, а потому интерес к этой теме в романе, вдохновлённом авангардным искусством начала XX века, ожидаем. Что, к слову, не ощущается в ранее упомянутой книге Мьевеля.

В том, что у историй абсолютно разные сюжеты, наверное, и говорить не стоит (но скажу разок для порядка). Но важнейшее отличие, как мне кажется, кроется в обращении с материалом. Мьевиль строит образную систему своего произведения на буквальном перенесении популярных образов сюрреалистов с холстов и страниц на улицы Парижа. Потому там гуляет «изысканный труп» – чудовище, собранное из частей разных предметов, или катит Вело – маниф в виде велосипеда, в корпусе которого угадывается искажённое женское тело.

Колодана как будто больше интересуется обращением именно к мотивам произведений сюрреалистов, например, в той же тематике сна. Их образы обыгрываются не так прямо, чаще возникая как отсылки и цитаты, которые вплетены в историю. Хотя проявление кошмарных образов в яви тоже будет.

Например, вынесенная в заголовок строка про Луну, что привычно зазывает висельников, появляется сперва в стихотворении поэта-селенофоба Этьена, строки из которого на самом деле принадлежат дадаисту Тристану Тцаре. (Любопытно, что сам Колодан для аутентичности, когда писал сцены с молодым поэтом, прибегал к техникам, которые практиковали поэты столетие назад, включая «стихи из шляпы» Тцары.) Затем эта Луна обыгрывается в названии отеля, становящегося точкой притяжения для центральных фигур «Пересмешника».

Хотя в обеих историях полно отсылок, прямых и раскавыченных цитат. Мьевиллю пришлось давать объёмные примечания от рассказчика, где раскрывались прообразы появившихся в книге маниффов. В книге Колодана также заботливо прокомментированы некоторые цитаты.

При этом по настроению и атмосфере книги совершенно не совпадают. «Пересмешник...», на мой вкус, куда ближе к «Вокзалу потерянных снов»: Столица напоминает Нью-Кробюзон (но менее «фантастический» и без акцента на мультикультурности), а в сюжетах обоих романов важная роль отводится снам.

Сеттинг и манеру повествования «Пересмешника...» можно очень осторожно сравнить с циклом Владимира Торуна «... из Габена». Перед нами в некотором роде мрачная сказка в городском антураже, есть и некоторое совпадение типажей персонажей. В наличии также контраст между элементами подросткового фэнтези и жутеньким. У Торуна это выражается в редких, но оттого цепляющих хоррор-сценах, у Колодана – в тревожных образах кукол-каприччо, великана Бальяско, чудовищного Цветения и проч.

При сравнении книга Колодана кажется более приземлённой и чуть более серьёзной, но это не упрёк Торуину. У них как будто разные аудитории, но в плане атмосферы совпадения есть.

Интересно сравнить «Пересмешника...» с дебютным романом Колодана «Другая сторона» (2008), в котором также есть некий город как центр притяжения всего необычного. Но если в Спектре сливались возможное и невозможное и воплощались в реальность фантазии, то в новинке подобный фокус проворачивается на границе между сном и явью.

Роман, к слову, объёмный, вышел двумя книгами с фантастически стильными обложками от

художницы AquARTis. Ранее так же в двух частях выпускали «Канцелярскую крысу» Константина Соловьёва – тоже весьма любопытную и нестандартную фантастику на стыке жанров.

Порка и Цветение

Книга Колодана богата на яркие сравнения. Сюда также перекочевал приём из других произведений Дмитрия. Он высыпает из бездонной коробки кучу паззлов, аккуратно разбирает их, подходя издалека, чтобы затем стремительно сложить в кусочек общей картины: щёлк-щёлк-щёлк, встают на своё место детали.

При этом Колодан не частит с вот-это-поворотами. Повествование, несмотря на насыщенность событиями, очень неторопливое. Образную систему автор выстраивает неспешно, позволяя проникнуться историей центральных действующих лиц – от гордячки из провинции и маменькиного сыночка, мнящего себя отвязным поэтом, до военного преступника и жандарма, работающего под прикрытием. Помимо этого, выстраивается второй повествовательный ряд, в котором разыгрывается постановка из самых жутких снов жителей Столицы.

Это литературный эксперимент, причём не самый, возможно, доступный, но, безусловно, примечательный. Книга многослойная, а потому интересно будет возвращаться к ней, исследуя что-то новое. Например, разобратся с ролью кукол-каприччио или вскрыть все связи с поэзией и рыцарскими романами.

Меня в книге Колодана увлёл образ наглой, пачкающей сокровенное пропаганды, показанной через кошмарный эксперимент, вышедший из-под контроля. Попытка утвердиться в умах граждан,

бесцеремонно вторгаясь в их сны, оборачивается трагедией для обеих сторон.

Но «Пересмешник на рассвете» это также роман об искусстве. Ведь за декорациями с похищениями, убийствами и заговорами можно разглядеть историю о том, как к нам приходят идеи и как интересно они могут преломляться в творческом процессе, который всегда игра и эксперимент для автора и читателей.

Ближе к финалу один из персонажей размышляет, когда именно всё полетело в бездну: когда чудовище-узурпатор вырвалось в реальность или когда любящий выпить художник устроил перформанс с банкой краски и портретом президента? Он приходит к мнению, что *«искусство способно расшатать мир не хуже любой бомбы»*. Искусство способно преобразить мир, а «Пересмешник на рассвете» лишь напоминает о чудовищах, порождённых сном разума.

Павел Сидоров

4 апреля:

Дарья Промч. «Мга»

Смещенная в соседнюю реальность Россия, пограничье.

Горящий город и главный герой Игги – сначала уехавший от пожаров (и мобилизации на борьбу с ними) зарубеж, а теперь вернувшийся. В «Буржундии» всё чужое и все чужие. Дома – все тоже не свои.

Мир распадается: город разрушен, родные отрицают происходящее, пожарные (кажется, прямые наследники своих собратьев из «451 градуса по Фаренгейту») заняты вовсе не тем, чем следовало бы.

Граница сна и яви стирается. Одно перетекает в другое.

Не секрет – я пристально наблюдаю за отечественной литературой «общественной травмы», поскольку считаю, что у нас ее критически мало.

Роман Дарьи – текст довольно редкий. В нем автор не только трогает палочкой, но и вполне себе перебирает угольки с нашего пожарища. И это – как минимум, ценный опыт.

Дарья поэт, и это очень заметно по строю языка. Для одних это будет плюсом, для других – минусом.

В целом же это очень яростный и некомфортный для читателя текст.

Хочется добавить «как я люблю», но вы это и так знаете.

Дмитрий Захаров

Пропустил эту обложку – а между тем питерская «Астрель» делает вот такое переиздание «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Внутри обещают, кроме рассказа «Бедные злые люди» (и правда имеющего отношение к) историю создания – интересно, от кого.

Кажется, это первая обложка, иллюстрирующая не самые ходовые эпизоды «ТББ». В основном в романе на вертолете рассекает дон Кондор, у которого нет времени для драк на дорогах, он же садится в кресло пилота, когда земляне спасают Будаха. Но это может быть и Румата, конечно, – из флешбека, в котором он на вертолете летит вызволять из тюрьмы Арату Горбатого.

Николай Караев

Реплика в сторону: что-то многовато в «Небудушем» Владимира Березина знакомых лиц, которые опознает только тот, кто в теме. То странствующий китаец Ляо на мопеде и в цветных очках, умеющий «чинить электрические цепи, слаботочную ап...» – на этом месте его, слава богу, затыкают. То «местный сумасшедший цыган Комодан», который «говорил на всех языках мира, причем одновременно» (привет, Дима). Очень узнаваемые, да. Боюсь подумать, сколько еще незнакомых я упустил.

Ладно, читаем дальше.

Василий Владимирский

5 апреля:

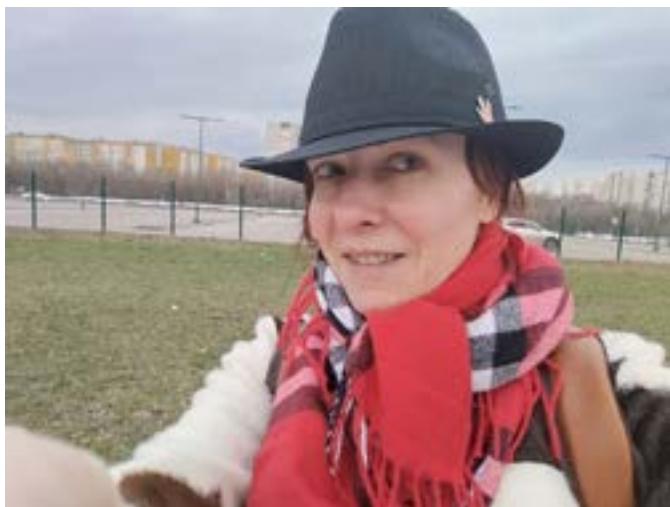
Одним глазом глядя на цены на нефть марки Brent, а другим в новости о том, что Трамп устроит Ирану «ад», прочел тут между делом в французской энциклопедии НФ, что, оказывается, есть фантастический роман, больше того, хроноопера ровно о том, как США пытаются глобально решить проблему зависимости от ближневосточной нефти.

Это «Последний день творения» (Der letzte Tag der Schöpfung, на русский не переводился) немецкого фантаста Вольфганга Йешке, его дебют 1981 года. Там по сюжету в разгар Холодной войны НАСА под предлогом полета к Марсу запускает хрононавтов

на пять миллионов лет в прошлое, чтобы те откачали нефть с Ближнего Востока в Европу. Но арабы не дремлют, и СССР, их союзник, запускает контрэкспедицию, и происходит еще много чего веселого (с участием св. Вита, например), и в итоге миллионы лет назад случается та самая древняя атомная война за, так сказать, будущую нефть.

Почему такой роман появился в 1981 году, наверное, объяснять не надо; интересно, появится ли что-то по итогам нынешней свистопляски.

Николай Каравев

Наконец нашла, куда приколоть значок с вулканским приветствием, приобретенный в Еврейском культурном центре. Как связаны вулканцы с евреями? Всё просто: этот жест придумал великий Леонард Нимой, который таки да. Он вообще привнес в свою роль в малость картонной на тот момент космоопере (точнее, мьльной – сериальная эра наступила куда позже, тогда это был несерьезный жанр) столько, что многие, услышав словосочетание «Стар трек» (или «Звездный путь», как вам

будет угодно) вспоминают в первую очередь мистера Спока, а потом уже всех остальных. Так вот Леонард Нимой взял жест из Ааронова благословения, убрал оттуда вторую руку – и вуаля, шалом, земляне, мы пришли с миром.

Дарья Бобылёва

Иосиф Бродский в речи «Памяти Карла Проффера» писал: когда человек читает книгу, он редко думает об издателе – вся благодарность достаётся автору. Об ассистентах и личных помощниках, рискну предположить, вспоминают ещё реже – если вообще вспоминают. Между тем именно они работают с писателями бок о бок.

Прочитала за завтраком совершенно прекрасные воспоминания Черстин Квинт – соратницы, литагента, а порой и телохранительницы Астрид Линдгрэн, с которой она проработала всю сознательную жизнь. В одной из глав Квинт цитирует Линдгрэн. На вопрос, как хорошо писать, та отвечает, пересказывая Шопенгауэра: «рассказывайте обычными словами необычные вещи». Квинт, несмотря на отсутствие какого-либо писательского опыта, с этой задачей справляется блестяще. И хотя формально это её мемуары, текст, конечно, целиком посвящён жизни и работе [с] Астрид Линдгрэн.

Тому, как Линдгрэн работала – самозабвенно, одержимо, не зная выходных; как ярко жила (много ли вы знаете пенсионерок, которые лазают с подругами по деревьям? вот и я нет); как на равных спорила с издателями, сражалась с переводчиками, принимала гостей из СССР (и жалела об этом), выходила из себя из-за недобросовестных журналистов, осмелившихся всунуть образ Пеппи в рекламу белья; как день за днём разбирала горы писем – в самом прямом смысле – и как до самой смерти, уже тяжело больная, продолжала помогать людям.

Не слукавлю, если скажу, что отчасти выросла на книгах Астрид Линдгрэн. «Рони, дочь разбойника» так вообще в какой-то момент была моим ориентиром. Поэтому пока читала, размышляла, почему человек, владеющий словом настолько, чтобы писать «обычными словами необычные вещи», решает стать «детским» писателем. Часто ошибочно полагают, что это понижение планки или упрощение, но на деле – высочайшая ответственность. Писать для ребёнка – значит как минимум отказаться от литературного кокетства, потому что дети легко считывают фальшь. Линдгрэн шла дальше и отказывалась от кокетства в целом.

Квинт пишет, как Линдгрэн помогала курдским беженцам, как искала приёмные семьи для незнакомых ей немецких детей. К слову, эти самые дети услышали её речь на вручении Премии мира немецких книготорговцев – о недопустимости любого насилия, особенно по отношению к детям, – и она произвела на них такое впечатление, что двое подростков из Германии сбежали в Швецию, решив, что там запрещено бить детей. Их задержали на Центральном вокзале Стокгольма и связались с Астрид, т.к беглецы ехали именно к ней. Линдгрэн позвонила в социальную службу, и для мальчиков нашли новую приёмную семью в Германии.

После всех этих историй как-то иначе смотришь на то, что такое «писать для детей». Недавно здесь это уже обсуждали, но есть ещё мысль: детская литература для Линдгрэн (как и для Янссон) никогда не была «жанром». Полагаю, то была своеобразная оптическая настройка – смотреть на мир без взрослого цинизма, но со взрослой ответственностью. Отчасти поэтому её книги выдерживают проверку временем.

Вика Рина

Все люди смертны, Симона де Бовуар

Благодаря книжному клубу наконец добралась до французской мыслительницы, лауреатки Гонкуровской премии и музыки Жан-Поля Сартра – Симоны де Бовуар.

«Все люди смертны» предлагает нам один из главных экзистенциальных вопросов: **бессмертие – это дар или проклятие? И лишается ли жизнь смысла, если она бесконечна?**

По сюжету в романе сталкиваются две противоположности:

Молодая актриса Регина отчаянно ищет путь к бессмертию через славу и признание.

Бессмертный Фоска, родившийся в тринадцатом столетии и переживший не одну смену эпох, устал от жизни и считает, что ему этот мир уже абсолютно понятен. Однажды он со скуки проспал под деревом аж 60 лет.

Регина видит в Фоске **ключ к преодолению собственной смертности**: увидя её на сцене, он навеки запечатлит в своей памяти её игру и актерский талант.

Но Фоска находит амбиции Регины бессмысленными и в доказательство рассказывает ей свою историю.

Начиная как амбициозный и страстный правитель, стремящийся к величию и бессмертию, он постепенно превратился в пресыщенного, циничного и, в конечном итоге, равнодушного наблюдателя.

Фоска – яркий пример того, как человек, у которого в руках столетиями сосредоточена власть, воспринимает людей как расходный материал. Ценность чужой жизни, которая неизбежно окончится смертью, для него сводится к нулю. Ему казалось, что, сосредоточив власть над миром в одних руках – в своих, конечно же – он сможет этот мир исправить, а люди наконец заживут как следует.

Разочаровавшись в этой идее, он превращается в изгнанника с массой воспоминаний, которые слились в сплошной ком.

Через бессмертие Фоски Симона де Бовуар исследует, как отсутствие конечной точки существования разрушает мотивацию, привязанность и способность к истинному страданию или радости. Смерть как будто оказывается тем горизонтом, который придает форму и значение всему существованию.

Но на мой взгляд, проблема Фоски в том, что из всех способов придать своей жизни смысл, он не попробовал *созидание*. Бесконечное завоевание, конкуренция и обладание – вот его цели, но даже бессмертному не удалось изменить мир по своему замыслу.

Удивительная штука с этим романом – **обсуждать хочется не столько героев и события, а экзистенциальные вопросы около него, и этим он отлично подходит для книжного клуба.** Но мы с девочками признались друг другу, что не прорвались бы даже через пролог, если бы не коллективные обязательства – Регина как персонаж просто невыносима, а происходящее едва ли захватывает с первых страниц.

На главный же вопрос романа у меня нашелся свой ответ: **проклятие – это не бессмертие само по себе, а неумение человека распорядиться своей жизнью и найти силы радоваться мелочам.**

Александра Прохорова

Дэн Симмонс «Террор»

Жанр: Хоррор/ужасы/историческая проза

Оценка: 10/10

Дэн Симмонс создал произведение, которое трудно поддается однозначному определению. «Террор» – это одновременно и историческая ре-

конструкция, и мистический хоррор, и психологическая драма. Взяв за основу реальную и до сих пор до конца не разгаданную трагедию экспедиции сэра Джона Франклина (1845-1847), автор не просто предлагает свою версию случившегося, но превращает повествование в масштабное исследование человеческой природы, столкнувшейся с абсолютным, равнодушным ужасом. Сильнее всего книга работает как история выживания, распада дисциплины и человеческой деградации под давлением холода, голода и страха.

Два корабля британского флота, «Эребус» и «Террор», отправляются к северному побережью Канады в поисках Северо-Западного прохода. Вскоре они оказываются намертво затерты паковыми льдами. С этого момента начинается не просто борьба за выживание, а медленное, мучительное угасание 129 человек. Симмонс скрупулезно воссоздает быт полярников: холод, цинга, голод, каннибализм, отчаяние и попытки сохранить дисциплину. Но он добавляет к этому еще один элемент – нечто огромное и древнее, что бродит во льдах и охотится на людей. Туунбак, как называют это существо инуиты,

становится не просто монстром, а материальным воплощением ужаса и возмездия самой Арктики.

Едва ли не самое сильное впечатление от книги создает её атмосфера. Симмонс добивается эффекта полного погружения: мы чувствуем, как скрипят сжатые льдом корпуса кораблей, ощущаем запах немых тел и гниющей пищи, слышим завывание пурги. В какой-то момент забываешь о реальном мире за окном, настолько физически ощутимым становится арктический холод, проникающий «в кости». Это медленное, беспощадное погружение за границы человеческого предела, где главный враг – даже не чудовище, а сама среда, бесконечная белая пустыня, лишаящая надежды и рассудка. Роман впечатляет вниманием к быту экспедиции, устройству кораблей, логике решений и постепенному психологическому распаду команды. Хотелось бы отметить напряженные сцены ожидания, охоты и преследования, где ужас происходящего работает почти физически, а не только как идея.

Еще один плюс – гибрид жанров. Это и исторический роман, и история выживания, и хоррор, причем Симмонс сам подчеркивал, что хотел добавить внешнюю угрозу как метафору холода, голода и мрачных мыслей людей, запертых в ледяной ловушке. Благодаря этому «Террор» не сводится к одной загадке: он исследует и природу страха, и некомпетентность, и высокомерие цивилизации перед арктической средой.

Роман населен огромным количеством персонажей, что поначалу может сбивать с толку, но это необходимо для создания «анатомии гибели целого сообщества». Симмонс сталкивает разные типы личности, и экстремальные условия сдирают с них всю шелуху цивилизации. Капитан Фрэнсис Крозье – безусловный моральный центр романа. Ирландец, талантливый моряк, но алкоголик, ко-

торого английское общество не принимает за равного. Именно его трезвый ум (даже в моменты запоев), его воля и понимание обреченности делают его фигурой трагического масштаба. Он борется не за славу, а за людей. Джон Франклин и Джеймс Фицджереймс – воплощение британской спеси и имперского высокомерия. Их вера в превосходство цивилизации, технологий и христианской морали оказывается смертельно опасной иллюзией в мире, где эти законы не работают. Франклин показан негибким и упрямым фанатиком, что ускоряет катастрофу. Доктор Гудсир – голос науки и гуманизма, который до последнего пытается сохранить остатки человечности и облегчить страдания умирающих. Корнелиус Хикки – истинное чудовище, которое страшнее мифического Туунбака. Если зверь убивает инстинктивно, то Хикки, матрос, мужеложец и манипулятор, воплощает в себе зло социальное: жестокость, цинизм и стремление к власти любой ценой. У меня он вызывает настоящее омерзение. Леди Безмолвная – ключевой персонаж, символизирующий альтернативный путь. Она знает законы выживания в этом мире, но её не слышат, потому что она молчит. «Молчание» здесь – это противопоставление пустой европейской риторике. Выживает не тот, кто говорит о своем превосходстве, а тот, кто умеет слушать и принимать реальность такой, какая она есть.

Одна из главных идей романа – крах западной цивилизации перед лицом первозданной природы. Попытки спастись с помощью дисциплины, веры в единого Бога и разума проваливаются одна за другой. Симмонс методично «раскрашивает» столпы викторианского общества: спесь, неумение адаптироваться, презрение к «дикарям» (инуитам) и их знаниям. Моряки гибнут в шинелях и ботинках, которые не годятся для Арктики, в то время как

рядом ходят люди в шурах, знающие, как охотиться и строить иглу. Спасение возможно только через отказ от своей идентичности и принятие мира «другого» – пути, который в итоге выбирает Крозье.

Образ Туунбака довольно спорен. С одной стороны, вполне можно было бы обойтись и без него, ведь Арктика сама по себе – жестокий убийца. Однако, с другой стороны, чудовище необходимо Симмонсу для решения сверхзадачи. Оно персонифицирует ужас, делает его осязаемым. Кроме того, через мифологию инуитов автор показывает, что для одних людей (европейцев) это просто «зверь», а для других (коренных народов) – неотъемлемая часть мироздания, с которой можно сосуществовать, если знать правила. Туунбак – это граница, которую человек не должен переходить, предупреждение о том, что в природе есть силы, которые нельзя покорить или убить. Сверхъестественный элемент здесь работает не как простое пугало, а как усилитель исторической трагедии. Монстр не отменяет реализм романа, а делает его еще более страшным, потому что ужас исходит сразу из двух источников: из внешнего мира и из человеческого поведения. Из-за этого книга оставляет не только чувство страха, но и ощущение трагедии почти эпического масштаба.

«Террор» подойдет тем, кто любит большие, плотные романы с исторической основой, атмосферой выживания и медленно нарастающим ужасом. Он особенно хорош для читателей, которым нравится, когда страшно не только из-за монстра, но и из-за постепенного распада людей, оказавшихся в безнадежной ситуации. Если же вам не нравятся длинные книги, медленный темп, жестокость и мрачный финал, роман может показаться утомительным.

Итог: «Террор» – это не хоррор про чудовище во льдах, а масштабный роман о пределе человеческой выносливости, цене ошибок и том, как цивилизация проигрывает природе, когда перестает ее понимать. «Террор» часто называют одной из самых сильных и амбициозных книг Симмонса, с чем я абсолютно согласен. Однако его лучше читать ради атмосферы, характера и нарастающего чувства обреченности, чем ради быстрого сюжета.

Алексей Севериан

6 апреля:

В русских сказках был персонаж, которого постоянно убивали, но он неизменно воскресал: Снегурочка.

Растиражированный сегодня образ снежной девочки, которая гибнет от прыжка над костром, не типичен для фольклора. Да и метод создания снежной девочки бывал разный: нередко ее не лепили во дворе, а вытапливали на печке. Более того: некоторые сказочники нарочито резко роняли пафос сказки и смешивали ее с «нарративом Бздунка», старик и старуха набивали снег в горшочек и бежали «туда попердывать»:

«Вот оне и ходили, попердывали. Вдруг отто́ля девоцька и вылезла – Сне́гурка».

Сказки Анастасии Петровны Дербиной. 2016. № 5.

Снежная девочка оживала на радость стариков. Они называли ее Нюрочка–Снегурочка, Курочка–Снегурочка, Анна–Снеженичка, но случалось и попроще, к примеру, Маша. Затем сказка распадалась на несколько сценариев, и все предполагали, что Снегурочка уйдет из дома в лес, где с ней случится беда.

Соседские дети звали Снегурочку в лес за ягодами. Дело было летом, но снежная девочка в данном

сценарии не боялась тепла. Снегурочка набирала полную корзину ягод, а другие вообще ничего, потому что ягоды съедали. От зависти они убивали Снегурочку, ее ягоды разделяли. Труп закапывали. Старикам говорили: ушла ваша внучка далеко и потерялась.

На том месте, где подружки похоронили Снегурочку, выросал куст. Прохожий срезал палочку, сделал свистульку, дул, и свистулька пела человеческим голосом. Не просто пела, а исполняла поминальный плач:

*«Тянька, потихоньку,
Свет родной, помаленьку.
Две меня сестрицы убили,
Да меня под кустиком схоронили,
Камешком придавили,
Шанежкой помянули,
Ягодки разделили,
Блюдечко раскололи».*
В избушке на курьих ножках. 2012. С. 94.

Прохожий заходил в дом стариков, старуха узнавала голос Снегурочки. Свистулькой стучали об стену или просто ломали, оттуда выскакивала живая Снегурочка.

Второй сценарий более привычен для современной популярной культуры. Снегурочка живет всю зиму в доме стариков, кушает только остывшую еду, помогает бабушке по хозяйству. Когда приходит весна, прячется по темным углам. Но однажды соглашается пойти с девочками в лес и тает под солнцем по дороге.

Здесь финал открытый, и Снегурочка нередко не умирает полностью, а спустя некоторое время возвращается к старичкам сама. Кроме того, старики могут сделать еще одну снежную девочку, и ее

уже берегут (Народная поэзия Арзамасского края. Кн. 1. 2002. № 876; Русские народные сказки Пудожского края. 1982. С. 330).

Поэтому, как обычно, ошибается Александра Леонидовна Баркова:

«В народной сказке о Снегурочке бездетные старики делают себе девочку из снега, она оживает, но, разумеется, остается снежной – то есть нежитью. [...] Фактически она становится открытым каналом в мир смерти, который необходимо перекрыть – и нас ждет хеппи-энд: снежная дева тает в купальском костре».

Баркова А. Славянские мифы. М. 2022. С. 123.

В народной сказке и костер для Снегурочки – редкость, и Снегурочка ничуть не нежить, а милейшая помощница старичков. Сравнить ее с нежитью примерно то же, что предположить: в образе Дракулы зашифрованы комары.

На самом деле и костер, и романтический трагизм стали популярны благодаря литературной обработке сказки писательницей Ириной Карнауховой (теперь ее сказка о Снегурочке издается и под фамилией Афанасьева). Настоящий народный сюжет обходился без костра и точно был без пафоса с сентиментальностью.

И когда в сети попадают отзывы на русские (якобы) народные сказки, в том числе про Снегурочку:

«Милое и трогательное содержание. Именно такие сказки следует читать детям, а не втюхивать параноидально-дебилодные мультики наподобие Симпсонов!»

– в голову непременно приходит:

«Вот оне и ходили, попердывали. Вдруг отто́ля дево́цька и вылезла – Сне́гурка».

Антон Нелихов

7 апреля:

Эдмонд Гамильтон «Звездные короли»

Жанр: Космоопера

Оценка: 8/10

Роман Эдмонда Гамильтона «Звёздные короли» – это классический образец космической оперы, впервые опубликованный в 1947. Произведение принадлежит перу одного из основоположников жанра, получившего за масштабность своих сюжетов прозвище «Разрушитель миров». На русском языке роман неоднократно издавался и пользуется устойчивой читательской любовью, особенно среди поклонников ретро-фантастики.

В центре повествования – Джон Гордон, американский лётчик, воевавший на Тихом океане, а ныне прозябающий на скучной должности бухгалтера в страховой компании Нью-Йорка. Однажды ночью с ним устанавливает телепатическую связь принц Зарт Арн, учёный из далёкого будущего, живущий в 200-тысячелетии нашей эры. Принц предлагает Гордону временно обменяться телами – Зарт Арн хочет изучать историю Земли, а Джон Гордон получает шанс прикоснуться к величию галактической цивилизации.

Согласившись на обмен, Гордон оказывается в теле принца в секретной гималайской лаборатории будущего. Однако едва он успевает освоиться, как на него совершают нападение агенты Лиги Тёмных Миров – могущественной державы, противостоящей Галактической Империи, которой правит отец Зарта Арна. Гордона спасают имперские крейсера, и он оказывается втянутым в водоворот политических интриг, предательств, галактической войны и романтических отношений сразу с двумя женщинами – принцессой Лианной (политической

невестой Зарта Арна) и Мерн, его морганатической женой.

«Звёздные короли» стали знаковым произведением для своего времени. Роман оказал влияние в том числе и на советскую фантастику – в частности, предполагается, что именно этой книгой вдохновлялся Иван Ефремов при работе над «Туманностью Андромеды». Хотя по стилю и идеологии эти произведения диаметрально противоположны, в них можно найти общие черты: галактические масштабы повествования, двусоставные имена персонажей, имперскую эстетику.

Главное достоинство «Звёздных королей» – это темп. Роман несётся на всех парах, каждая глава заканчивается клиффхэнгером, а действие постоянно подбрасывает герою всё новые испытания. В относительно небольшой объём (около 200 страниц) Гамильтон умудряется вместить: космические битвы, дворцовые интриги, плен у злодея, побег, высадку на планету мутантов и финальную битву с применением супероружия.

Джон Гордон служит идеальным проводником для нас в мире будущего. Его незнание реалий

галактической империи позволяет автору естественным образом вводить экспозицию, не прибегая к длинным отступлениям. Для послевоенной американской аудитории образ бывшего военного, не находящего себе места в гражданской жизни, был особенно близок: приключения Гордона становились своего рода эскапистским «исполнением желаний». При этом Гамильтон использует приём обмена телами, который сейчас назвали бы «попаданчеством», но в 1947 году это было свежим и оригинальным ходом.

Шорр Кан, властелин Лиги Тёмных Миров, получился довольно колоритным антагонистом. В отличие от многих злодеев той эпохи, которые ограничивались «уничтожением мира ради уничтожения мира», Шорр Кан предстаёт прагматичным, расчётливым и даже в какой-то степени обаятельным антагонистом.

Гамильтон уделяет внимание описанию планет, по которым путешествует герой. Столица Империи Троон с её тремя лунами и стеклянными горами, мрачная столица Тёмных Миров Талларна, планета мутантов в туманности Ориона – все эти локации описаны ярко и запоминаются надолго.

Однако, несмотря на свою культовость, роман не лишен недостатков. Самый главный мой упрек в адрес «Звёздных королей» – это их наивность. Книги Эдмонда Гамильтона не очень хорошо состарились. Научная фантастика здесь – не более чем декорация. Космические корабли передвигаются со скоростью 200 парсек в час (более 600 световых лет в час) и при этом вынуждены противостоять «пылевым бурям в космосе» – концепции, не имеющей ничего общего с реальной астрофизикой. Помимо этого, персонажи романа функциональ-

ны и одномерны. Герои разделяются на «хороших» и «плохих», их мотивации предельно прозрачны и не претерпевают изменений на протяжении повествования. Персонажи вполне комиксные. Женские образы представлены всего двумя героинями (Лианна и Мерн), и обе они существуют в основном как объекты романтического интереса главного героя.

Автор практически не пытается представить, как изменилось бы человеческое общество за 200 000 лет. Перед нами всё та же феодальная система с императорами, королями, баронами и династическими браками, только перенесённая в космос. Это дало повод советским критикам (в частности, Ивану Ефремову) обвинять американскую космическую оперу в «легковесности и ковбойском подходе».

Итог: Роман «Звёздные короли» – это произведение, которое лучше всего читать в определённом возрасте. Для тех, кто готов принять условности жанра и насладиться стремительным приключением в лучших традициях ранней космооперы, «Звёздные короли» доставят несомненное удовольствие. Книгу рекомендую поклонникам творчества Эдгара Райса Берроуза (цикл о Джоне Картере), любителям классической космической оперы и всем, кто интересуется историей жанра. Если же вы более привычны к современным произведениям, то стоит быть готовым к простому языку, картонным персонажам и научно необоснованным допущениям. Однако если рассматривать роман как образец «развлекательной фантастики», не претендующей на глубокое осмысление реальности, он с лихвой окупает затраченное время динамичным сюжетом и атмосферой приключений.

Алексей Севериан

Время вспомнить, что у нас тут Шкаф с кошмарами, а не детский утренник. Художник Константин Лоскутов порадовал таким вот... эээ... это можно назвать дружеским шаржем? Потрясающее внимание к деталям – вы только полюбуйтесь на тату! А галстук, галстук каков, а?! Ну, ладно, иногда и детский утренник тоже.

К слову, лето ж наступает. Время доставать бензопилу, в самом деле...

Олег Кожин

«Все как у людей», Шамиль Идиатуллин
(«Альпина.Проза», 2026)

Представьте, что изобрели шлем виртуальной реальности, который моментально подключает вас к чужим чувствам и воспоминаниям. И поставить себя на место другого – уже не фигура речи. Можно пережить предвкушение чуда, растерянность, ужас, восторг, усталость, влюбленность... Что угодно. Мне кажется, что на меня надели такой шлем, чтобы я побывала на месте героев рассказов и повестей из сборника «Все как у людей» – эффект присутствия есть в каждом тексте, даже микрохорроры пугают по-настоящему.

Про сюжеты умолчу – вы многое потеряете, если я начну пересказывать. Но попробую заинтриговать. Итак, вас ждет:

- новогодняя история в духе «Черного зеркала»;
- мистическая драма с альтернативной концовкой;
- самый страшный рассказ, что я читала (но он пугает не так, как мы привыкли);
- технотриллер о том, что делает нас людьми;
- хорроры из двух предложений,
- много чего еще, чего себе и представить нельзя (а после сборника – получится).

Все истории неожиданные и разные. Но в центре каждой из них – человек (даже если в общепринятом смысле его так не назовешь). К героям подключаешься, и будто бы лучше понимаешь и других, и себя. А еще – автора.

Дело в том, что «Все как у людей» – это творческая лаборатория фантаста Шамиля Идиатуллина. Автор рассказывает о каждом тексте, как он создавался. И мы узнаем, что захватывающую повесть

о недалеком будущем можно придумать, прочитав надпись на этикетке с минеральной водой. А рассказ о том, как Шамиль Идиатуллин писал текст для сборника «Механическое вмешательство», читается как смешной и актуальный фельетон.

Если в вашей библиотеке уже есть «Все как у людей» 2022 года выпуска, то новую редакцию не стоит обходить вниманием: там появились дополнительные рассказы.

Даша Кельн

8 апреля:

Книги, из которых я состою-6

Когда мне было 17 лет, и мне позарез был нужен умный старший друг (старших друзей было много, но умных не было, мне ещё поди угоди), один знакомый купил у книжных спекулянтов Борхеса, дал мне почитать, и с тех пор умный старший друг у меня есть.

Я не вернула знакомому книгу, причём открыто не вернула, аргументированно и со скандалом. Скандал устроил не знакомый, а я. Орала, что он не понимает и не ценит Борхеса, а я ценю и понимаю, поэтому книга останется у меня.

Больше никогда так не делала. Только из-за Борхеса. Борхес пробудил во мне гучо гопоту. Почеловечески мне до сих пор за то ограбление стыдно. Метафизически я этим диким поступком скорее горжусь.

Макс Фрай

«Супергерои для грустных», Иван Бевз. Изд. «Азбука»

В гротескном и ироничном сборнике рассказов Иван Бевз препарировал миллениалов с помощью остро-наточенного ножика поп-культуры. Идея вос-

хитительная: под волшебными поколенческими швами оказывается цветная начинка из спергероиских блокбастеров, культовых приключенческих фильмов, франшизах о школе волшебства и далее по смыслу – Бевз достает эти развеселые потроха и также развесело играет с ними. Впрочем, а чем еще было набивать поколение, которому нужна точка опоры и непоколебимая мысль: все наладится, мы не перестанем блуждать, у нас есть путь – простой, нащупай его и иди. Супер-леди и вандервумен ведь тоже когда-то были обычны людьми! Даже заурядными! А значит и мы, обычные люди, сможем стать супер-менами и мистерами-фантастиками. Поставить точку, затянуть стяжек. Шить дальше.

Подростково-детский мир Бевза в целом и похож на комикс: тут кости динозавров можно найти в каждой песочнице, а вовремя включенный сериал программирует день на успех. Девочка может стать суперменом, а участковый в поселке городского типа поверить, что он – Человек-Паук. Бытовое, серое, скучное, грязно-социальное здесь сталкивается с поп-культурным, сияющим, невозможным, и оттого контраст ощутим особенно. Герои в пестрых трико соседствуют с бабками-соседками и алкоголиками, с однотипными школьными учителями и строптивыми родителями.

«Супергерои для грустных» – попури из ярких ностальгических скетчей, от которых сводит олд-скулы. Некоторые из текстов полностью выдуманы, некоторые, как открывающий, автобиографичны. После прочтения смотришь на мир вокруг иначе: тем, детско-подростковым зрением – тогда и вещи казались объемнее, цветастее, и мечты – сбыточней. Даже если они совсем невозможны.

Денис Лукьянов

Крошечка Хаврошечка с помощью волшебной коровы решала все задания злой мачехи. Из кучи кудели сделать к вечеру полотенца? Не вопрос. Корова со всем справится. Некоторые сказочники представляли ее чем-то вроде текстильного аппарата: Хаврошечка пихала корове в ухо кудель, а из другого уха вытаскивала полотенца.

«Гони меня за гору. В одно ушко толкай кудельку, а в другое будет выходить полотенце!» – поясняла методу корова (Сказки Псковской области. Псков. 2004. № 36).

Череп у нее был подлинным преобразователем. Хаврошечка и сама туда регулярно заглядывала, и с ней тоже происходили метаморфозы. Она становилась сытой, хорошо одетой и обутой, а главной – пьяной.

«Она в ухо зайдёт, в другое выйдет, и сыта и пьяна сделатся», – объясняли в Олонецкой губернии (Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н.Е. Ончукова. СПб. 1909. № 129).

Когда корове стала грозить смерть после разоблачения волшебных способностей, она объяснила девочке, как ей дальше кушать, одеваться и выпивать бесплатно.

В поморской сказке буренка говорит:

«Как меня будут свежить, да потечет кровь, ты возьми эту кровь и черепашечку, да под окошеч-

ко и вылей. А там вырастет лесинка, будешь на лесинку поглядывать, будешь сыта и пьяна, чиста и бела».

Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск. 1974. С. 332.

В общем, в трезвости девочку Хаврошечку не обвинишь.

А голова волшебной коровы, судя по сказке, была не только текстильной фабрикой, но и столовой, примерочной, баром.

Антон Нелихов

9 апреля:

Прошло уже больше двух лет с того момента, как Джеймс Ван объявил о работе над экранизацией «Зова Ктулху» Говарда Лавкрафта.

Однако несмотря на медленный прогресс из-за бюджетных сложностей, продюсер не теряет надежды и продолжает постепенно продвигать проект.

Мир фантастики

Герберт Уэллс «Спящий просыпается»

Жанр: Антиутопия

Оценка: 8/10

Роман Герберта Уэллса «Спящий просыпается» – произведение, занимающее особое место в творчестве писателя и в истории научной фантастики в целом. Написанный в 1899 году и переработанный в 1910-м, этот роман стал одной из первых антиутопий в литературе, предвосхитив многие темы, которые позже разовьют Олдос Хаксли в «*О дивном новом мире*» и Джордж Оруэлл в «*1984*».

Книга интересна прежде всего тем, что за сто с лишним лет до нашего времени Уэллс попытался заглянуть в XXI век – действие происходит в Лондоне 2100 года. Это делает роман уникальным документом, позволяющим оценить, насколько точно фантаст конца XIX века сумел предсказать технологическое и социальное развитие человечества.

Главный герой, Грэхем, человек конца XIX века, страдающий от хронической бессонницы, неожиданно погружается в летаргический сон, который длится 203 года. Проснувшись в 2100 году, он обнаруживает, что стал легендарной фигурой – «Спящим», владельцем половины мирового богатства

благодаря процветанию его инвестиций и накопившимся процентам.

Однако реальная власть принадлежит не ему, а Совету, который управляет его состоянием все эти годы. Грэхем оказывается пешкой в политической игре между правящей элитой и революционным движением. Осознав масштабы социального неравенства и эксплуатации, на которых построено «процветающее» общество будущего, он встает на сторону угнетенных и пытается изменить существующий порядок.

Одним из главных достоинств романа является поразительная точность многих технологических предсказаний. Уэллс, не имея возможности опереться на предшественников в жанре, буквально из воздуха черпал идеи, которые спустя столетие стали реальностью. Однако «Спящий просыпается» – это не просто футурологический прогноз. Как и многие другие произведения Уэллса, роман пронизан острой социальной критикой, отражающей социалистические взгляды автора.

Уэллс рисует общество будущего, разделенное на элиту и бесправных рабочих. Технологический прогресс не привел к всеобщему благоденствию – напротив, он усилил эксплуатацию. Рабочие вынуждены жить в ужасных условиях, чтобы получить право на минимальное пропитание, в то время как небольшой класс сверхбогатых наслаждается роскошью. Эта картина оказывается пугающе созвучной с проблемами современного мира с его растущим разрывом между богатыми и бедными.

Ключевая мысль романа – критика иллюзорности свободы в капиталистическом обществе. Спящий просыпается, но общество продолжает спать под гипнозом прогресса и потребления. Грэхем, формально являясь «Хозяином мира», не имеет реальной власти – его именем управляют другие. Это

размышление о том, как власть и богатство могут существовать как абстракции, лишённые реального содержания.

Уэллс поднимает важный вопрос о том, что значит быть лидером, когда власть не заработана, а получена случайно. Грэхем оказывается не готов к той роли, которую ему навязывают. Его наивные попытки изменить мир сталкиваются с жесткой реальностью политической борьбы и сопротивлением тех, кто не намерен отказываться от власти.

Один из самых пессимистичных аспектов романа – тщетность революционных преобразований. Грэхем помогает свергнуть правящую элиту, но новая власть оказывается ничуть не лучше старой. Это горькое осознание: смена правителей не меняет сути системы, угнетение человечества поставлено на поток, и никакие отдельные личности не способны это изменить.

При всех своих достоинствах «Спящий просыпается» вызывает противоречивые чувства, и я хочу отметить ряд существенных недостатков. Во-первых, статичность и схематичность персонажей. Грэхем часто выглядит наивным великовозрастным ребёнком, чьи реакции на происходящее кажутся поверхностными и недостаточно проработанными. Второстепенные герои выполняют исключительно служебные функции и не запоминаются как живые личности. Герой получился «скомканным» – вокруг кипят страсти, а его больше увлекают полеты на аэропланах. Во-вторых, расистские и колониалистские мотивы, которые трудно игнорировать. В книге присутствуют уничижительные описания выходцев из Азии и Африки, а полицейские силы будущего описываются в расовых стереотипах. Хотя можно оправдать это викторианским контекстом, всё же для современной литературы подобное выглядит довольно дико. В-третьих, при-

митивность сюжета и наличие сюжетных «ляпов». Например, почему Белый совет, зная об угрозе со стороны Острога, оставил открытым вентилятор в камере Спящего? Такие моменты выдают спешку, в которой писался роман (сам Уэллс признавал, что работал над этой книгой одновременно с другим романом и уделял ей меньше внимания).

«Спящий просыпается» переключается с другими произведениями Уэллса. Как и в «*Машине времени*», здесь присутствует мотив путешествия во времени, но если Путешественник активно перемещается в будущее, то Грэхем оказывается пассивным объектом временного потока. В романе также прослеживаются темы, знакомые по «*Острову доктора Моро*» (этические последствия научного прогресса) и «*Человеку-невидимке*» (влияние науки на общество и личность).

Сам Уэллс не был полностью удовлетворен первоначальной версией романа. В 1910 году он выпустил переработанную редакцию, изменив название на «*The Sleeper Awakes*». Основные изменения коснулись стиля: автор стремился устранить некоторые стилистические шероховатости и убрать намеки на романтическую линию. Однако радикальной переработки не произошло, что говорит о том, что в целом Уэллс был доволен своей работой.

Итог: Оценивать фантастику, которой более ста лет, действительно непросто. С одной стороны, перед нами произведение, которое поражает своей футурологической прозорливостью и смелостью социальной критики. Уэллс предвосхитил многие явления, которые станут ключевыми для антиутопического жанра XX века, и создал мир, который во многом напоминает нашу сегодняшнюю реальность. С другой стороны, роман страдает от недостаточной проработки персонажей, архаичных социальных взглядов и сюжетной наивности.

Это не лучшая книга Уэллса – уступает и «*Машине времени*», и «*Войне миров*», и «*Человеку-невидимке*». Однако даже в этом качестве она представляет интерес как важная веха в развитии научной фантастики и как документ, позволяющий оценить эволюцию взглядов одного из самых влиятельных фантастов в истории литературы.

Алексей Севериан

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 106

На Брома натыкался постоянно. Красивые обложки, хвалебные отзывы, рейтинг приличный. Однако же, зная, что автор, в первую очередь, художник, не читал. Ну, видимо, время пришло.

КОСИНОГ. ИСТОРИЯ О КОЛДОВСТВЕ. Бром

В общем, не зря меня мучили сомнения. Как к художнику к Брому вопросов нет – в книге немало его иллюстраций в начале каждой главы, и отдельно портреты всех магических персонажей. Не скажу, что поразились фантазии, всё довольно усреднённо, и если подумать, где-то мы уже это видели. Но если в рисунках такой подход простить можно, в книге они всё же десерт, а не основное блюдо, то в самой истории это уже печаль-беда. Потому что роман этот, не вторичен даже... Возьмите все возможные шаблоны из книжек про древних богов, умножьте на два, вот и получится «Косиног».

Да, вот я и сформулировал свою главную претензию к роману. Всю дорогу не отпускало ощущение, что читаю что-то вроде «Мэтью Корбета», только написанного куда как менее умелой рукой. Ну, и мистики здесь побольше. Ещё одно ощущение, не отпускавшее с первых страниц – это Дисней. Так и ждёшь, что главная героиня Абита начнёт петь о тяжелой судьбине одинокой женщины, постепенно переходя в рефрен «но я не сдамся, но я не сдамся!». И всё это под нарезку сценок, где у неё сначала

не получается, а потом кааак получается. И устала, но довольная Абита вытирает пот испачканной в земле рукой, оставляя чёрные разводы – здесь честный труд, здесь суровый край, здесь преодоление и пафос!

То есть, да простят меня мужики, которым «Косиног» понравился (вы не стали от этого менее мужественными, нет-нет), но это чисто девчочковая история, в духе «Красавицы и Чудовища», в которую долили немного кровяшки и досыпали жестокости, чтобы «как у взрослых». И тут уже да простят меня женщины, для которых градус жести «Косинога» – детский лепет (это действительно так, я знаю).

Для меня магии погружения не произошло из-за тотальной предсказуемости всего и вся. Небольшой интерес всколыхнулся в финальной схватке, в основном за счёт динамики, но и там я позёвывал. В целом, конечно, «Косиног» – это вполне себе неплохая развлекательная литература. Но для меня – не то пальто. А картинки, конечно, красивые. Красивые картинки.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

10 апреля:

На днях записывали тут один подкаст про Роджера Желязны, выйдет нескоро, но все-таки. И я вдруг вспомнил про «Хьюго» 1966 года. О, «Хьюго» 1966 года!

Вручались эти награды, понятно, за 1965 год. А год был роскошный. И – большая редкость – в категории «Роман» победили, получив равное число голосов, сразу две книги: «Дюна» Фрэнка Герберта и «Этот бессмертный» Роджера Желязны.

А не победила, оставшись в шорт-листе, «Луна жестко стелет» Роберта Хайнлайна. А также

«Квадраты шахматного города» Джона Браннера и Skylark DuQuesne Э.Э. «Дока» Смита, но этот последний там оказался, я думаю, по мемориальным соображениям: за год до конвента, где вручали «Хьюго», 75-летний «Док» Смит умер.

А даже в шорт-лист не вошли «Вся плоть – трава» Клиффорда Саймака (она же «Всё живое»), «Баллада о Бете-2» и «Город тысячи звезд» Сэмюэля Дилэйни, «Билл – герой галактики» Гарри Гаррисона, «Три стигмата Палмера Эдрича» и «Доктор Бладмани» Филипа Дика, «Геноциды» Томаса Диша, «Повелитель бурь», «Огненный клоун» и марсианская трилогия Майкла Муркока, «Хозяева лабиринта» Аврама Дэвидсона, «Космическая опера» Джека Вэнса, «Звездный лис» Пола Андерсона, «Обмен разумов» Роберта Шекли и многое другое. В СССР в том же году вышел «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. В общем, не год, а сказка.

Можно еще рассказать о категории «Короткая форма», но самое поразительное случилось с «Хьюго» в номинации «Лучшая серия книг». Победила трилогия (тогда еще трилогия) Айзека Азимова «Основание». А проиграла – оставшись в шорт-листе – цикл о Линзменах Э.Э. «Дока» Смита; барсумский (то бишь марсианский) цикл Эдгара Райса Берроуза; «История будущего» Роберта Хайнлайна и – барбанная дробь...

...»Властелин Колец» Джона Р.Р. Толкина.

Да. «Властелин Колец» проиграл «Основанию» в сентябре 1966 года. Вот теперь вы видели всё.

Николай Каравев

ПРО ИМЕНА: ТАИНСТВЕННЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ, НИКИ И ПСЕВДОНИМЫ

Сто тысяч лет мне не попадалось фанфиков, от которых я действительно получала бы удовольствие, но вот тут благословенной Холливарочкой

принесло прелестный дженовый фанфик по Барраюру. И вот о нем я хочу поговорить в рамках как раз того, как работают имена на общий замысел текста и раскрытие образов в минимуме букв.

Суть сюжета: император Барраяра Грегор Форбарра анонимно сидит на комаррском студенческом форуме альтернативной музыки. Форум живет собственной жизнью, чему и посвящено примерно 90% текста. Оставшиеся 10% Грегор дает советы, разъясняет комаррцам тонкости жизни в форском обществе, помогает залетным студентам писать эссе по истории и троллит со-формуцев покерфейсом.

Троп «таинственный незнакомец»: предельно «никакой» ник GB3451. «GB» означает «Greg Bleakman» (предельно «никакие» имя и фамилия. Собственно, и «Bleakman» переводится как «бледный», «никакой», «унылый»). И история, конечно, работает на контрасте – читатель знает, что это император, и гадает, догадаются ли об этом участники форума. Сами форумцы гадают, кто такой этот Бликман, и догадываются, что он из каких-то знатных форов, но кто именно?

Отдельно хорошо то, что в шапке фанфика указаны персонажи из канона, но нет расшифровки – и отдельное удовольствие для читателя самому угадывать, кто тут есть кто – по поведению, «вхарактерности» персонажей.

ВАЖНО: это хорошо работает, если автор умеет прописывать харизматичных персонажей. К сожалению, обычно бывает наоборот: персонажу дается максимально пафосное имя, и после этого он ведет себя очень уныло и предсказуемо.

Ники как способ характеристики: текст фанфика представляет собой логи с форума. Совершенно у всех есть ники, как и полагается, разной

степени вычурности и бредовости – и сам по себе тип ника хорошо характеризует говорящих:)

(Автор фанфика честно признается, что пользовался генераторами – это прям, конечно, хороший лайфхак. Стругацкие, помнится, когда-то писали себе специальную программу с такими целями).

Имена и названия как «культурный слой»: поскольку это музыкальный форум, герои постоянно обсуждают музыкальные группы и их песни, а также составляют плейлисты. И они подобраны так, чтобы мы могли себе представить музыку на основе названий. Например, тот же Грег Бликман очень любит группу «The Flying Modern Trebuchets» («Новые Летящие Катапульти»), и по названию примерно сразу понятно, почему большинство окружающих не разделяют этого чувства:)

Марина Аницкая

11 апреля:

ПРО ИМЕНА, КОТОРЫЕ ОТПУГИВАЮТ

А вот теперь вопрос – скажите, а случалась у вас ситуация, когда вы видели имя персонажа, и прям сразу понимали, что «Ой, нет»? Когда вы еще ничего про героя не знаете, но видите имя и понимаете, что знать и не хотите в принципе, и текст этот читать по доброй воле не будете никогда в принципе?

Лично меня обычно выносят два противоположных варианта:

– **слишком претенциозно** («Действующие лица там такие: доктор Лобс, Шуа дю-Гюрзель, граф Денкер, баронесса Люст... Упоминаются: Карт сэ-Шануа, «полновесный идиот, ставший импотентом в шестнадцать лет», а также Стэлла Буа-Косю, родная тетка графа Денкера, садистка и лесбиянка»),

– **слишком уныло** (««Корягины». Пьеса в трех действиях. Действующие лица: Сергей Иванович

Корягин, ученый, около 60 лет; Ирина Петровна, его жена, 45 лет; Николай Сергеевич Корягин, его сын от первого брака...»).

Понятно, что и то, и другое можно отлично обыграть («Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендербей, сын турецкоподданного»), но это уже другой вопрос. И чтобы понять это, надо читать сам текст – а в некоторых вариантах это желание умирает сразу:)

Марина Аницкая

Скотт Р. Бэккер «Тысячекратная Мысль»

Жанр: Тёмное фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 9/10

Вот и прочитан заключительный роман трилогии Скотта Р. Бэккера «Князь Пустоты».

Священное воинство с Келлхусом во главе направляется в город Шайме. Цель уже так близка. Однако фаним, быстро оправившись от сокрушительного поражения, не готовы просто сдать: на всём пути они расставляют засады и постоянными налётами истощают войско Людей Бивня. Конечно же, оборону Шайме также не оставляют без внимания, и здесь Священное воинство ждёт неприятный сюрприз. Не стоит забывать и о кишаури, всё ещё держащихся в тени. Кульминационная битва айнрити против фаним получилась масштабной и продуманной. Особенно впечатляюще смотрятся магические баталии между кишаури и колдунами Багрных Шпилей. Положительным моментом стало то, что нам наконец объяснили различия в магии школ айнрити, которая базируется на логике и точности, и магии кишаури, в основу которой легли эмоции.

На мой взгляд, к финалу «воды» стало чуть меньше. Нет, бесконечные философские беседы и рефлексии никуда не делись. Автор хотел показать всю глубину персонажей, однако настолько

глубоко порой лучше не заглядывать. Лично у меня персонажи не вызвали положительного эмоционального отклика. Келлхус, получив Священное воинство в единоличное пользование, превращается совсем уж в «Мэри Сью» и решает все проблемы совершенно не напрягаясь. Окружающие для него не более чем инструменты, выполняющие конкретные функции. Найюр всё больше погружается в пучину безумия, из которой уже нет обратного пути. Эсменет постоянно терзает себя мыслями о собственном предательстве. Чемпионом по страданиям и самокопаниям был и остаётся Друз Ахкеймион. Ну не укладывается у меня в голове, что могучий колдун, адепт Завета, и матёрый шпион будет настолько мягкосердечным. Он страдает от измены Эсменет, от того, что передал тайные знания Гнозиса Келлхусу, от несложившихся отношений с бывшими учениками и от много чего ещё. Наконец, мы увидим легендарного Моэнгхуса. Честно сказать, от подобного человека я ожидал гораздо большего. Так же мне не понравилось, что так бездарно слили Конфаса. Этот жестокий и харизматичный полководец был единственным, кто мог хоть что-то про-

тивопоставить Келлхусу. Однако к третьему роману трилогии Конфас превратился в импульсивного, неуравновешенного, недалёковидного и местами даже жалкого человека.

В финале многие сюжетные линии получают своё логическое завершение. Многие, но не все. Автор явно оставил задел для будущих романов. Лично меня заинтересовала история Первого Апокалипсиса. Однако история Консульты, которая прошла красной нитью через всю трилогию, так и не была раскрыта. Видимо, её автор оставил для тетралогии «Аспект-Император».

Итог: Роман, как и трилогия в целом, вышел довольно удачным. В творчестве Бэккера есть определённые особенности, о которых важно знать перед прочтением. Во-первых, это высокий порог вхождения – разобраться в мире Эарвы довольно непросто. Во-вторых, явная философская подоплёка. И, в-третьих, довольно неторопливое повествование. Во время батальных сцен это, конечно же, меняется, но большую часть времени герои рефлексируют и размышляют о жизни. «Аспекта-Императора» я читать буду, но после некоторого перерыва.

Алексей Севериан

12 апреля:

Решил посмотреть, что Amazing Stories писали про Юрия Гагарина. Ничего. В №№ 4, 5, 6, 7 за 1961 год – ни слова. Журнал, посвященный в значительной степени освоению космоса, никак не отозвался на полет первого человека в этот самый космос. Окей, апрельский номер, понятно, делался заранее – и был к тому же юбилейным, к 35-летию выхода самого первого номера, так что открывался он колонкой престарелого Хьюго Гернсбэка, а дальше были типа лучшие тексты – включая рассказ

Эдмонда Гамильтона «Деволуция» (Devolution; на русском с легкой руки гения отечественного перевода А. Тишина он так и остается «Эволюцией»), рассказ «Я, робот» – не Айзека Азимова (у Азимова это название цикла), а Отто Биндера, – ну и прочее.

Майский номер обещает на обложке «новую захватывающую серию научных статей – ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ». Хрена: внутри есть статья о том, как собрать на орбите космическую станцию, пера Фрэнка Тинсли. Ему и посвящена рыдакторская колонка. Тинсли, которого она гордо именует «Человеком Будущего», был иллюстратором. Со знанием техники, безусловно, он много рисовал авиацию и прочее. Однако на этом основании нанять его (как предлагает колонка) на проект стоимостью 100 тысяч долларов, посвященный строительству КС, НАСА могла разве что в качестве дизайнера, а их, я думаю, тогда в НАСА хватало. Об этом проекте журнал пишет. О Гагарине – нет.

В июньском номере рыдакторская колонка посвящена животрепещущему вопросу: кто у нас Роберт Хайнайн с его странной философией – человек, легенда или чудовище.

В июльском – тому, что будет, если мы вступим в контакт с инопланетянами: не гикнемся ли в результате страха и паники?

Короче, позорище страшное. Гагарина не было. Нельзя же признать достижение за вражиной по ту сторону холодного фронта.

Николай Каравев

Попалась статья по случаю дня космонавтики, с обзором полезных книжек. Она напомнила, что у меня была книжка про историю будущего. Научным редактором ее был Сурдин, тогда только набравший свою огромную популярность.

Книжка вышла в «Мифе» вдогонку к двум другим моим книжкам, которые ухитрились стать бестселлерами. Вышла и с треском провалилась. Отчего, никто не понял. Если правильно помню, у нее всего-то был один тираж и никаких допечаток не делали.

Продавалась она со скрипом и долго. Несмотря на хорошие отзывы.

На одной «Гаражке Мифа» сотрудница издательства сказала мне, что всем ее советовала покупать. Очевидно, без особого успеха. И добавила, что плакала, когда читала последние страницы.

Книжка небольшая, впрочем, и информации по теме – крохи. Можно было бы налить в нее воды побольше, но я этого не люблю.

Общая мысль: Земля сейчас находится примерно на середине отпущенного ей срока. Дальше все,

что случилось, пойдет в обратном направлении: животные станут упрощаться, позвоночные исчезнут, жизнь уйдет с суши в воду, наконец останутся бактерии, которые и вымрут последними.

Но человечество может сохраниться, если верить мечтам Митио Каку. Я думаю, что вполне сохранится.

Тогда и домовые с кикиморами смогут пережить исчезновение нашей галактики.

Антон Нелихов

Технологии далёкого будущего, советский брутализм и иконописный стиль объединились в работах Антона Фролова из серии «Леандр».

Такой стиль автор назвал византийским футуризмом. В числе идейных вдохновителей Станислав Лем и мир Полудня братьев Стругацких.

RocketMan

с днём, вербанавтики!

(Георгий проводит несанкционированный эксперимент, полосатый кто конспектирует)

К.А.Терина

13 апреля:

Из рубрики «погоды, я не договорила!». Хотел сказать, когда писали подкаст о Желязны, но к слову не пришлось, а потом запись по техническим причинам оборвалась. Может еще скажу, когда будем дозаписывать. Или нет.

А сказать я хотел, что **Роджер Желязны**, конечно, образцовый релятивист. Не этический, не тот, что «колеблется вместе с генеральной линией партии», это о других фантастах. Как раз личные этические установки у него, насколько можно судить, были вполне простые и четкие, и не очень менялись с течением времени. Релятивист он в более очевидном смысле. Сквозная тема в его прозе – поинт о том, что оценка (ситуации, человека,

поступка) меняется в зависимости от точки зрения. Я здесь уже писал том, как все диалоги в «Розе для Экклезиаста» обретают новый, буквально противоположные смысл после сюжетного поворота в финале. «Амбарные хроники» Желязны вообще начал писать в подражание «Александрийскому квартету» Лоренса Даррела, где в каждом романе описываются одни и те же события, но по-разному, с точки зрения разных героев. В не очень любимом мной, но ценимом публикой романе «Ночь в тоскливом октябре» главная сюжетная загадка – на чьей стороне играют герои, Открывающих или Закрывающих, планируют ли они впустить в наш мир адских чудовищ, или наоборот, не дать вратам открыться. При том, что и Открывающие, и Закрывающие с одинаковым азартом режут глотки и творят черную ворожбу. Ну и так далее, и тому подобное. И уж, конечно, никогда нельзя доверять репутации героя Желязны, тому, что о нем люди рассказывают, а порой и тому, что он сам о себе думает – к середине или финалу может выясниться, что это сплошные байки, на деле все совсем иначе.

Но вообще, конечно, для отечественных читателей образцовый пример такого вот релятивизма – не «Александрийский квартет», а совсем наоборот, рассказ «В чаше» Рюноске Акутагавы, где об убийстве самурая и изнасиловании его жены рассказывает несколько свидетелей, включая духа покойного. И каждый раз это совсем другая история, потому что никто не знает всех подробностей, даже главная жертва. У Желязны я отсылка к Акутагаве не встречал, но метод он использует тот же самый. С той только разницей, что рассказ «В чаше» написан в 1922-м, а Желязны дебютировал в конце 1950-х.

Василий Владимирский

Иллюстрация ко второму тому Метрономикона.
Михаил Кликин, «ПН-12/8»

Алексей Андреев

Карусели над городом

Юрий Томин

Юрий Томин – автор известной фантастической повести для детей «Шел по городу волшебник» о чудесах, которые не приносят счастья, – многое повидал в жизни.

Когда закончилась Великая Отечественная война, подростку Юрию пришлось время получать образование. Из мореходного училища он довольно скоро перешёл в университет и выучился на геофизика, а после учебы работал на Крайнем Севере, руководя геологами.

Романтика севера переплавились в сочинения «Повесть об Атлантиде» и «Алмазные тропы». Спустя десяток лет после публикаций этих рукописей, Юрий Томин начал писать в другом ключе, сочиняя фантастические сказки.

Томин был для меня автором одной книги, того самого «Волшебника», которого я перечитывала давно в детстве и совсем недавно – с собственными детьми. Сейчас открываю для себя этого удивительного писателя практически с нуля.

«Карусели над городом» – начало дилогии кулеминских происшествий. В маленьком городке Кулеминске каждое удивительное событие – на вес золота. Здесь все всех знают, потому что все у всех на виду. Скучотища. Что же может случиться в городе, где ничего никогда не случается?

А может многое! И такие карасули звертятся, что тишина покажется самой сладкой музыкой.

Немолодой уже учитель физики Антон Палыч, отец и свежеиспечённый дедушка, вечный искатель братьев по духу, так же страстно увлеченных наукой и наивными идеями, которые могут перевернуть жизнь не одного человека, а всего человечества, находит отдушину в ученике Борьке, разобравшему все окрестные пылесосы. Вдвоем они оборудовали физическую лабораторию, которую посетили зелёные – пардоньте, синие человечки. Точнее, всего один. Но этот единственный синенький пришелец знатно им дал прикурить!

Приемыша окрестили Феликсом. Между прочим, в одной из трактовок имени «Феликс» означает «блаженный». Это удивительно точно подходит под описание инопланетянина. Он говорит только то, что думает, чем ставит в тупик всех окружающих, не способных отличить неземного мальчика от обычного кулеминского школьника.

Блаженный мальчишка заставляет других иначе взглянуть на себя. Согласиться искать ответы на вопросы, которые никогда бы не пришли им в голову. Взвешивать свои слова, чтобы они не довели до беды. В конце концов, просто быть людьми. А это

намного сложнее, когда рядом тот, кто должен понять, чем он отличается от тебя.

Несмотря на всю серьёзность этих щей, книга написана удивительно легко. И с тем крепким градусом образцового юмора, который полезнее сметаны. Над главой «Игры для взрослых» мы просто плакали, так это было смешно. Дети в конце концов принесли мне стакан воды (эх, старость!), потому что из-за смеха я буквально лишилась дара речи.

Эта повесть удивительным образом балансирует по ходу всего повествования, не скатываясь ни в плоский юмор, заигрывая с незрелым читателем, ни в бездонный колодец философского учения.

Если бы не финал, она превратилась в этакого «Малыша» Стругацких на минималках, так сказать, для младшего школьного возраста, но стала именно тем, чем и является: озорным приключением, рассказывая которое, можно и горестно вздохнуть.

Степень этого вздоха можно оценить по музыкальной цитате. А цитата здесь – не больше не меньше, а «Болеро» Равеля!

Небольшой современный двор большого современного дома в четырнадцать этажей. Действие происходит по вертикали. Откуда-то доносится музыка. Возможно, играют «Болеро» Равеля.

Так начинается режиссёрская читка современной пьесы, где единственным слушателем оказался тот самый прямолинейный Феликс.

Амбициозный человек от искусства, Вен-Вен лишён всякого таланта. Как явный бездарь войти в искусство он мечтал с ноги, и искал подходящий для самовыражения формат. Таким он посчитал создание детского театра.

В этом контексте понять авторский выбор музыкального произведения не сложно. Это ирония над псевдоинтеллектуалами: «Болеро» был до того популярен, что иначе как протянутой дружеской

рукой от высокого искусства к самым широким народным массам его не назовешь.

Рекомендую всем!

Юлия Евдокимовская

Багровый горизонт / Фантастика / Фильм-марафон

По мотивам повести братьев Стругацких «Страна багровых туч» (1959). Фильм-марафон (Серии 1-5)

Экипаж первого звездолёта к Венере оказывается в ловушке между смертельной аномалией планеты и предательством на борту, когда их миссия по добыче ценной руды превращается в борьбу за выживание и проверку человечности на прочность.

В отчаянной попытке выполнить миссию у урановой «Голконды» экипаж сталкивается с яростным гневом планеты. Предательство, жертвенность и слепая логика сталкиваются в финальной катастрофе, которая разъединяет выживших и оставляет пустой корабль на орбите как памятник полному провалу.

Владимир Костоусов

14 апреля:

Книги, из которых я состою-7

Очень странно на полном серьёзе признаваться, что состоишь из «Старика Хоттабыча». Тем не менее, когда-то он спас мне жизнь и одновременно научил, зачем вообще нужны книжки.

Летом 70-го года в Одессе разразилась холера. А мы как раз приехали туда в отпуск, привет. Родители пили красное вино и лопали чеснок в страшных количествах, в народе считалось, что это спасает от холеры. Ну, их и спасло. А я немедленно улеглась от неё помирать. Вызывать скорую родители боялись – увезут ребёнка в инфекционку, уж

там-то точно помрёт. Помирать, кстати, было очень приятно. В пять лет, с чистым сознанием, без капли страха, да с температурой 43 – отличное занятие. Мне понравилось. Но папа всё испортил. Он стал кормить меня какими-то таблетками и читать мне вслух «Старика Хоттабыча». Не знаю, что там были за таблетки, но вероломный Хоттабыч вторгся в моё угасающее сознание, и мне стало интересно, что будет дальше. Ну и всё, приехали, смерти нет.

Моя версия приключений Хоттабыча и Вольки была интересней оригинала, потому что папино чтение приукрашивал мой горячечный бред. Но без чтения бред не работал. Приходилось прислушиваться – что там дальше? Чтобы было на что опереться в бреду.

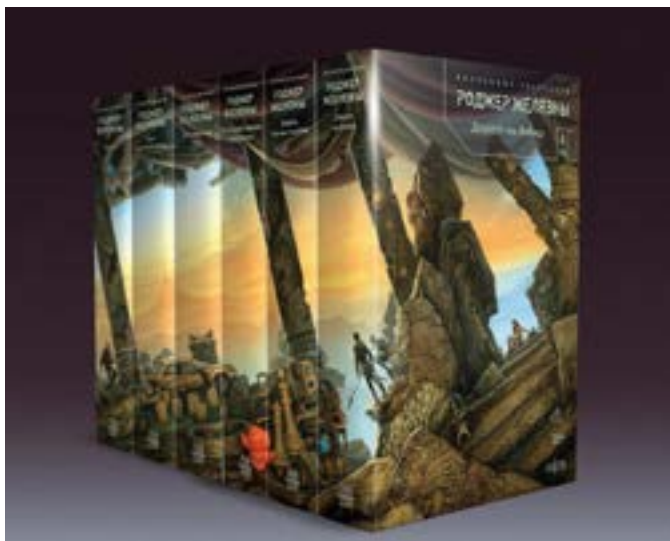
Короче говоря, к концу книжки я ожила окончательно. Не уверена, что это было правильное решение, потому что родители немедленно стали запихивать в меня картофельное пюре с толчёным чесноком. Худшей дряни в жизни не ела! Зато за согласие съесть ложечку папа продолжал читать мне «Хоттабыча». К тому времени герои как раз выловили в океане кувшин с его склочным братцем, и мне позарез было надо узнать, что там у них и как.

Ну и жизнь потом была примерно такая же. Как жуткое пюре с чесноком под сказку. Ужас-ужас, но интересно, что дальше. А когда по-настоящему интересно, вполне можно игнорировать весь этот ваш толчёный чеснок.

Оклемавшись окончательно, я перечитала книжку сама и была немного разочарована: с бредом в сто раз лучше! Но и без бреда вполне ничего :)

Ну и да, я с тех пор точно знаю, что литература должна воскрешать. Если не воскрешает, это какая-то фигня на постном масле. Жизнь тут у нас непростая, местами и вовсе сраная. Но она должна, обязана хотя бы время от времени торжествовать.

Макс Фрай

Полное собрание малых текстов Роджера Желязны – такой же шеститомник, как американский: повести, рассказы, стихи, комментарии, биография по частям. Первый том обещают в мае. Стихи там будут в переводе вашего непокорного.

Николай Караев

Косюн Таками «Королевская битва»

Жанр: Антиутопия/триллер

Оценка: 8/10

Роман Косюна Таками, вышедший в Японии в 1999 году, – это не книга, а культурный феномен. Его сюжет о вынужденной «игре на выживание» среди школьников породил бесчисленное количество подражаний и стал источником вдохновения для многих более поздних произведений, включая знаменитые «Голодные игры» Сьюзен Коллинз. «Королевская битва» – это жесткий, мрачный и предельно циничный триллер, который не щадит ни своих юных героев, ни читательские нервы. Она балансирует на грани хоррора, боевика и социаль-

ной драмы, создавая уникальное и незабываемое произведение.

Действие разворачивается в альтернативной реальности, в тоталитарном государстве «Народная Республика Дальневосточная Азия». Каждый год правительство проводит жестокий эксперимент: случайно выбранный класс средней школы вывозится на необитаемый остров, где ученикам выдают случайное оружие и приказывают убивать друг друга, пока не останется только один выживший. В число «счастливчиков» попадает класс 3-Б, в котором учится главный герой, Сюя Нанахара. Начинается кровавая бойня, в которой вчерашние друзья и одноклассники вынуждены предавать, убивать или быть убитыми. За всем этим наблюдают военные и скрытые датчики, а государственную верхушку и самого диктатора развлекает это кровавое шоу.

Одним из плюсов романа является проработка персонажей. Таками мастерски, хотя порой и через резню, раскрывает психологию 42 школьников. Перед читателем проходят самые разные архетипы. Во-первых, «хорошие» герои: Сюя Нанахара, Норико Накагава и Сёго Кавада. Они не хотят участвовать

в игре, пытаются сохранить человечность и найти способ выбраться из ада. Их путь – это череда моральных дилемм и попыток остаться людьми, когда мир вокруг превратился в кровавый хаос. Вторых, «плохие» герои: Кадзуо Кирияма и Мицуко Сома. Это абсолютное, почти карикатурное зло. Кадзуо – хладнокровный психопат, который не способен испытывать эмоции и убивает с безжалостностью машины, Мицуко – манипуляторша, готовая на все ради выживания. Их наличие подчеркивает безысходность ситуации и показывает, что в условиях тотальной войны человеческая мораль рушится. В-третьих, «серые»: большинство персонажей находятся где-то посередине. Это запуганные дети, которые совершают убийства от отчаяния, или те, кто пытается спрятаться и переждать. Именно эти образы делают роман таким трагичным, ведь мы видим, как обычные подростки под гнетом обстоятельств превращаются в монстров. Несмотря на обилие персонажей, автору удается избежать путаницы. Хотя имена могут показаться сложными для восприятия русскоязычного читателя (для себя я даже составил список учеников с краткими характеристиками), но постепенно каждый герой обретает уникальные черты, и я начал искренне переживать за их судьбы.

«Королевская битва», в отличие от просто кровавого боевика, поднимает глубокие философские и социальные вопросы. Автор рассматривает суть человеческой природы. Что происходит с моралью, когда ставкой становится собственная жизнь? Может ли человек сохранить свою человечность в нечеловеческих условиях? Автор показывает, что страх смерти способен как пробудить в человеке зверя, так и, наоборот, раскрыть невиданные прежде благородство и самопожертвование. В мире, где каждый может ударить в спину, темы доверия

и дружбы приобретают критическое значение. История Сюи, Норико и Сёго показывает, что даже в аду можно найти опору в другом человеке.

В романе прослеживается жесткая критика общества и государства. Тоталитарный режим использует «Королевскую битву» как инструмент устрашения и контроля населения. Эта жестокая игра – метафора жестокости и отчуждения, которые процветают в современном обществе, где конкуренция и безразличие становятся нормой. Роман – обвинительный акт войне и насилию в любых их проявлениях. Он показывает, как хрупка грань между цивилизованным человеком и убийцей, и как легко рушатся судьбы.

Несмотря на вышеперечисленные плюсы, роман не лишен и минусов. Для кого-то реалистичные описания убийств станут серьёзным препятствием. Иногда кажется, что чрезмерная жестокость используется лишь для шокового эффекта и не несёт смысловой нагрузки. Откровенные сцены с расчленёнкой и подробным описанием агонии могут оттолкнуть неподготовленного читателя.

Роман не лишён клише и «роялей в кустах». Особенно это заметно в финале, когда некоторые герои демонстрируют невероятную живучесть, знания в областях, которых у них быть не могло (минно-взрывное дело, рукопашный бой, компьютерные технологии уровня лучших хакеров), и просто необъяснимую удачу. Любовная линия между главными героями кажется надуманной и неубедительной на фоне происходящего ужаса.

Хотелось бы посоветовать и на тяжёлый, «корявый» перевод, который не позволяет в полной мере насладиться текстом и создаёт ощущение неестественности диалогов. Чего только стоит обилие слов вроде «гопники» и «славный парень»...

Важно отметить, что одноименный фильм Киндзи Фукасаку 2000 года хоть и стал культовым, сильно отличается от книги. Он более динамичный, но менее глубокий. Из-за хронометража из фильма вырезали множество сюжетных линий и персонажей, сделав акцент на экшене. Книга же – это гораздо более объемное и психологичное произведение. То же самое можно сказать и о манге, которая, хоть и следует сюжету романа, добавляет еще больше жестокости и сцен насилия.

Итог: «Королевская битва» – это жестокая, непричесанная и шокирующая история, которая не оставит равнодушным никого. Она для тех, кто готов не просто читать, а погружаться в самый ад японской антиутопии, задавая себе неудобные вопросы о природе человека. Книга, породившая целый жанр, заслуживает внимания как культовое явление, но она определенно не для всех. Если вы готовы к потоку крови и морально тяжелым сценам, то «Королевская битва» станет для вас незабываемым литературным опытом.

Алексей Севериан

«Звездная мантия» Милорада Павича из тех книг, которыми можно пытаться любителей странных, линейных сюжетов и разнообразных канонов, особенно жанровых, потому что этот роман живет по законам сна и не подчиняется больше ничему другому.

Аннотация обещает нам следующее: «Роман «Звездная мантия» – это путеводитель по знакам Зодиака и путешествие сквозь время и пространство. Главная героиня однажды обнаруживает, что стоит ей заснуть, как она перерождается в новом воплощении под знаком другого созвездия. Она становилась девушкой из Средневековья, влюбленной по уши в парня-Водолея и собирающейся кого-то

убить. Была женщиной из XX века, у которой имелся враг в XVIII веке, родившийся под знаком Стрельца и крадущий ее время и молодость. Оказывалась под бомбардировкой Югославии, страдая от любви к Тельцу, забывшего, как ее зовут...»

Смотрю на слово «путеводитель» и вспоминаю одну странную историю, когда с припаркованной у правой обочины машиной случилось что-то техническое, она захотела уехать самостоятельно, без людей внутри, и таки поехала, заложила вираж и воткнулась носом в левую обочину – ровно туда, где оставалось место между двумя другими припаркованными машинами. То есть никто не пострадал и даже не был поцарапан, все отделались легким испугом, а ведь пресловутого места хватило с запасом в считанные сантиметры с каждой стороны. Почему так вышло? Кто направил машину туда, куда следовало? Какой у нее был, э-э, путеводитель? Ответов на эти вопросы мы не узнаем, но схожим образом «Звездная мантия» приводит читателя туда, куда приводит, просто потому что приводит, и если вы с таким раскладом принципиально не согласны, лучше даже не приближайтесь к этой книге.

Впрочем, если без шуток, «путеводитель» у «Звездной мантии» есть, просто он не указывает прямой путь из пункта А в пункт Б. Роман приходится расшифровывать и складывать из кусочков, запоминая детали и имена, упомянутые в предыдущих фрагментах, отсеивая лишнее, погружаясь в атмосферу балканского магического реализма. Созвездия, если вспомнить про магическое мировоззрение, определяют судьбу человека от и до, однако персонажи «Звездной мантии» стремятся избежать своей судьбы, отыскивая лазейки в лабиринте судьбы, чего не сделаешь осознанно, однако во сне возможно почти всё.

В этом самом лабиринте, кстати, живет и Минотавр, а уж как красиво складываются подлинное имя героини – в контексте того, как она разлетелась на фрагменты собственных и чужих сновидений – и один малоизвестный древнегреческий миф...

Главный ключ к лабиринту, по-моему, заключается в том, что если вам приятен сам процесс, вы до конца обязательно дойдете (книга-то совсем маленькая). Я отметила целый ворох цитат, а после одной конкретной («Истина, следовательно, содержится не в языке, а в междусмыслии разных переводов одного и того же текста») хочется перечитать роман в оригинале, хоть это и будет ужасно сложно.

В самом финале вас ждет то ли игра, то ли небольшое испытание, от которого зависит судьба героев. Как я уже писала в предыдущем посте, в переводе все неоправданно усложнилось, поэтому у вас есть два варианта: воспользоваться моим лайфхаком или просто напрячь память, поскольку то, что вам нужно, в тексте упоминается дважды, надо просто это заметить.

Такие книги не могут нравиться всем, кому-то они кажутся полнейшим бредом. В своей системе координат эти читатели, возможно, правы. Но если вас привлекают логика сна и поэтика абсурда, да если попросту надоели линейные сюжеты – вот, пожалуйста, хороший вариант отвлечься от действительности, в которой, как говорит устами Бога Повествования сам автор, нас никто не спасет.

Наталья Осояну

Daniel Kraus “Angel Down” (2025)

В октябре 1918 года – во время Первой мировой, которую тогда называли Великой войной и Войной, которая покончит с войнами, – где-то под занавес Мёз-Аргоннского наступления рядовому первого класса Сирилу Бэггеру начальство поручает задание, которое кажется пусть и сложным, но понятным: надо отыскать на ничейной земле (нейтральной полосе между траншеями Антанты и немецкими) оставшегося там бойца, который непрерывно кричит, и... помочь ему. Всякий американский пехотинец знает, что имеется в виду, когда слово «помочь» произносят с такой интонацией.

Сложность, однако, заключается в том, что Сирил Бэггер прославился на всю дивизию своим умением увиливать от непосредственного участия в боях. До войны Бэггер был профессиональным мошенником, и на фронт попал случайно; совокупность тех же качеств, которые позволяли ему дурить доверчивых лохов, уже четыреста с чем-то дней помогает спасать свою шкуру. Он превращается в эксперта по рытью могил и отхожих мест, ведь бездельничать в армии не дадут никому. Но в какой-то момент удача отворачивается от Бэггера, и вот ему, вместе с еще четырмя такими же, по общему мнению, абсолютно никчемными солдатами, поручено отправиться на ничейную землю и выполнить поставленную задачу. Или просто сдохнуть там, где в буквальном смысле все завалено трупами и военным металлоломом.

Вот еще что странно: раненый на нейтральной полосе кричит – точнее, вопит – очень долго, практически на одной ноте, от чего невольно возникают сомнения, человек ли он. Может, это какое-то новое оружие немцев, призванное воздействовать на психику? Или... сверхъестественное существо? Например, сбитый с неба ангел?

Одно понятно: от этого испытания Бэггеру не отвертеться.

Одно понятно: от этого испытания Бэггеру не отвертеться.

И роман этот написан с использованием постмодернистского приема: он представляет собой ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, где точки встречаются лишь в прямой речи персонажей, и хотя

может показаться, что раз в плане верстки это самое предложение поделено на фрагменты (каждый начинается с союза and – «и»), их и следует считать отдельными предложениями, но нет, нет, с интонационной точки зрения паузы в нем действительно отсутствуют, и оно несется, набирая скорость с каждой страницей, увлекая за собой, невзирая на поразительную жуть того, что автор описывает, потому что перед интригой не устоять, да и главный герой не лишен обаяния, а самое главное, самое главное...

Да, велик соблазн написать рецензию, следуя той же матрице, но такое уже написали, поэтому я меняю ритм. «Angel Down» поначалу кажется жутковатым во всех смыслах литературным экспериментом, однако довольно быстро в нем появляется бьющийся живой нерв. Автору поразительным образом удалось выдержать безупречный баланс между формой и содержанием (будь книга длиннее хоть на абзац, он бы пострадал). Каждая деталь в этом тексте продумана, и озарения финала предсказаны, и все-таки происходящее раз за разом ошеломляет до такой степени, что понимаешь это не сразу.

Это одновременно военная и антивоенная, историческая и фантастическая, странная и очень понятная проза. Сирил Бэггер, главный герой, однозначно авторская удача: он ужасный, эпический трус, однако это прискорбное качество не вызывает неприязни, потому что Бэггер находится в настоящем аду, и как тут не бояться. Попытки сохранить остатки человечности в подобных условиях потому и бьют наотмашь, что контраст между ними и тем, что происходит вокруг, разительный.

Вместе с Бэггером читатель проходит все круги военного ада, постигая истины, которые, если хорошенько вдуматься, не так уж сенсационны, просто о них не хочется думать. Автор же разворачивает

героя и нас к ним лицом, говорит: смотри, смотри, нравится? Предупреждаю, вам не понравится, вам очень не понравится – это как если бы «На Западном фронте без перемен» превратился в чистый хоррор. И даже хуже. Но игрой с наследием Ремарка Краус не ограничивается, постепенно выводя повествование на космический уровень.

Завершающие фрагменты романа – это уже чистая поэзия в прозе, от которой мороз по коже, а потом сидишь оглушенный и думаешь, что это вообще было.

Если вы деликатный, чувствительный читатель, вам не стоит браться за эту книгу по той простой причине, что натурализм в ней зашкаливает, кровь льется рекой и летают оторванные части тела. (Конкретно, если вы использовали в обиходе дурашливое выражение «сидеть с лицом лица», то перестанете, гарантирую.) Это все части авторского замысла; Краус не смакует насилие, он его ненавидит во всех проявлениях и показывает без прикрас.

Если же такие вещи вам не страшны, а литературные эксперименты сами по себе интересны, рекомендую. Очень сильная вещь.

Наталья Осояну

15 апреля:

Новости семейного книгоиздания (тм)

В 2026 году первому изданию книги академика Обручева «Земля Санникова» исполняется 100 лет

Издательство «Наука» договорились коллегами из Московской центральной художественной школы при Российской академии художеств о совместном проекте: ребята проиллюстрируют эту книгу, всего будет 8 юных художников, 2 куратора – педагога, тираж в 1000 экземпляров, выставки

иллюстраций в оригинале в момент презентации книги, научные комментарии ученых...

Я всячески стараюсь поддержать проект!

Скоро книга появится на книжных полках в магазинах города и онлайн.

Владимир Обручев

Кадр дня: Джордж Лукас хвастается новеньким АТ-АТ перед Акирой Курсовой.

Мир фантастики

(Пост и коменты. Немного астрономии.)

Дошли до меня слухи, что академик Амбарцумян в чёрные дыры не верил, поэтому если кто из его астрономов хотел на эту тему диссертацию писать, то вынужден был увольняться из Бюраканской обсерватории, и защищался в другом месте.

Это было так, Павел Амнуэль?

Павел Амнуэль

Примерно так. Амбарцумян и его коллеги полагали, что звезды рождаются из сверхплотных Д-тел, которые взрываются, из них получаются нейтронные звезды, которые взрываются как сверхновые, и получаются туманности. В общем, всё наоборот. Естественно, в Бюракане все считали так и никак иначе. Я в Ереване в 1972 защищал диссертацию о нейтронных звёздах как ПОЗДНЕЙ стадии звёздной эволюции и имел большие проблемы с главным оппонентом Гурзадяном, верным адептом Амбарцумяна. Защищал я, однако, не в Бюракане, а университете, где научные нравы были посвободнее. В Бюракане такую диссертацию к защите просто не приняли бы. Авторитет Амбарцумяна был непрекращаемым. Сейчас о Д-телах никто не вспоминает.

Марина Бернацкая

Слушай, но это ведь лысенковщина какая-то... Главное, ни в вики, нигде ещё не нашла даже упоминания об этих Д-телах. Кажется, когда-то слышала об Амбарцумяне от Володи Липунова, но не уверена. Но откуда-то знаю – и ещё удивлялась, потому что советская пресса (особенно науч-поп) пела Амбарцумяну дифирамбы. И обсерватория у них была чуть не лучше всех оснащена.

Может, и от Эдика слышала – но опять же не уверена.

Тема-то какая!.. Написал бы, ты материал лучше всех знаешь!

Павел Амнуэль

О том, как проходила защита, у меня есть мемуар. Покажу через неделю, сейчас я не дома. Наблюдательные работы в Бюракане были отличные, а интерпретация... Всё интерпретировали наоборот. Сталкивающиеся галактики у них взрывались, нейтронные звезды были начальной стадией звездообразования, а не конечной, и всё в таком духе. Черных дыр не было вообще, а были Д-тела. В Ереване издавался научный журнал «Астрофизика», там это и публиковалось. Но журнал и другие материалы публиковал, вполне классические. Там и у меня было несколько статей об астрофизике нейтронных звезд в двойных системах. Публикации чужих «неправильных» материалов Амбарцумян не препятствовал.

Много сталкивающихся галактик открыл Маркарян, они так и называются галактики Маркаряна. И никто не упоминает, что сам Маркарян считал что это взрывающиеся галактики.

Марина Бернацкая

Охреть... Да, конечно, я знаю о галактиках Маркаряна, но что это задумано как всё-наоборот... Павел, как такое вообще возможно?

Павел Амнуэль

Теорией сверхплотных тел Амбарцумян и Саакян занялись в тридцатых годах, когда наблюдений этих объектов не было, а теорию эволюции только начали обсуждать. Так что они придумали свой вариант и даже рассчитали модели гиперонных звезд, а таких звезд, как потом оказалось, вообще не существует. А когда наблюдения стали под-

тверждать эволюцию из газовых облаков, Амбарцумян решил, что если наблюдения противоречат теории тем хуже для наблюдений. Амбарцумян был уже в те годы президентом АрМАН, и в республике против его мнения никто пикнуть не мог. Саакян был более демократичным, он тоже не возражал, но, будучи в универе завкафедрой астрофизики, допускал и другие мнения.

Марина Бернацкая

Да, с такими и теплород с флогистоном в учебники вставишь, и мировой эфир...

Я вообще-то в шоке, Павел...

Павел Амнуэль

Кстати, именно Амбарцумян открыл в конце сороковых рассеянные звездные скопления. Но интерпретировал, конечно, что это молодые звезды, возникшие после взрывов Д-тел. В наблюдательной части он сделал много интересного, но интерпретации...

Марина Бернацкая

В Вики про него статья – патока и елей, захлёбываются от восторга... Неужели никто вот так прямо ничего не сказал, только обвиняками?

Кстати, Эдик отреагировал – сказал мне о разных научных школах. Значит, точно не он мне про Амбарцумяна говорил.

Марина Бернацкая

16 апреля:

Мадяр 3. Венгерский бестиарий: Самые загадочные фантастические животные и существа Европы / Золтан Мадяр; илл. Дюла Немет, Иштван П. Сатмари; пер. с венгер. Ю. Гусева. М.: Ко-Либри, АЗБУКА, 2026. 304 с.

«В Северной Венгрии, а также за границами страны, в местах компактного проживания венгров, еще и в XX веке можно было найти авторитетных специалистов по общению с усопшими, медиумов, которых упоминали в основном по месту их обитания (Бодонь, Дорманд, Эгербакта, Мишкольц, Путнок, Кёртвейеш). Из них особенной известностью пользовалась духовидица из Путнока, Йолан Вечеи, очерк о которой даже попал в СМИ; у палочев Альфёльда, в селении Чепе, славился праведник Михай Месарош (Мишка Духовидец), чья сакральная аура сочеталась со славой медиума, умеющего общаться с загробным миром.

В середине XX века довольно много подобных «визионеров» было на восточной окраине венгерской языковой территории, среди молдавских чанго, – из них заслуживают упоминания клежский и покольпатакский духовидец Михай Бетег и, на данный момент еще живая, «святая девица» Илона Яно (село Леспед), слухи вокруг которых разрослись в целые комплексы легенд. Илона Яно – как последняя молдавская представительница духовидческой «профессии» – во многих отношениях воплощает специфический тип медиума: в своих видениях она путешествует по загробному миру, сообщая сведения о судьбе умерших и предлагая какие-то меры для смягчения их страданий, для обретения ими душевного покоя.

Рассказы о духовидцах содержат в себе, помимо прочего, сведения о способах проникновения в загробный мир, о сообщениях, передаваемых и получаемых от загробных «респондентов», а также поучительные моменты, которые вытекают из амбивалентных случаев контакта между «медиумом» и его потусторонней клиентурой. Архаический слой медиаторских техник духовидца представлен приемами «утаивания», которое чаще всего являет-

ся и средством обретения сверхъестественных способностей.

Так, духовидец из Дердё свою природенную способность стал переводить в практику потому, что постоянно видел (во сне) духовные сущности, которые настоятельно требовали, чтобы он всем, что слышит от них, делился со своими близкими. Кёртвейешская же духовидица, которая много времени проводила на кладбище («навещала усопших»), сама приходила к соседям по деревне, чтобы передать им послания от их умерших родственников.

Что касается посланий, которые покойники передают живым через посредников, то в них много общего с рассказами о мертвецах, приходящих к близким из загробного мира (они требуют, чтобы по ним меньше плакали, потому что они и так «лежат в воде»; сообщают, где находится тайник со спрятанными ими деньгами; просят осуществить какие-то обряды ради спасения их души и т. д.).

Многие истории повествуют о духовидцах, которые с одинаковым успехом могут сообщить родным и о живых, и о мертвых родственниках (например, жив ли еще ушедший на фронт или попавший в плен сын или муж). Собранные у секеев и чанго фольклорные записи свидетельствуют о том, что духовидец может предсказать судьбу обратившегося к нему человека, предупредит о скорой смерти, даже сообщит точную дату кончины.

Популярен в северных частях венгероязычной территории, но известен и на востоке такой момент: духовидец заранее знает, что хочет услышать от него человек, который к нему явился, и даже называет пришедшего по имени. Вариантом такой ситуации можно считать ту, почти анекдотическую историю, когда женщина-духовидица знала, что говорили о ней направляющиеся к ней люди, а потому не приняла их, даже со двора своего прогнала,

поскольку они в разговоре между собой выразили сомнение в ее способностях и вообще непочтительно о ней отзывались, а может, просто жалели приготовленный для нее подарок и плату за визит».

Николай Подсокорский

Я ждал с начала апреля, да так и не дождался. Придется самому.

Торжественно объявляю сегодняшний день Всемирным Днем Научной фантастики и поздравляю с ним всех любителей и сочувствующих.

Сто лет назад, в апреле 1926 года, вышел первый номер *Amazing Stories* — первого в мире журнала, заявленного именно как научно-фантастический и немедленно объяснившего, что значит придуманное Хьюго Гернсбеком, издателем и папой современной НФ, слово *scientifiction* («Под «научно-очинением» я имею в виду тип истории Жюль Верна, Герберта Уэллса и Эдгара По – чарующую романтику, смешанную с научным фактом и пророческим видением»), вскоре принявшее привычную нам форму *Science Fiction*.

Шамиль Идиатуллин

Я в курсе, что советский «Всемирный следопыт» вышел годом раньше (он не заявлялся как НФ-издание), что впервые Гернсбек блеснул неологизмом десятью годами раньше (он обошелся без пояснения), что Яков Перельман опубликовал свой «научно-фантастический рассказ» еще раньше (он не дал старта массовому забегу), что различные сочетания слов на *sci* и *fi* применялись в английском еще в XIX веке (он весь был фантастическим) и что в США неофициально, но давно отмечается *SF Day* (он национальный) в день рождения Аизека Азимова (он молодец).

Сто лет назад НФ родилась как массовое явление. *SF* праздником, дорогие товарищи.

Шамиль Идиатуллин

Кэмерон Джонстон «Вероломный бог»

Жанр: Тёмное фэнтези

Оценка: 8/10

Роман «Вероломный бог» Кэмерона Джонстона – это мрачный и жесткий дебют, открывающий дилогию «Эпоха тирании». Книга, сочетающая в себе элементы нуара, хоррора и классического темного фэнтези, получила номинации на престижные

премии «Дракон» (2018) и Британскую премию фэнтези (2019).

Действие разворачивается в мрачном городе Сетарис, где правят маги из Арканума. Главный герой, Эдрин Бродяга – могущественный маг-изгой, чей дар позволяет ему манипулировать сознанием людей. Именно из-за этого дара Арканум когда-то ополчился на него, сочтя его опасным тираном. Десять лет он скрывался, прозябая в пьянстве и драках, пока смерть его единственного друга не сломала печать, сдерживающую его память, и не вернула его в Сетарис с одной целью – отомстить.

Однако месть оказывается лишь вершиной айсберга. В городе творится неладное: бесследно пропадают люди, по улицам ходит маньяк по прозвищу Живодер, а на горизонте маячат корабли вражеского флота. Эдрин обнаруживает, что его собственная память повреждена, и в ней зияют пустоты, скрывающие ужасные подробности его прошлого – убийство бога и исчезновение наставника.

«Вероломный бог» – это классический представитель темное фэнтези, но с очень характерной стилистикой. Сам автор называет в числе своих вдох-

новений комиксы про Джона Константина и творчество Г.Ф. Лавкрафта, что ярко отражается в атмосфере книги. Это нуар, перенесенный в магический мир: мрачные улицы, циничный главный герой, запутанное расследование и всепроникающее чувство обреченности. Атмосфера в романе одна из сильнейших сторон – она давит, создает ощущение «безнадеги» и полного погружения в этот жестокий мир. Почти все действие происходит в городе Сетарис – древнем, деградирующем мегаполисе, который сам по себе является полноценным персонажем истории. Он кишит продажными магами, монстрами, демонами и бедностью. Контраст между роскошью правящего класса и отвратительной грязью трущоб передан настолько ярко, что при чтении мы почти можем ощутить зловоние этого негостеприимного места. Этот сеттинг идеально подходит для нуарного детектива, где грань между добром и злом практически стерта.

Одним из самых ярких элементов книги является ее магическая система. Магия здесь – это не просто инструмент, а опасная, почти разумная сила, которая стремится поглотить своего носителя. Этот подход создает постоянное внутреннее напряжение и заставляет героя искать обходные пути, а не полагаться на «волшебную палочку» для решения проблем.

Эдрин – классический антигерой, и именно он является главной движущей силой повествования. Он далеко не юный, красивый и талантливый герой, а скорее взрослый мужчина под сорок, циничный изгой, который гробит себя выпивкой, драками и азартными играми. Его магия груба, опасна и требует жертв – как от врагов, так и от него самого. Он движим не благородством, а яростью и жадной местью, что делает его историю более личной. Интересно, что его моральный облик сложен и неоднозначен. За внешней черствостью скрываются любовь

к друзьям и тяга к «спасительству». Эта двойственность делает его очень настоящим и живым.

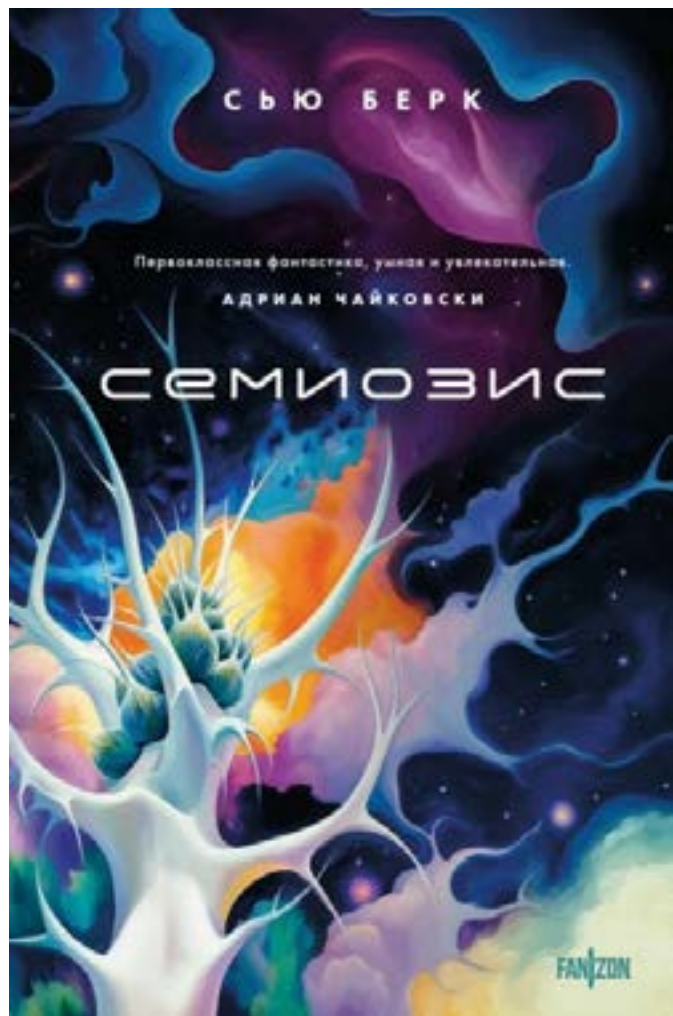
Отдельного упоминания заслуживает стиль Кэмерона Джонстона. Его называют «рок-н-рольной манерой написания». Язык романа драйвовый, энергичный и очень образный. По сравнению с его последующими работами (например, «Мерзкой семеркой»), «Вероломный бог» демонстрирует уверенную, «взрослую» прозу, которая с первых же страниц погружает в историю и не отпускает до самого финала.

Основных минусов для себя я выделил два. Во-первых, второстепенные персонажи прописаны слишком плоско и не запоминаются. Насколько автору удался протагонист, настолько же он поленился внятно прописать остальных. Во-вторых, мотивация антагонистов местами кажется слишком простой и клишированной. Хотелось бы более внятного объяснения их поступков.

Итог: «Вероломный бог» – это ураган из магии, ярости и черного юмора, который в первую очередь оценят поклонники мрачного и динамичного фэнтези. Если вам надоели эпические саги с предсказуемыми героями, и вы ищете историю с зубастым, циничным главным героем, который движим жадной мести, то этот роман – ваш выбор. Однако стоит помнить, что книга держит в постоянном напряжении. Она может не подойти тем, кто предпочитает более размеренное повествование или ожидает глубокой проработки каждого второстепенного персонажа.

Алексей Севериан

«Семиозис» Сью Берк – любопытная научная фантастика на тему колонизации, где люди становятся симбионтами развитого разумного бамбука. Небольшая группа людей, уставшая от войн и не-

решаемых проблем на Земле, вписалась в полет на неизвестную планету с подходящими параметрами, чтобы выстроить мирное общество, основанное на других принципах.

Животный мир планеты беден, основное его разнообразие в растительности. Местные растения умеют противостоять захватчикам, изменяя химический состав выделяемых веществ, плодов

и т.д. чтобы отпугнуть или даже убить. После ряда неудач местные налаживают что-то вроде симбиоза с большой лианой, защищающей свою территорию, а дальше находят разумный бамбук, живущий по своим принципам. Бамбук, разросшийся на большой площади, считает, что одомашнивает новый вид неглупых животных, а люди считают, что пользуются растением. Но постепенно они узнают друг о друге больше.

Периодически «Семиозис» – это что-то вроде размышления на тему, можно ли химией скорректировать насилие. Бамбук на любую проблему выдвигает решение по модификации поведения химическими соединениями, и другие разумные растения помогают этой фабрике. Но самоуверенность бамбука порой поистине пугает, несмотря на его дружелюбие. Он «одомашнивает» виды, что влечет процветание и минимизирует агрессию, но с помощью прямых изменений работы организмов. Люди же, выстраивая мирное общество, предпочитают больше полагаться на обсуждение. Вместе они добиваются интересных результатов.

Довольно любопытная мягкая нф.

Жанна Пояркова

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 107

«Автостопом по Галактике» – та книга которая попала мне в руки ровно тогда, когда нужно. Условные двадцать, с тусовками, вписками, глупыми выходками и хипповской любовью к передвижению по планете. Один мой друг из-за этой книги вылетел из учебного заведения. Необходимая справка: на самом деле он просто прогуливал занятия, но поскольку в эти дни он как раз читал «Путеводитель...», грех было не свалить. Я знать не знал, что есть продолжение. А теперь, честно говоря, не уверен, что оно вообще было нужно.

**АВТОСТОПОМ ПО ГАЛАКТИКЕ. А ВОТ ЕЩЁ...
Йон Колфер**

За два десятилетия много в памяти истёрлось, но некоторые цитаты в нашей тусовке осели прочно. Что-то вроде «любовь к монгольским шапочкам» или «на дне запертого шкафа в заколоченном туалете, а на двери табличка: «осторожно, леопард!». Путеводитель, полотенце, невезучий Артур Дент, двухголовый президент галактики Зафод Библброкс, отвратительные вагоны – всё это нашло своё местечко в шкафчике с хорошими воспоминаниями. И большая часть этих вещей спокойно перекочевала в продолжение.

Вообще, на первых страницах может сработать дежавю – всё те же, всё там же, и Землю снова хотят уничтожить Вселенские бюрократы. Да, в дальнейшем история вырвет в самостоятельные приключения – планета Бабуля, Асгард, Тангриснир, сырманты, бессмертный пришелец, чей смысл жизни заключён в путешествии по разумным планетам, с целью оскорбить всех и каждого. Это выглядит очень похожим на ту благородную шизу, которую поставлял нам сэр Адамс. Но только выглядит.

И вот тут два варианта. Возможно, конкретно эта книга мне попала уже не ко времени. Я больше не молодой неформал с рюкзаком и в сбитых берцах, да и различных историй за двадцать лет употребил столько, что давно сбился со счёта. Однако не покидало меня ощущение, что Колфер следует букве, но не духу. Да, есть всевозможные вставочки с отсылками к тем или иным событиям Галактики, есть юмор, плюс-минус того же плана, что в оригинале, да и герои не поменялись. Но что-то царапает, не даёт погрузиться в сюжет с головой, как это было раньше.

Вообще, самое стойкое ощущение, что истории этой красной объём – рассказ. Это если выкинуть

из текста все «Необходимые пояснения». А ведь автор старался, шутил изо всех сил. Но вот кажется, что там, где Адамс шутил легко и непринуждённо, показывая, какое всё-таки абсурдное место – Вселенная, Колфер шутит «по работе», потому что надо. И это понятно, это же два очень разных автора. Но, блин, на обложке написано «Автостопом по Галактике Дугласа Адамса». А внутри фанфик.

И вот второй вариант: возможно, я просто ворчу о тех временах, когда трава была зеленее, а деревья выше, так что не верьте на слово. Хочется снова окунуться в безумный мир «Путеводителя» – Колфер даёт вам такой шанс. И даже не один. Я же лично на этом остановлюсь, пожалуй.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

Тем временем поступил в продажу Analog SF May/June 2026 Vol. XCVI No. 5 & 6 (<https://analogsf.com/current-issue/table-of-contents/>), и можно показывать целиком иллюстрацию, которую я нарисовала для рассказа «Schismogenesis» by E.G.Condé.

К.А.Терина

17 апреля:

Книга вышла. Мой первый роман 18+.

Екатерина Каретникова «Моя жизнь – триллионы».

В мире Лиги порядку и привычному укладу мешает Смерч. Встреча с ним может лишить жизни, слуха, зрения или памяти, и никто не знает – чего именно на этот раз. Смерч – не просто стихия. Он разумен и даже более, чем разумен.

В мире, где правит Лига, у элиты есть давнее развлечение – игра «сюжетные линии». Того, кто хочет заработать денег, отправляют выполнять некую миссию, называемую сюжетной линией, в другой мир.

«Он помнил, что в первый день не сказал ни слова. У него получилось. Они, кажется, поверили, что он немой. Ну, или им было плевать. Ему тоже было плевать, потому что его жизнь рухнула, а собирать новую по кирпичику он был не намерен. По крайней мере, там. Наверное, когда-нибудь жизнь собралась бы сама, не нужно только было мешать ей, отталкивать ее от себя, но Андрей не мог не отталкивать. Чужая, холодная, безразличная жизнь.

Может, было даже и правильно закрыться в себе и не высовываться наружу. Потому что там творилось странное.

Люди ходили строем в одинаковой серой одежде. И лица у них были одинаково серыми. И все вокруг казалось серым – земля, небо, корпуса, разбросанные в непонятном порядке по территории, окружённой колючей проволокой. И вышки с солдатами. На каждой серой вышке – по серому солдату с серым автоматом.

Андрей подумал, что если бы он увидел это во сне — такой кошмар был бы, наверно, самый жутким из всех его кошмаров. Но он видел всё наяву, и бояться было поздно и бессмысленно.

Свою фальшивую немоту ему удалось сохранить только сутки. Потом он проговорился. Спросонок, когда ещё почти ничего не соображал, а с него сдёрнули одеяло. И оказалось, что немота – преступление, а за преступление будет наказание.

Он запретил себе вспоминать то, первое наказание. И только иногда оно всплывало обрывками в температурном полубреду. Страшнее всего было то, что Андрей оказался совсем не готов к тому, что с ним делали. Он просто думал, что так не бывает. По крайней мере, в реальности. Но это было так же по-настоящему, как небо, которое низко нависло над башнями и почти касалось их обрывками туч. Как то, что люди почти не отличались от своих теней.

Он старался не кричать — и вообще не издавать никаких звуков, как будто был на самом деле немым, но очень скоро выяснилось, что от этого ещё больнее. Странное дело, казалось бы – как они связаны, боль и голос? И слёзы. Впрочем, слёзы текли сами собой, и он никак не мог ничего с этим поделать. Никогда раньше он не плакал вот так. Он думал, парни не плачут. А оказалось, что иногда от человека не зависит ровным счётом ничего».

Екатерина Каретникова

18 апреля:

Вчера дослушал **Sister Svangerd and the Not Quite Dead** – свежий роман К. Дж. Паркера. К автору у меня неоднозначное отношение. С одной стороны, мне нравится, как он пишет, его стиль и юмор, и, например, роман «Шестнадцать способов защиты при осаде», мне очень понравился. С другой стороны, я не могу читать его в больших количествах – по-моему, он достаточно однообразен в том, как выписывает персонажей и выстраивает сюжеты. Кроме того, Паркер обычно не утруждает себя проработкой миров, ограничиваясь несколькими общими штрихами.

Но вот в этой книге автор уделил больше внимания, чем обычно, раскрытию мира – его истории и политике – а также добавил сверхъестественных элементов, без которых обычно обходится. И благодаря тому, что это в книге не просто присутствует, а отлично вплетено в сюжет, роман пришелся мне по душе практически без оговорок – куда больше, чем другие книги Паркера, которые я читал. Поэтому точно продолжу знакомство с трилогией **The Loyal Opposition**.

Дмитрий Злотницкий

20 апреля:

Читала недавно «Фиаско» С. Лема и снова словила фейспалм с гендерной темы в классической научной фантастике.

В романе есть небольшой эпизод, где два персонажа-мужчины обсуждают газетную статью, в которой журналистка выступает за то, чтобы женщин допускали к участию в космических экспедициях. И вот один из персонажей активно возмущается по поводу этого предложения, а второй понимающе усмехается на его слова. Основной аргумент против участия женщин звучит так: ведь если женщина на корабле, это значит она жена и мать, а если появляются дети, то значит, нужны ясли и все остальное, что отвлекает внимание и ресурсы, плюс мало ли как на них скажутся перегрузки.

То есть этот космонавт будущего (в романе это XXII век) в принципе не способен воспринимать женщину кроме как жену и мать. То, что женщина может быть профессионалом и специалистом в своей области, как и он, и вообще не быть чьей-то женой или матерью, ему в голову просто-напросто не приходит. Он серьезно думает, что женщины, которые стремятся попасть в космическую экспедицию, хотят этого, только для того чтобы родить ребенка в космосе. XXII век на дворе, людей оживляют после длительного анабиоза, буквально собирая по кусочкам из разных тел, проводят опыты на мозге и редактируют геном, а концепция контрацепции все еще не проникла в умы мужского населения планеты Земля.

Если бы женщина чудом попала на космический корабль в этом странном будущем, то, поверьте, она бы ни за что не допустила, чтобы что-нибудь отвлекло ее от выполнения ее миссии и помешало ей исполнить свою мечту (а ведь иначе зачем мы,

и женщины, и мужчины, отправляемся в космос?). А впрочем, кому это я пытаюсь объяснить? Этот же персонаж через пару месяцев кружения на орбите совершенно незнакомой планеты предлагал разбомбить ее к чертям, потому что ее обитатели не выносят ему хлеб с солью по первому требованию.

Знаете, после такого разговора членов команды я не особо удивлена, что их экспедиция к другой планете закончилась провалом. Что вы хотели, ребята? Если вы до сих пор не воспринимаете женщин как полноценных личностей, куда вам общаться с совершенно чуждыми вам квинтянами.

Я намеренно говорю об этом как о взглядах конкретного персонажа, а не автора. Хотя если взглянуть на исключительно мужской состав космических экспедиций в романах Лема, то сама собой напрашивается мысль о том, что автор в целом-то солидарен со своим персонажем.

Лем, я тебя безмерно люблю и уважаю, но иногда ты меня расстраиваешь.

P.S. Хвала всем богам, что в нашем мире все совсем не так, как в фантазии Лема. Недавно мы праздновали первый совместный выход в открытый космос двух женщин-космонавтов – Кристины Кук и Джессики Меир. Я безумно рада за них! Уверена, если бы Кристина и Джессика были на борту «Гермеса», когда он прилетел к Квинте для налаживания контакта, то фиаско экспедиции из романа Лема можно было бы избежать.

Инар Искендинова

Саратовский филиал РОСИЗО в пространстве Технопарка «Саратов Диджитал» открывает выставочное мероприятие «Метрономикон» – персональную выставку Алексея Андреева – российского художника из Санкт-Петербурга, работающего в технике цифровой живописи и использующего

в своём творчестве технологии виртуальной и дополненной реальности. Проект METRONOMICON – отечественная мультимедийная литературно-художественная вселенная создан на основе уникальных цифровых иллюстраций Алексея Андреева при поддержке Союза литераторов России.

Работы Андреева, представленные на выставке «Метрономикон» можно отнести к магическому реализму. Они представляют собой фантазию на тему недалекого будущего, которое переплетается с со-

временностью. Художник использует для создания своих картин компьютер и планшет, а также создает произведения с использованием виртуальной и дополненной реальности. С помощью специального приложения AlchemyAR, при наведении камеры смартфона, часть картин Андреева буквально «оживёт» на выставке. На них появится видеоряд и звук. Кроме того, будут представлены трехмерные арт-объекты в пространстве дополненной реальности.

Алексей Андреев автор обложек полного собрания сочинений Аркадия и Бориса Стругацких, журнала New Scientist, рекламных образов Cirque du Soleil, художник-постановщик фонов анимационного фильма Георгия Данелии «Ку! Кин-дза-дза», концепт-художник художественного фильма «Буратино» (кинокомпания «Водород»), участник выставки «Актуальная Россия» и других выставочных проектов. Часть своих работ художник посвятил Санкт-Петербургу, в котором проживает на данный момент.

27 апреля в 17.00 во время открытия выставки состоится уникальное событие – закрытый предпремьерный показ первого фильма по миру «МЕТРОНОМИКОН» – короткометражной картины «Цена света». Режиссер – Никита Ордынский («Документы, пожалуйста!», «Наблюдатель»), сценаристы – секция драматургии Союза литераторов Сергей Чекмаев и Таисия Севрюкова.

Для присутствия на открытии выставки и закрытом предпремьерном показе фильма требуется обязательная регистрация на официальном сайте РОСИЗО: <https://rosizo.ru/tickets/#/buy/event/2827/2026-04-27>

Количество мест ограничено!

Даты работы выставки: 28 апреля – 31 мая 2026 г.
Время: 14.00 – 20.00, вторник – воскресенье, понедельник – выходной.

Место: г. Саратов, ул. Кутякова, д. 3. Технопарк «Саратов Диджитал», пространство 205 (2 этаж).

Вход на выставку по электронным билетам на официальном сайте РОСИЗО: <https://rosizo.ru/tickets/#/buy/event/2831/>

16+

Алексей Андреев

Я ехала из Москвы в Петербург на Сапсане. Поезд мотало с редкостной амплитудой. Чтобы пройти по вагону, нужно было каждые десять секунд хвататься за спинки кресел и, желательно, обеими руками. Меня почти укачало, при том, что не укачивало ни в одном виде транспорта даже в детстве. Не хотелось ни чая, ни кофе, ни посмотреть, что там нового в сети. Вернее, не в сети, конечно, а в жизни. Сеть – это ж так, кривое зеркало реальности. На очередном вираже я влетела в свой отсек и четко попала в габариты кресла. Повезло. Могла бы и зацепиться за поручень или, что еще хуже, за ноут соседки.

Мы ехали всего сорок минут, а я устала от поезда, как будто неделю. Нужно было срочно отвлечься от дорожных звуков, запахов и духоты. И вот тогда я вспомнила, что у меня есть другая реальность – та, в которую можно нырнуть на час или два, а если все сложится, то и до конца пути. Не подумайте плохого, как говорили и писали на мерче одного благотворительного проекта: «Ничего запрещенного – только книги». Вот именно книга у меня и была. В сумочке – одна, в чемодане – несколько. Все-таки я ехала с весенней Non/fiction.

Книга оказалась тонкой, в целофанированной, как мы говорили в девяностые, обложке, с картинкой, удивительно похожей на пейзажи за окном. **Вера Богданова «Царствие мне небесное».**

Книга не обманула и Вера тоже. Реальность книги победила реальность, окружавшую меня.

Это произошло, как обычно бывает с настоящими книгами, быстро и незаметно. Раз – ты сидишь в жестком кресле с высокой спинкой и пытаешься справиться с духотой, мыслями о том, что было, будет, чем дело кончится, два – у тебя почти получилось, если бы не эта проклятая качка, три – ты там, где растут старые яблони, пахнет первоцветами и влажным деревом, а рядом – построенный до твоего рождения дом и в нем самые родные люди. Стоит только сделать несколько шагов – и... Впрочем, эти шаги невозможны, и ты это понимаешь, даже целиком провалившись в текст.

У каждого из нас свои воспоминания, своя старая дача, свои бабушки, без которых не было бы детства, свои яблони и сосны. И свои болезни.

Пожалуй, самое удивительное в этом романе Веры Богдановой даже не стиль, ясный, четкий, не допускающий ничего лишнего и в то же время рисующий картинку происходящего так, что читатель не только видит ее до мельчайшей травинки, но и чувствует запах, и слышит звук. И даже не честнейшая и бескомпромиссная искренность описаний самого страшного. Того, от чего становится холодно и невозможно вздохнуть. Того, чего пусть ни у кого из нас никогда не случится. Или хотя бы, больше не случится. Самое удивительное, по-моему, что каждый читающий непременно найдет в книге свое – тайную болевую точку, о которой поклялся не рассказывать даже себе, повторяющийся от весны к весне страх, боль неслучившегося или случившегося напрасно, надежду, дверь в лето, дорогу, которая ведет – а кто же точно знает, куда она ведет, но идти по ней всяко легче, чем без нее. И пусть она будет долгой-долгой. А что там в конце – выяснится когда-нибудь, от этого никто не уходил. Но пусть это будет в далеком-далеком году.

Екатерина Каретникова

21 апреля:

История Простодурсена – это книга, которую я, похоже, ждала тысячу лет. Своя в доску, хоть и «заграничная», как любит говорить ворчливый Сдобсен, один из героев этой сказочной норвежской повести.

Все здесь не совсем такое, как всегда, но именно такое, как, бывает, ты видишь иногда сам.

Солнечный свет похож на белье, которое сушат в хорошую погоду: он такой же зримый и осязаемый, и можно его собрать по углам, если вдруг солнечные пятна захлестили комнату, где вот-вот случится что-то чудесное. Например, пудинг из клюквы и понарошки, торт от Ковригсена, песня без рифмы от экзальтированной Октавы или вылупление утенка, наделавшего столько суеты в простецкой жизни Простодурсена, у которого только и было забот, что копать канаву на случай, если она пригодится, и кидать камни в реку, слушая, как она сладко причмокивает, глотая округлые камешки.

От солнца остался только маленький сгусток в углу. Скоро и там воцарится чернота. Солнце имеет привычку, уходя, ничего не забывать и не оставлять. Ни крошечного пятнышка. Ни хилого лучика.

И, когда суета сует утомляет, во весь рост встает этакое винни-пухство на новый лад, предсказывающие что нужно вздремнуть или перекусить: утомленный неожиданными заботами Простодурсен решил поспать послеобеденный сон до обеда.

И каждый герой характерный, и именно из их характеров складываются истории, а не наоборот.

Он чуть было не добавил «по счастью». Но внутренний голос сказал ему, что это слово здесь не к стати. Такое бывает и с хорошими словами. И если сейчас ваше слово не придёт к стати, лучше приберечь его до другого раза.

Берегите слова! Особенно – хорошие

Юлия Евдокимовская

Давным-давно, когда деревья были большими, я на протяжении чуть менее 15 лет торговал на книжном рынке в Олимпийском книгами на иностранных языках (да, был и такой эпизод в моей биографии). На нашей точке всегда продавалось много англоязычной фантастики – мы в ней всегда хорошо разбирались. Были конечно и авторы Золотого Века, которых в то время было не найти (например, Роберт Шекли, которого очень мало издавали, но речь не о нем), но одной из самых дефицитных

книг был «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака. При этом другие его вещи у нас были довольно регулярно, а «Заповедник гоблинов» за все годы всего два раза попал ко мне в руки и, естественно, не оказался на прилавке.

Так получилось, что «Заповедник гоблинов» я впервые прочитал лет в двенадцать (у нас дома была довольно редкая для обычного человека книга «Миры Клиффорда Саймака» из знаменитой серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир»), и он навсегда покори́л меня. Для середины 1980-х годов роман настолько сильно выбивался из всего, что я мог прочитать, что, по сути, я влюбился и в роман, и в автора (с течением лет и прочтением всего Саймака, которого издали на русском, а издали 90, если не 100%, им написанного, я понял что он не всегда, настолько хорош, как мне казалось), и с тех пор я периодически с неизменным удовольствием перечитываю «Заповедник», и он своей добротой и теплотой приносит очередную огромную порцию положительных эмоций.

И чтобы дальше не растекаться буквами про что-то общее и абстрактное, приведу несколько фактов:

– «Заповедник гоблинов» надо однозначно читать на русском языке, потому что на английском он вообще не оставляет того самого чудесного послевкусия, как от дивного октябрьского эля, в который жучки, как известно, должны падать с дивной избирательностью.

– В англоязычной фантастике «Заповедник гоблинов» считается одной из самых больших творческих неудач Саймака (что они там понимают!).

– В 2002 году наша мастерская группа «Александр VI» сделала совершенно замечательную РИ по этой книге, и она – игра – была совершенно

чумовой (хотя колесников на ней не было, а из прошлого привозили Джона Толкина).

Так что, если вы хотите теплых и добрых эмоций и уюта – обязательно перечитывайте «Заповедник гоблинов» хотя бы раз в год. А если вы еще не читали эту книгу – как я вам завидую!

Владимир Обручев

Не только российские фантастиковеды пишут порой феерическую хрень, буржуйские тоже молодцы, не отстают. Вот, например, некий Эд Саймон, «преподаватель гуманитарных наук на кафедре английского языка в Университете Карнеги-Меллона», статья *How Amazing Stories Served as the Blueprint for American Science Fiction*. Там много удивительных перлов, но одна фраза меня просто выморозила:

British science fiction writer J.G. Ballard once said that “Accuracy, that last refuge of the unimaginative, doesn’t matter a hoot,” and New Wave writers in the stead of him, like Le Guin, or Harlan Ellison, Roger Zelazny, James Tiptree Jr. (née Alice B. Sheldon), Samuel R. Delany, Thomas M. Disch, Frederik Pohl, Stanislaw Lem, Neal Stephenson, Octavia Butler, and China Mieville were as concerned with imaginative possibilities – of different means of human arrangement – as they were with elevators that go into orbit or devices that can trigger earthquakes.

Я трижды перечитал этот абзац, медленно, по буквам. Прогнал через три автопереводчика. Потом показал живым переводчика – вдруг я со своим безобразным английским неверно понял какую-то хитрую идиому. Но нет, понял верно. К сожалению. В общем да: в этом фрагменте Саймон говорит, что Фредерик Пол, Нил Стивенсон, Чайна Мьевиль и Станислав Лем относятся к Новой волне. И это фiasco, братан.

Докладываю: **New Wave**, Новая волна – литературное движение (течение) в англо-американской фантастике 1960-1970-х, о нем написаны десятки монографий и тысячи статей, в том числе энциклопедических, бери и пользуйся. **Фредерик Пол** – автор предыдущего поколения, дебютировал в фантастике в 1939-м, почти одновременно с Азимовым и Хайнлайном, успеха добился в середине 1950-х, к Новой волне относился крайне скептически. **Нил Стивенсон** начал печататься в 1980-х. **Чайна Мьевиль** – в 1990-х, в 1972 году он только родился. Про польского писателя **Станислава Лема** вы и без меня всё знаете. В общем, похоже, статью писала нейросеть, которая от балды напихала в список первые попавшиеся имена. Вот зачем так делать – ума не приложу.

Василий Владимировский

Джеймс Кори «Гнев Тиамат»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 9/10

«Гнев Тиамат» – восьмой роман в цикле «Пространство». Это мощная, эмоциональная и мрачная подготовка к грандиозному финалу всей серии.

После событий предыдущей части, «Восстания Персеполиса», прошло несколько лет. Команда «Росинанта», которая всегда была единым целым, разбросана по галактике, но каждый ведет свою войну против Лаконской империи. Джеймс Холден находится в статусе «почетного пленника» на столичной планете Лакония. Его задача – вести тонкую интеллектуальную игру, манипулировать придворными интригами и помогать Высшему консулу Дуарте в исследованиях протомолекулы, чтобы найти способ свергнуть тирана. Бобби Драпер становится капитаном украденного у Лаконии боевого корабля «Предштурмовой» и вместе с пилотом Алексом Ка-

малом ведет дерзкие партизанские рейды против имперских сил. Наоми Нагата превращается в ключевого стратега подполья, координируя операции сопротивления из тайных убежищ. Амос Бартон, как всегда, выбирает самый прямой путь: он отправляется на Лаконию с опасной миссией по спасению Холдена и исчезает без вести на долгие два года. В сюжете появляется Тереза Дуарте, 15-летняя дочь императора, которая начинает осознавать истинную сущность режима своего отца и становится для нас неожиданной точкой обзора.

«Гнев Тиамат» – это роман о зрелости и жертвах. Примечательно, что значительная часть повествования ведется от лица женских персонажей (Наоми, Бобби, Элви, Тереза), которые раскрываются с новой, порой неожиданной стороны. Это позволяет показать борьбу с разных точек зрения.

Экипаж «Росинанта» больше не те безбашенные авантюристы, какими они были в начале. Они постарели, устали от войны и понесли тяжелые утраты. В «Восстании Персеполиса» мы попрощались с Клариссой Мао, а «Гнев Тиамат» забирает еще

нескольких ключевых героев, чья гибель ощущается как личная потеря.

Однако это и роман о надежде. Возвращение Элви Окойе, знакомой по книге *«Пожар Сиболы»*, в качестве одного из главных ПОВов – большая удача. Ее научный поиск разгадки гибели древней цивилизации – одна из самых захватывающих линий.

Враги в романе многогранны. Высший консул Дуарте – не карикатурный злодей, а сложная и противоречивая фигура, одержимая идеей бессмертия и порядка. Паоло Кортасар, социопатичный ученый, олицетворяет хладнокровную жестокость лаконского режима. И над всем этим нависает угроза непостижимого «Большого Зла» – силы, уничтожившей создателей протомолекулы и теперь обратившей внимание на человечество.

Под оболочкой космических сражений и политических интриг скрывается глубокое философское высказывание. Авторы поднимают ряд сложных тем, которые превращают роман из простого приключения в зрелую драму.

Природа власти и цена империи – это центральная тема романа, задающая тон всей лаконской сюжетной линии. Уинстон Дуарте, стремясь к бессмертию и абсолютному контролю, буквально теряет человеческий облик. Его эксперименты с протомолекулой – это метафора того, как власть разъедает душу. Он хочет стать богом для человечества, но в итоге превращается в безмолвный овощ, отрезанный от реальности. Роман задает вопрос: можно ли остаться человеком, обладая силой, сопоставимой с божественной? Лакония предлагает галактике стабильность и мир, но ценой полного подчинения и отказа от свобод. Джеймс Холден, находясь в «золотой клетке» дворца, становится свидетелем того, как эта стабильность построена на костях диссидентов и лжи. Линия Элви Окойе

показывает другой тип власти – власть интеллекта и науки. Лаконские военные используют науку как инструмент войны (что приводит к катастрофе в системе Текома), в то время как Элви видит в знании самоцель. Конфликт между военным «использованием» и научным «пониманием» пронизывает всю её арку.

Серия *«Пространство»* всегда балансировала на грани научной фантастики и космического хоррора. В *«Гневе Тиамат»* тема космического ужаса выходит на первый план. Убийцы создателей протомолекулы остаются невидимыми и непостижимыми. Эпизод в системе Текома с гамма-всплеском демонстрирует, что человечество со всеми своими имперскими амбициями – лишь муравей, на которого наступил слон. Мы не можем понять мотивы этой силы, мы можем лишь наблюдать последствия её действий. Элви Окойе сталкивается с информацией, которая физически не укладывается в человеческий мозг. Роман поднимает тему ограниченности нашего разума. Готово ли человечество к знанию, которое его уничтожит? Ответ Лаконии – «да, если это даст оружие». Ответ авторов – «скорее всего, нет».

Цикл *«Пространство»* часто поднимает тему найденной семьи. В *«Гневе Тиамат»* эта тема подвергается жесточайшей проверке на прочность. Команда «Росинанта» разбросана по разным уголкам галактики, но их связь остаётся той единственной константой, которая удерживает вселенную от окончательного падения во тьму. Желание вернуться друг к другу – главный двигатель сюжета. Амос летит на Лаконию не ради революции, а ради Холдена. Линия Терезы Дуарте показывает, что кровное родство – не гарантия любви и безопасности. Её настоящей семьёй, пусть и на короткое время, становится изгой Амос (Тимоти), который даёт ей то, чего

не может дать отец-император: простое человеческое участие и честность.

Стиль Джеймса Кори остается узнаваемым: кинематографичное повествование, динамичный сюжет, умелое сочетание зубодробительного экшена, политических интриг и человеческих драм. «Гнев Тиамат» воспринимается как сильное возвращение к лучшим традициям серии после более спокойной предыдущей части. Роман получил номинации на несколько престижных премий, включая Goodreads Choice Award, что подтверждает его высокий статус среди фанатов.

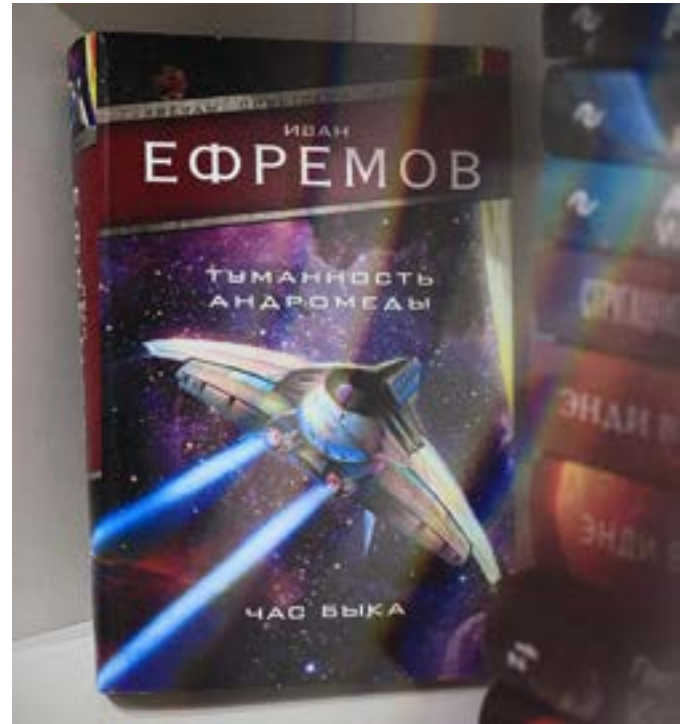
Итог: «Гнев Тиамат» – это мрачная, но захватывающая и необходимая глава в саге «Пространство». Это книга о потерях и зрелости, которая заставляет по-новому взглянуть на любимых героев. Она искусно подводит все сюжетные линии к финальной черте, разжигая нетерпение перед последним романом.

Алексей Севериан

«Туманность Андромеды» – одна из самых фантастических книг. Отзыв о романе Ивана Ефремова

В очередной раз поражаюсь полетом мысли и фантазии советских писателей фантастов. «Туманность Андромеды» – это масштабное, вдохновляющее и местами до сих пор оригинальное произведение. Именно этого мне не хватает в современной фантастике. Некоторые технологии Ефремова впоследствии стали реальностью: ионные двигатели, экзоскелеты и др.

Помимо технологий автор смоделировал общество нового типа, основанное на принципах коллективизма, социального равенства и научного прогресса. Описано это с таким оптимизмом и верой в человечество, что не раз ловил себя на мыс-

ли, как было бы классно пожить в таком мире. Но это утопия. Чтобы ее реализовать в произведении на протяжении 500 поколений меняли генетику людей, чтобы очистить наследственность от наслонений прошлого.

«Воспитание нового человека – это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом. Безвозвратно прошло время, когда общество удовлетворялось кое-как, случайно воспитанными людьми, недостатки которых оправдывались наследственностью, врожденной природой человека. Теперь каждый дурно воспитанный человек – укор для всего общества, тягостная ошибка большого коллектива людей».

А как красиво Иван Ефремов описал планеты. Для этого он использовал большую палитру цвета,

телесные метафоры и контрасты. Кажется, что перед нами не просто небесные тела, а живые организмы, поражающие своим разнообразием. Читая такие выразительные описания, легко нарисовать в голове картину...

«Из недр планеты выпирали острые пики, ребра, отвесные иззубренные стены красных, как свежие раны, черных, как бездны, каменных масс. На обдутых бешеными вихрями плоскогорьях из вулканических лав виднелись трещины и провалы, источавшие раскаленную магму и казавшиеся жилами кровавого огня».

Автор отводит меньшую роль захватывающему сюжету и психологии персонажей. Герои в книге идеально-правильные, их диалоги напоминают философские диспуты, а угроза, которая им грозит, постоянно прерывается на менее эпичные события, описания и рассуждения. Зато много ярких цитат.

«Туманность Андромеды» – памятник прошлому и мечта о будущем. Это не прогноз и не инструкция к действию, но «...возможно, именно такие мечты, пусть и не сбываясь буквально, помогают человечеству двигаться вперед», – написал один из пользователей Livelib.

«Одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, темные стороны жизни. И одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше!»

Алексей Пак

Иногда фэнтези цепляет не масштабом, а тем, насколько точно попадает в нужное настроение. Последний охотник на демонов как раз из таких. Салини Голденберг не пытается изобрести новый жанр, но уверенно работает внутри уже знакомой конструкции: мир, вдохновлённый Юго-Восточной Азией, охотники на демонов, ритуалы, духи

и довольно приземлённая цена за магию. Всё это подано без лишнего пафоса – и за счёт этого история ощущается более «земной», чем многие эпика с аналогичным набором элементов.

Главный герой – не классический избранный, а скорее ремесленник своего дела: охота на демонов здесь ближе к профессии с чёткими правилами и последствиями. И именно это делает роман интереснее – акцент смещается с героического пути на внутренние конфликты, сомнения и цену выбора. Атмосфера при этом густая: много внимания к деталям мира, традициям, взаимодействию с духами. Чувствуется, что автор опирается на культурный бэкграунд, а не просто использует экзотику как декорацию.

По ощущениям, сильнее всего в книге работает именно сочетание фольклора и личной истории. Здесь нет бешеного темпа или бесконечных твистов, зато есть аккуратное наращивание напряжения и довольно честный взгляд на последствия насилия и долга. Это не «героическое фэнтези про победить зло», а история про то, что зло – штука куда более сложная, чем кажется в начале.

Это тот случай, когда книга цепляет не масштабом событий, а настроением и вниманием к деталям. Не для тех, кто ищет чистый экшен, но отличная находка, если хочется чего-то более вдумчивого и атмосферного.

Тимур Ошеров

22 апреля:

Объявлены итоги очередной «Книги года» по версии Фантлаба. «Альпака» стала лучшим издательством. В категории «Комикс» победило «Избранное» Мёбиуса. Мёбиус обошёл третьего «Стража» Григория Старостина и Ильи Воронина, артбук Оливье Ледруа и «Пиноккио» Виншлюсса. **Алексей Караваяев** с первым томом «Краткой истории советской фантастики» ожидаемо победил в Критике. Лучшая антология – знаменитые «Опасные видения» Харлана Эллисона. Повесть **К. А. Териной** из сборника «Все мои птицы» победила в русской малой форме. У зарубежных в той же категории первенствовал Дукай.

Лучший роман (зарубежный) – «Навола» Бачигалупи, лучший русский роман – «Сорока на висилице» Веркина. В сетевой публикации лучшим стал Иван Белов. Лучший научпоп у Дробышевского (Ботаника антрополога).

Вертер де Гёте

Хроники пепельной весны. Магма ведьм.

Анна Старобинец.

В некотором оцепенении от «книжных» новостей вчера дослушала новый роман Анны Старобинец, который как-то непредсказуемо и горько рифмуется с днем сегодняшним. Маленькое поселение Чистые Холмы охвачено паникой: на острове разгулялась эпидемия, которая выкашивает знатных и уважаемых жителей – даже местного епископа сразил паралич. В странном поветрии винят, разумеется, ведьму – портниху, которая шила нарядные платья из ткани такого красивого небесно-голубого цвета, какой можно увидеть только во сне. Потому что в реальности небо постоянно затянуто плотной пеленой туч, и на снег осыпается серыми хлопьями вулканический пепел. И поскольку епископ не в силах сам провести суд и приговорить ведьму, наставшую порчу, к казни, староста советует ему пригласить молодого священника с соседнего острова и быстренько наделить его полномочиями для проведения обряда. Впрочем, Кай, как вскоре выясняется, не склонен бессловесно отыгрывать отведенную ему скромную роль, а всерьез берется за расследование – и по мере того, как он продвигается, открываются все новые и новые тайны острова. Как выясняется, средневековье – не прошлое, реальное или альтернативное, а будущее, случившееся спустя семнадцать веков после ядерной катастрофы, когда горстка выживших людей уцелела только на отдаленных островах с горячими источниками. В мире вечной зимы не осталось ни растений, ни животных, ни ярких красок – только суровая вера в господу Джи и ритуальные запреты, описанные в «Магме ведьм».

У Кая репутация «порченного» не только из-за огненно-рыжих волос и веснушек, но и из-за странной склонности к чистоплотности и подозрительного

мягкосердечия, которое не позволяет ему сечь ручного мура (мутировавшего до гигантских размеров ездового муравья) или брать силой простолюдинок. Его ум, хоть и скованный религиозными догмами, пытлив и беспокоен – он скорее ученый по складу характера, и убежден, что за таинственными смертями стоит нечто иное, требующее рационального и непредвзятого расследования. И все же вырваться за рамки очерченного круга так же трудно, как муравью – сойти с тропы, помеченной ферромонами.

Р. С. Чтобы немного почувствовать атмосферу, представьте микс «Имя розы», «Трудно быть Богом», «Рассказ служанки» и «Сварить медведя».

Ульяна Бисерова

Лампа накаливания, или Крайняя битва прозаика с критиками

Когда старший был совсем маленьким, однажды мы с мужем застали такую картину: фломастером в правой руке отпрыск разрисовывал свеженакленные обои, указательным пальцем левой грозил себе, с застенчивой улыбкой повторяя «ай-ай-ай» и «но-но-но». Этот же аутовиктимный метод во внезапно весеннем **«Возвращении Синей Бороды»** (Эксмо) использует Виктор Пелевин, эксгумируя на кладбище сюжетов философа Голгофского. Потому что новые фокусы показывает тот, у кого старые как минимум дважды проворачивались («Искусстве легких касаний», «Некромент»). А! Суть метода: широкомасштабное полотно Дмитрия Евгеньевича, т.е., простите, конечно, Константина Параклетовича, англофоба и борца с вселенскими заговорами, снова пересказано для читателей с СДВГ с помощью ИИ-клиентов ресурсом «Синописы для VIPов» и снова с комментарием, мол, совсем наш задира берега попутал: *«Помилуйте, Константин Па-*

раклетович, вы что, хотите расплеваться со всей либеральной Россией? А кто тогда будет ежегодно поливать вас дерьмом? Ведь именно под этим питательным дождем, льющимся на вас последние тридцать лет, вы и возросли в сегодняшнее могучее древо. Другой лагерь вас поливать не станет». И все в таком духе.

В общем, во время сеанса холотропного дыхания Голгофский выяснил, что с помощью некоторых духовных практик и оккультных манипуляций можно стать ретроказуальной машиной времени и перенести сознание в физическое тело, существовавшее много веков назад. Неудобненько вышло, потому что Голгофский в XV веке оказался Жилем де Рэ, кровавым маршалом-педофилом и алхимиком, слава за которым закрепилась крайне дурная, несмотря на дружбу с Жанной д'Арк. Правда, пикантных воспоминаний о тех деяниях Константину Параклетовичу, по счастью, не досталось поначалу. В отличие от общественной нагрузки в виде сотрудников ЦРУ, сделавших предложение, от которого наш пропагандист не смог отказаться. Застрявшего в паутине странных коммуникаций (французские жрицы любви, клоуны армии Дамблдора, ой, Стивена Кинга, и вуду detected) Голгофского начинает мотать по планете, но зависит он преимущественно в израильском Реховоте, в секретной лаборатории ни живого ни мертвого физика Жени Эпштейна, обменявшего душу на некий коммерчески успешный курорт размером с остров для первертов.

Попутешествовав физически, Голгофский выходит на квантовый уровень и совершает метафизические трипы в четырех Бодрийеровских стадиях развития симуляции (мостик в Трансгуманизм раз), не уставая напоминать, что мы живем не во сне Жириновского, а в реальности, которую нам

нагадила англичанка. Ну и клеймить критиков, конечно. Особенно, критикесс. Читатель ждет уж рифмы «Шарабан-Мухлюев» – так на, возьми ее скорей (мостик в Трансгуманизм два).

Поверхностные маркеры: ПВО смотрел третий сезон «Очень странных дел» и, видимо, дочитал «Поттериану», раскопал в апельсинах мем про чебурашку; а также напомнил про буддийский способ смотреть телевизор и намекнул, что в курсе, что все его за нейросеть принимают. Кажется, снова обиделся.

Аддон к заглавной повести: «Пирамида Авраама» (в просветительском порыве классик решил пересказать концепцию иерархии потребностей, но сделал это довольно безыскусно. Зря я осенью заметила, что 18+ у ПВО теперь похожи на не подстегнутые виагрой байки в доме престарелых) и «Песнь о пингвине» (да, с горьковским прононсом и в рабоче-крестьянском, надо понимать, стиле).

Виктор Олегович, давно перешедший границы ненависти к интерпретаторам того, что он имел в виду, зашел еще чуть дальше, эмоционируя в ущерб остроумию. Игра «20 книг я измываюсь над вашими воплощениями, чтобы показать, как вы мне безразличны» зашла в тупик. В конце концов, «Каждый из нас – писатель, сочиняющий роман о себе. Задача автора в том, чтобы спасти героя, потому что герой – это он сам. Слышали много раз». Но, по ощущениям, «исцелился сам» не сработало. Хотя шпионский детектив получился бы миленький, проступи он четче через словоизлияния Голгофского.

Впрочем, роман появится завтра в Яндекс Книгах и офлайн. Оцените сами, вдруг я все неверно поняла.

Анастасия Шевченко

23 апреля:

Вчера в базу данных сайта Фантлаб внесено издание с порядковым номером 500 000 !

Всего за двадцать лет описано и учтено полмиллиона книг, журналов, газет, диафильмов.

Изданием под номером 500 000 оказался журнал фантастики из Англии «Новые миры», выпуск за декабрь 1959 года.

Вертер де Гёте

Концепт-арт художника Жан-Клода Мезьера к советско-западногерманскому «Трудно быть богом» (1989).

Мезьер больше всего известен как автор комикса «Валериан и Лорелин» (его еще экранизировал Люк Бессон) и как художник «Пятого элемента» того же Бессона. Мезьер поездил по Советскому Союзу – побывал даже в пустынях Узбекистана, которые рассматривали как потенциальное место

съемок. Может, поэтому эскизы получились ближе к «Дюне» Герберта, чем к Стругацким.

Николай Корнацкий

24 апреля:

Владимир Обручев «Плутония»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 9/10

«Плутония» – это классика отечественной фантастики, которая не теряет своей притягательности и сегодня. Она уникальна тем, что была написана не просто писателем, а учёным с мировым именем – геологом и географом Владимиром Афанасьевичем Обручевым.

Замысел романа родился из критического переосмысления знаменитых книг того времени. Как вспоминал сам Обручев, он перечитал «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна и «Затерянный мир» Конан Дойля. Идеи этих романов его восхищали, но научная неподготовленность авторов вызвала желание написать «исправленный вариант». Именно это стремление к геологической достоверности стало главным мотивом написания «Плутонии».

В основе романа лежит популярная в начале XIX века гипотеза о «Полой Земле» – наличии внутри планеты обширной полости с собственным светилем. Несмотря на фантастичность, именно эта теория позволила автору создать удивительный мир – Плутонию, названную так в честь римского бога подземного царства.

По мере углубления героев сменяются геологические эпохи и их обитатели: от мамонтов и пещерных медведей до динозавров и гигантских муравьёв. Этот эффект позволяет путешественникам буквально пройти сквозь время и служит нагляд-

ной энциклопедией палеонтологии и геологии. Именно эта научная достоверность породила курьёз: многие читатели первых изданий восприняли книгу как реальный отчёт об экспедиции.

Действие начинается в 1914 году. Геофизик Николай Труханов снаряжает экспедицию в Арктику на поиски таинственной «Земли Нансена». Команда профессионалов, куда также входят геолог Каштанов, зоолог Папочкин и другие, высаживается на неизведанной земле и через систему пещер проникает в подземный мир. Там исследователи ведут дневники, собирают образцы, вступают в схватки с доисторическими хищниками и даже налаживают контакт с одним из племён первобытных людей.

Важное отличие от многих приключенческих романов – герои здесь не случайные авантюристы. Это группа высококлассных специалистов, которых объединяет общая цель и научное любопытство. Каждый из них – узнаваемая личность: рассудительный геолог Каштанов, восторженный зоолог Папочкин, суровый метеоролог Боровой, находчивый ботаник Громеко. Даже присоединившийся к ним по пути золотоискатель Макшеев – опытный

и прагматичный человек. Им помогает каюр Илья Иголкин – коренной житель, незаменимый проводник в арктических условиях.

Слог Обручева – это неторопливое, подробное и обстоятельное описание. Автор скрупулёзно фиксирует каждый шаг экспедиции: от устройства быта и способов охоты до геологического строения пород и повадок животных. Этот «научный» подход к повествованию делает книгу познавательной энциклопедией, но современному читателю, привыкшему к более динамичным сюжетам, ритм романа может показаться несколько монотонным.

Вокруг романа, особенно в последнее время, не утихают споры. Один из главных пунктов критики – жестокость, с которой герои относятся к животным, включая многих представителей доисторической фауны. Персонажи убивают зверей не только ради самозащиты, но и ради пропитания или научных коллекций, причём это подаётся как само собой разумеющееся.

С точки зрения защитников природы, это шокирует. Но, возможно, будет справедливее рассматривать это в контексте времени: перед нами не развлекательный боевик, а описание научной экспедиции начала XX века. Для учёных того времени добыча образца была важнее эмоционального отношения к животному. Кроме того, быт исследователей в дикой природе всегда был суров.

Итог: Несмотря на спорные моменты и устаревшую научную гипотезу, «Плутония» – это фундаментальное произведение для всей русской и советской фантастики. Это гимн науке, разуму и человеческой жажде познания. Век спустя она продолжает вызывать живой интерес и по праву занимает почётное место на книжной полке каждого, кто интересуется геологией, палеонтологией и классикой приключенческого жанра.

Алексей Севериан

Комары пѣвчие.

Шелъ человекъ дорогою, и видитъ, этотъ человекъ, что предъ нимъ цѣлою копною вьются комары. И говоритъ человекъ, комарымъ голосомъ: Что вы такое за люди? Говорятъ, отвѣтъ держатъ комары, человекъ,–говорящему комарымъ голосомъ: Мы люди пѣвчие.–Эхъ, говоритъ человекъ, пришли бы вы комнѣ, по нѣтъ въ мой праздникъ.–А когда ты празднуешь своему празднику?–Въ новый годъ мой праздникъ бываетъ, говоритъ имъ человекъ, говорящій комарымъ голосомъ.–О, нѣтъ отвѣчаютъ комары, у насъ тогда и голосовъ нѣтъ, мы тогда и не поемъ.

Из сборника «Русские простонародные легенды» (1861).

Вот за что люблю фольклор: за лаконичность.

Наталья Осояну

25 апреля:

Никогда не задумывалась, что мышление конспирологов структурно соответствует волшебным сказкам (по Проппу). Бразертон в «Недоверчивых умах» показывает, что конспирологические теории скроены по тем же лекалам. Разница лишь в том, что одни относятся к этому как к вымыслу, а конспирологи – как к истине.

Сто лет назад Пропп описал, из каких повторяющихся элементов складываются сказки. Пересказывать не буду, читайте «Морфологию волшебной сказки», но один сюжетный шаблон упомянуть стоит. Для простоты назовём его историей «борьбы с Чудовищем».

Жил-был народ, всё было хорошо. Пришло Чудовище – огромное, почти непобедимое – и посеяло страх. Народ в панике. Но появился Герой (чаще всего аутсайдер вроде Ивана Дурака), отправился

в логово, нашёл, где у Чудовища отстаёт чешуя, ударил туда и победил. Справедливость восстановлена, все пьют за счет царской казны.

Но вернёмся к конспирологам. Если вслушаться в то, что они говорят, выяснится, что роль чудовища всегда играют монструозные «они»: ЦРУ, фармацевтическое лобби, мировое правительство, Бильдербергский клуб. «Они» при этом всегда всемогущи и контролируют СМИ, учёных, бюджеты и, конечно, главную уязвимость – тайное знание, информацию. Если правда выйдет наружу, если секретные документы станут публичными, заговор рухнет. Поэтому конспирологи так одержимы разоблачениями, утёкшими файлами и прочим подобным.

Герой, который сражается с Чудовищем, тоже архетипичен. Чаще всего, как я уже сказала, это аутсайдер: не политик, не генерал, не профессор с грантами, а, например, журналист, которого уволили за правду. Мать, которая нагуглила то, о чём якобы молчат врачи. Учёный без финансирования. В общем, кто-то, над кем в теории можно посмеяться, но кто так или иначе пойдёт в логово ради правды.

И наконец, сама битва всегда подаётся как противостояние абсолютного Добра и абсолютного Зла. Никаких полутонов, никаких сложных мотивов. Враг не просто ошибается и не просто защищает свои интересы – он воплощает собой злую волю. Миф о чистом зле, как называет это Бразертон, нужен для того, чтобы у героя не оставалось сомнений, на чьей он стороне.

В этом смысле теории заговора живучи не потому, что они убедительны с точки зрения фактов. А потому, что встраиваются в древнюю нарративную схему, по которой человечество рассказывает истории уже тысячи лет – по крайней мере со времён «Эпоса о Гильгамеше».

Вика Рина

26 апреля:

Мы – скот зла, мы пасемся на наших пастбищах, – пишет Клиффорд Саймак в романе «Братство талисмана» в 1978 году.

Всё больше убеждаюсь, что Саймак – кто-то вроде Иоанна Богослова, видел какие-то важные страшные вещи, но внятно не мог описать. То-то он почти все романы немножко сливает, то есть, не доводит до ясности. Ну, если видения, то он и не мог.

Макс Фрай

Презентация третьего тома артбука-энциклопедии «Миры Говарда Филлипса Лавкрафта» прошла вчера в Пушкинке. Юрий Купцов, один из составителей, провёл длительную беседу со зрителями о книге, о самом Лавкрафте и его наследии в литературе и кино. Затем я немного рассказал о первых публикациях Лавкрафта на русском и о комиксах Аскольда Акишина по произведениям классика хоррора. Председатель Союза литераторов России, писатель Николай Калиниченко рассказал о значении философии Лавкрафта, прочитал фрагмент

рассказа Лавкрафта «Иные боги» и свои стихотворения. Затем Лавкрафта читали и другие участники.

Фото Александра Рунова и Константина Удовиченко.

Вертер де Гёте

У журнала New Scientist есть книжный клуб, в котором они читают научно-фантастические книжки и берут интервью у авторов.

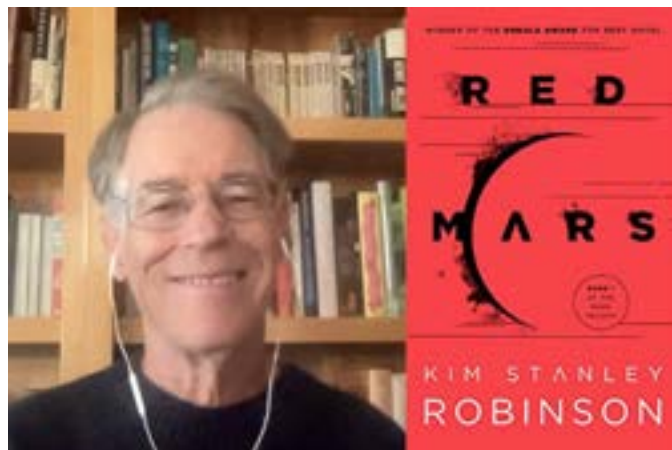
Книгой апреля стал «Красный Марс» Кима Стэнли Робинсона. Любопытно, что события романа стартуют как раз в 2026 году.

В небольшой статье по случаю КСР рассказал, что со временем истории в научно-фантастических романах рассказывают не о будущем, а о том, каким будущее представлялось когда-то (книгу он писал с 1989-го по 1991-й). И так устаревший текст можно рассматривать не как неточное предсказание, а как точное отражение перспектив, чаяний и опасений, некогда занимавших умы людей.

Мысль, в общем-то, доступная, но не грех привлечь внимание. Такая вот двунаправленная машина времени – с окном сразу и в будущее, и в прошлое.

При этом писатель подчеркнул, что его роман – не пророчество и даже не технический прогноз, а ему самому в книге больше всего нравятся сюжет, а также персонажи, их совместная работа, взаимоотношения, политика и проч. Относительно недавно он перечитывал книгу и, утверждает, что наслаждался именно этим.

КСР огорчил всех, кто планировал в случае чего колонизировать Красную планету с его книжкой под мышкой. Ведь после выхода «Марсианской трилогии» люди узнали о соседней планете много чего нехорошего.

Например, то, что Марс – тот ещё токсик! То есть из-за перхлоратов в грунте он чрезвычайно ядовит для живых организмов. Добавьте к этому слабую гравитацию и сильное космическое излучение. И вот уже Марс, вопреки смелым заявлениям миллиардеров, не кажется таким легкодоступным для колонизации, отмечает КСР.

Однако писатель подчеркнул, что есть надежда осваивать Марс по-другому, например, как Антарктиду. То есть создавать там научные станции, куда на год-другой отправляются экспедиции. Да, будет сложно, учёные будут страдать, но любой дискомфорт и ущерб здоровью, уверен КСР, сами исследователи сочтут приемлемым ради такого приключения.

По его мнению, терраформирование Марса в теории возможно, но это невероятно сложная задача, которая займёт гораздо больше времени, чем в романе. А что до кликбейтных новостей о скорой миграции на Красную планету (я как раз на такие кликаю), то Ким Стэнли Робинсон ответственно заявил:

«Я, автор «Марсианской трилогии», считаю чушью эту нелепую фантазию».

И в целом, чтобы не жить на токсичной планете, писатель предлагает просто не отравлять Землю.

В видеоинтервью он рассказал, как создавалась книга. Ким Стэнли Робинсон задумал реалистичную фантастику о колонизации Марса ещё в 70-х, когда в космос полетели «Вояджеры» и «Викинги». Но считал, что пока не готов и не потянет объёмную и сложную трилогию в выбранном жанре. А потому в 80-х лишь набирал форму, оттачивал навыки на других книгах.

Потом у него родился ребёнок, и КСР, сидевший тогда дома, писал во время дневного сна малыша. Вот это продуктивность! Причём «Красный Марс» несколько раз переписывался.

На вопрос о том, на чьей стороне сам автор – терраформистов или борцов за сохранение первоначального Марса, КСР рассказал о расчётах. Мол, на планете такой перепад высот, что, даже если создать там атмосферу, некоторые области всё равно останутся красными. КСР считает, что это красивый символ «примирения» сторонников «красного» и «голубого» Марса.

P.S. Если вы вдруг окажетесь на Марсе и заскучаете, то в районе северного полюса можно найти зонд «Феникс». В нём хранится цифровая библиотека с научной фантастикой о Красной планете, включая одну из книг Кима Стэнли Робинсона.

Павел Сидоров

Как-то на очередной встрече Гольшева с читателями – кажется, в Переделкино – ее ведущий, поэт и переводчик Дима Веденяпин, сказал, что слышал о нем от нескольких общих знакомых одну и ту же фразу: «Я обожаю Гольшева». В точности так – обожаю. И правда, я не знаю в нашем пестром, разнородном и, увы, далеко не таком дружном, как многим кажется, литературном сообществе другого человека, который пользовался бы – да нет, он

не пользуется; скажем лучше, вызывает – вызывал бы такую универсальную симпатию. Сколько раз я видел, как при появлении Гольшева лица людей светлеют и на них расплываются улыбки! И еще одна привычная картинка застряла в памяти: стоит Гольшев у стеночки, в пиджаке и ботинках – не в туфлях, упаси Бог, а в настоящих добротных ботинках, черных, круглоносых, начищенных до блеска, – кто-то перед ним держит его за пуговицу (хорошо, если фигурально) и что-то ему рассказывает, а он – слушает. Что-что, а слушать он умеет. И сочувствовать; не в смысле жалеть, если на что-нибудь жалуешься, хотя умеет и это, а просто быть очень внимательным, все понимать и сопереживать, о чем бы ни шла речь. Но ведь это и есть то, чем занимаются переводчики. И непонятно, то ли это умение возникает по ходу долгой практики перевоплощений, то ли наоборот, именно оно и зовет в профессию. Мне-то кажется, что второе.

А переводы его – ну что о них можно сказать кроме того, что уже сто раз сказано? Слово «искусство» загоняли в хвост и в гриву, до полного обесмысливания, но если вернуться к его нормальному смыслу, переводы Гольшева – это оно и есть. Их всегда приятно читать, но еще большее удовольствие – сравнивать их с оригиналом. Это еще и отличная школа, которой не заменят никакие курсы. Не потому даже, что эти переводы очень техничны в самом лучшем смысле, а потому, что, читая их, все время видишь напряженную согласованную работу ума и души – то, без чего хороший перевод появиться не может.

С днем рождения, дорогой Виктор Петрович! Мы вас уважаем, обожаем и просто любим – и никуда вы от этого не денетесь.

Владимир Бабков

27 апреля:

Дочитал «Мельницы богов» (The Mills of the Gods) Тима Пауэрса. Наверху уже кое-что писал, повторю: это книга из числа криптоисторических романов Пауэрса – которые начались примерно с «Врат Анубиса», – действие происходит в Париже и немножко в Испании в 1925 году, главного героя, американского экспата, ветерана Мировой и художника, вовлекают в историю с сектой сознательных перерожденцев, живыми скелетами в Сене, демонами-шайдим в парижских катакомбах, храмом Кибелы где-то на острове Сен-Луи, но в другом измерении, и волшебными котами везде. Среди героев – Гертруда Стайн и Алиса Токлас, Эрнест Хемингуэй, Пабло Пикассо; упоминается Корбюзье. Всё это в сумме оказывается поединком древних богов Молоха и Кибелы, а также одного довольно страшного духа, который решил забороть христианство.

Это отличная книга. Не могу сказать, что я в таком же восторге, как от «Врат Анубиса», например, но в целом это классический и прекрасный Тим Пауэрс – он умеет удивлять через страницу, он умеет давать персонажей росчерком пера, и он умеет убедить тебя в том, что Пикассо (или Кольридж, или Китс, или Чаплин и так далее) действительно знал больше, чем кажется, и ровно вот таким и был.

Две вещи меня тут чуть напрягли. Первое – сам Париж. Это ровно те места, по которым вдоволь шатался я и, думаю, шатались практически все, кто любит Левый берег. Рю де Вожирар, Люксембургский над, бульвар Сен-Мишель, набережная, конечно, с букинистами, в общем, не то чтобы туристический центр (он скорее около Лувра, чего я никогда не понимал), но близко. Тут есть проблема, конечно. Если пишешь про Венецию, сложно избежать моста Риальто и площади Св. Марка – и бессмыс-

ленно как-то их избегать, города-то это всё не такие большие, – но ощущение, что всё это взято из путеводителей. Но что делать.

И второй момент – на последних страницах (спойлер) герои увлеченно идут креститься по католическому обычаю. Пауэрс, насколько я знаю, сам католик, и обычно в его книгах это не проявляется,

но тут вот проявилось. Но, опять же, это вам не «Черно-белый ксеноархеолог» с его глупо-навязчивым православием. Это вот о том, как влияет, туды его в качель, контекст. Я сам как христианин Пауэрса отлично понимаю – но что-то внутри меня уже привыкло делать стойку на любые обращения в истинную веру в художественном тексте. Хотя по тексту всё логично: если ты побывал инкарнацией Кибелы и больше уже не хочешь, пойти искать защиту у христианского Бога – самое то.

Но это мелочи. Тут скорее для меня интересно другое: именно Тим Пауэрс в свое время разжег во мне интерес к такого рода «исторической фантастике». И я за эти годы напридумывал всякого, и, разумеется, всё это не обязательно совпадать с тем, как видит фантастику один из моих любимых авторов, – но все еще в значительной степени совпадает.

Николай Караяев

Бык должен быть трехглазым, но что уж тут.

Николай Караяев

Я долго думала, как лучше перевести название польского короткометражного мультфильма, сценарий к которому написал сам Лем. В оригинале он называется “Wycieczka w kosmos”. С пониманием второй части ни у кого, естественно, никаких проблем возникнуть не может. Вопросы вызывает первое слово. На русский его обычно переводят как “экскурсия” или “путешествие”. Именно поэтому название этого мультфильма в большинстве источников звучит как “Экскурсия в космос”. Но после просмотра мне этот вариант показался не очень удачным.

Этот мультфильм – вольная адаптация «Путешествия двадцать третьего». В начале Ийон Тихий

отправляется в горы. Когда он якобы начинает раскладывать палатку, выясняется, что на самом деле он таким образом раскладывает ракету. Погрузившись в эту ракету-палатку, он летит в космос, где с ним и происходят всякие забавные приключения, составляющие основной сюжет.

Я зацепилась за этот открывающий эпизод и начала раскручивать варианты слов, связанные с путешествием в горы, ведь именно это обыграл в названии Лем. Поход, турпоход, поездка, прогулка, экспедиция и т.д. Хотела было остановиться на походе, но “Поход в космос” все еще звучало в моей голове не очень. А потом меня осенило. Вылазка! Это слово идеально сочетает в себе сразу несколько необходимых значений, кроме того, у него есть тот оттенок легкости, который наилучшим образом подходит комедийному мультфильму.

В общем, не настаиваю и никому ничего не навязываю, но, по моему скромному мнению, мультфильм “Wycieczka w kosmos” на русском языке должен называться “Вылазка в космос”.

Если что, в мультфильме нет никаких диалогов, так что все происходящее должно быть понятно без слов.

Инар Искендрова

Как солдат обматерил Богоматерь и что ему за это было (ничего)

Солдат – неизменный положительный герой сказок. Солдат всегда и во всем прав. Ему дозволены любые вольности и шалости. Он обманывает царей и попов.

В очень популярной сказке он дурит беззащитную старушку, недавно похоронившую любимого сына. Солдат обещает убитой горем бабушке отнести для ее покойного паренька деньги и одежду на тот свет. Набивает пару мешков добра и уходит, посмеиваясь. Даже здесь сказка ему умиляется: молодец, хорошо облапошил дуру-старуху!

Солдату можно все.

Курганская сказка «Солдат и смерть» довела это правило до абсурда. Она обыгрывает известный сюжет о победе солдата над смертью. Делает это необычно.

Солдат возвращается с долгой службы домой. За службу он получил всего три пятака. Бог решил испытать солдата: по дороге тот встречает трех нищих и отдает им все пятаки. Топают дальше.

«Идет, а навстречу ему двое – Бог с Богородицей.

– Служивый, ты человек честный. Тебе нищие попадали?

– Попадали.

– Милостыню просили?

– Просили.

– Ты им давал?

– А вот было три пятака – всем и разделил поровну.

– Благородный ты человек. Что тебе за это дать?

Подумал солдат, подумал и говорит:

– Ну, что мне надо? Дай мне бутылку вина, и чтоб она никогда пустой не была, две колоды карт, и чтоб я всегда всех чертей обыгрывал.

Богородица тычет его в бок и шепчет:

– Проси царства небесного.

Солдат разозлился:

– Да пошла ты к какой-нибудь матери с царством своим небесным.

Бог думает: «Надо же, Богородицу обругал». Но он же пообещал награду – слово держать надо. И перед солдатом вырастает бутылка вина и две колоды карт. Забирает все солдат и идет дальше».

Он попадает в деревню, где черти оккупировали избу, спаивает их, обыгрывает в карты и в стену замуровывает.

Долго ли, коротко ли, помер солдат. Бог его в рай не пустил, потому что обидел Богородицу:

«Человек-то был ты хороший, а вот Богородицу-то куда послал? [...] Нехорошо это. Далеко ты послал Богородицу, значит, в рай не попадаешь».

Оставили солдата у райских врат стоять на карауле: открывать и закрывать «чугунные двери».

Поэтому он еще и над смертью поиздевался: велел ей вместо людей губить березки, а потом попросил в муху превратиться и забраться в курительную трубку. Она залетела, он ее скурил.

Умерла смерть, а Бог выгнал солдата обратно на землю.

Видимо, до сих пор где-то ходит со своими картишками и вином.

Читаешь сказку и думаешь: что за мелочь всякие Терминаторы и Робин Гуды в сравнении с простым сказочным солдатом. Терминатор смерть не скурит. А русский солдат – легко. И Богоматерь обматерит. И ничего ему не будет. Потому что сказка не проповедь, а ее любимцы вовсе не боги, а солдаты и дураки.

(В избушке на курьих ножках. Шадринск. 2012. С. 124-127).

Антон Нелихов

28 апреля:

Красивый и сильный фольклорный мотив: надо правильно формулировать свои желания. Самый знаменитый пример, впрочем, литературный: рассказ Уильяма Джексона «Обезьянья лапка», где засушенная лапа исполняет все желания, но самым неподходящим способом. Например, супруги захотели денег и скоро получили страховку за внезапную смерть сына.

Фольклорные варианты темы мало кому известны.

В Поморье записали интересный вариант сказки про исполнителя желаний (что-то вроде пушкинской «Золотой рыбки»). Старик со старухой требовали от волшебной птички хлеб, лодку, дом. После бытовых даров старуха вдруг придумала: «Иди, старик, попроси птичку, пусть сделает так, чтобы нас все боялись».

По сути, это такое же желание, как более привычное для сюжета стремление стариков стать генералами или дворянами. Видимо, это и имела в виду старуха, но птичка превратила ее со стариком в собак:

«На любого зверя эти собаки шли, даже волки и медведи их боялись. Говорят, во всем Поморье равных им по злости не было».

Поморские сказки. Петрозаводск. 1987. С. 84-85.

Еще интереснее сказание, как бабам было нечем заняться. От скуки они попросили Бога дать им развлечение. Бог кинул бабам за пазуху горсть вшей и блох (*Левкиевская Е. Мифы русского народа. М. 2025. С. 120*). Развлекайтесь, мол, не случайте.

Я бы как раз такие сказки и поверья в детском саду читал: чтобы дети учились внимательно формулировать свои мысли, а еще задачи для ИИ, со-

ставлять технические задания и кроме того читать, что мелким шрифтом написано в договорах.

Антон Нелихов

Рассказ по вторникам

В минувшее воскресенье мы больше полутора часов болтали с Сергеем Карповым, периодически вспоминая, что люди в зале пришли послушать про Айзека Азимова и его мемуары «**Я, АЗИМОВ**», которые Сережа перевел для издательства Individuum.

Надо понимать, что это не дневниковая проза и даже не особо хронологическая, а коллекция эссе обо всех и всем, что хотел бы обсудить деятельный и экстравертный фантаст: там и о семье, и об образовании, о «Большой тройке» (Азимов, Кларк, Хайнлайн), конвенциях и конвентах, женщинах и бульварной литературе, образовании и коммерциализации любимого дела. Немного о науке и о том, как уважать себя заставить, несмотря на непростой гневливый характер, остроумие на грани флага и своеобразные взгляды на жизнь.

Азимов ехидный, порывисто сентиментальный и одновременно самоироничный, несмотря на свое знаменитое «эго размером с Эмпайр Стейт билдинг». В каких-то моментах он напоминал мне **Эдуарда Лимонова в «Москве майской»** (Альпина. Проза, 2025) – та же необходимая смесь упоения собственной прекрасностью, поэтичных и парадоксальных формулировок и безжалостных портретов чуть недотягивающих до его вундеркиндности и красоты современников. Но в части историй о представителях золотого века фантастики книга напоминает «**Картографов рая и ада**» **Василия Владимировского** (РЕШ, 2025).

Сама я скорее человек Брэдбери, в юности – Желязны, один из дипломов вообще писала про Уэллса. Но у Азимова есть несколько любимых

рассказов, в том числе «**Чувство силы**» (1958), для меня в доведении реальности до абсурда неуловимо созвучное некоторым сценам из романа «**Лавочка закрывается**» Джозефа Хеллера (продолжения «**Уловки 22**»). Почитайте (и Хеллера тоже).

Анастасия Шевченко

Дочитал, довольно быстро, «**Игру перспектив/ы**» (Perspective(s), 2023) великолепного **Лорана Бине**. Криптоисторический детектив, прямо отличный – хотя мне пришлось горько пожалеть, что я слабо разбираюсь в истории живописи и недостаточно знаю о событиях, происходивших в XVI веке в Италии и Франции.

Рецензию писать, наверное, уже поздно, роман издали на русском языке в прошлом году. Зафиксирую для себя один момент. Как и предыдущий роман Бине, альтернативно-исторические «**Цивилизации**», «**Перспектив/ы**» – о том, что история чуть менее, чем полностью состоит из череды чудесных совпадений, непредвиденных случайностей и событий, вероятность которых была близка к нулю. Это уже потом, когда факты выстраиваются в последовательность и откладываются на страницах учебников, включается механизм пострационализации: «ну да, все логично, все именно так и должно было происходить». Бине, как и положено писателю-постмодернисту (в хорошем смысле слова) вскрывает этот механизм, выставляет его на всеобщее обозрение. Альтернативная или криптоистория в его исполнении – сплошная череда маловероятных событий. Только в «**Цивилизациях**» все это масштабнее, в «**Перспективах**» – локальнее. Но и реальная история, знакомая нам с детства, мало чем отличается. Какова вероятность, что горстка иноземных авантюристов сможет разрушить огромную империю с населением, по разным под-

счетом, от 6 до 12 миллионов человек? А вот смогла – потому что оказалась в нужном месте в нужное время. Каковы шансы, что картина, однозначно порнографическая с точки зрения современников, глубоко оскорбительная для правящего аристократического дома, не будет тихо уничтожена в назидание вольнодумцам (возможно, вместе с живописцем), а уцелеет и даже дойдет до нашего времени? А вот дошла, хранится в Галерее Академии во Флоренции, выставлена в интернете, каждый может позерить. Никакой логики, сплошное стечение обстоятельств. Очень актуально, как по мне, многое объясняет – когда читаешь горячие новости.

Василий Владимировский

Читаю космооперу **Slow Gods** Клэр Норт. Это не «**Медленные боги**», потому что Slow – как и перевести-то? – это инопланетная межзвездная машина, к которой применяют, кстати, местоимение *qe* (*qis*, *qim*) вместо *he* и *it*, потому что оно машина, но разумная, – и эта машина через своих эмиссаров в начале романа предупреждает множество планет, что через полтора с лишним века двойная

звезда вот тут взорвется и всех вас порешит, так что готовьтесь.

На планете Ту-мдо, родине героя, которого зовут Мавукана на-Вдназе, после таких слов эмиссаров Slow расстреливают на фиг. Потому что незачем. В этом будущем в этой космической местности потомки колонистов живут в условном государстве, которое именуется Объединенное Социальное Предприятие (United Social Venture). ОСП много, и каждое на чем-то специализируется, и вот Антекеда – это такое специальное место, где в идеологии ноль эмпатии, взаимопомощи и поддержки, сплошь личная инициатива и долговые отношения. И образование, соответственно, не в чести. Такие США победившего Трампа примерно, либертарианство в апогее, и Клэр показывает, как эта система эффективна в плане эксплуатации людей. Мавукана на-Вдназе должен ОСП с рождения, и очень много.

Но это не худшее, что с ним приключается к 40-й странице. После прибытия Slow жители Ту-Мдо поднимают массовые бунты, правительство посылает войска, Мавукану случайно прихватывают со всеми, снабжают ошейником и продают в рабство на ядовитую ледяную шахтерскую луну Хаша-то, там Мавукана ломает ногу, и его делают пилотом – то есть превращают в овощ, привязывают к креслу пилота, вставляют в лобную долю трубку и используют мозг в качестве компьютера. Герой описывает это всё много времени спустя, после того, как несколько раз умер, пережил гибель цивилизаций и пообщался с богами, впереди еще 400 страниц и много интересного.

Ну и интересное начинается уже с первого полета:

Поскольку моя память недостоверна, прошу обратиться к судовым журналам.

Они гласят, что в 0554 по местному времени Хаша-то ПКА «Мюрмида» достиг скорости прыжка, завел аркпро-двигатели и заскользил во тьме по намеченному маршруту к Ю-мдо, ведомый сквозь великое неведомое слиянием механических и биологических разумов – то есть моего разума, привязанного к креслу пилота.

За двенадцать секунд до отбытия судна тот же самый ПКА «Мюрмида» появился на границе пространства Ксихана, примерно в двухсот одиннадцати световых годах от маршрута; он неконтролируемо дрейфовал во тьме. Естественно, власти Ксиханы объявили тревогу и послали на терпящее бедствие судно полную карантинную команду. На приветствия никто не отозвался, обследовать аппарат отправился отряд добровольцев в армейской аварийной экипировке. После нескольких суток весьма неприятных трудов они заключили: найденных комплектных частей тел достаточно, чтобы официально объявить девятнадцать членов экипажа погибшими по крайней мере нормнеделю назад. Они также нашли кровь двадцатого члена экипажа – по всей видимости, пилота, учитывая, где именно эту кровь в основном нашли, – в столь существенных объемах, что с огромной вероятностью этот пилот явно умер от обескровливания, если только ему моментально не оказали полагающуюся медицинскую помощь. Однако частей тела / внутренних органов, с которыми соотнеслась бы кровь, обнаружить не удалось, и утверждать, что данный член экипажа мертв, никто не мог, пусть обратное представлялось совершенно невообразимым.

Позднее ДНК-тесты подтвердили, что существенные объемы крови последнего, обескровленного члена экипажа точно принадлежат мне – иначе говоря, Мавукана на-Вдназе почти определенно погиб в кресле пилота.

На борту ПКА «Мюрмида» меня нашли в командирском отсеке: целый и невредимый, я таранился в иллюминатор на диковинные звезды.

Николай Караев

Может ли персонаж «ожить» в голове писателя? Это безумие или часть ремесла?

Такие вопросы возникли после прочтения «Темного леса» Лю Цысиня. В книге герой прорабатывал женского персонажа для романа, и она ожила в его сознании: писатель разговаривал с персонажем, путешествовал и бесповоротно влюбился. Вот что об этом говорят в книге:

«В этом и состоит разница между бумагомакрой и писателем. На высшем уровне литературного мастерства герои книги оживают в сознании автора. Автор неспособен управлять ими; порой он даже неспособен предсказать их следующий шаг. Мы можем только следовать за ними в восхищении, наблюдая и записывая каждую деталь их жизни, как вуайеристы. Вот так и создается классика. Так было и у Шекспира, и у Бальзака, и у Толстого как минимум. Их классические образы были выношены в их умах».

Хм, любопытно. О Шекспире и Бальзаке такую информацию не нашел, а вот о Толстом подтверждение есть.

У каких писателей «оживали» персонажи

1. Лев Николаевич Толстой

«Глава о том, как Вронский принял свою роль после свиданья с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять ее и совершенно для меня неожиданно, но несомненно Вронский стал стреляться».

«Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы! Они делают

то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется».

2. Александр Сергеевич Пушкин

«Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна! Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее».

3. Элис Уокер

«Один или несколько моих персонажей – Селия, Шуг, Альберт, София или Харпо – посещали меня. Где бы я ни была, мы садились и разговаривали. Они были любезны и веселы. Хотя их история уже закончилась, они рассказывали мне ее с самого начала. То, что меня расстраивало, вызывало у них смех. О, мы прошли через это, не надо делать такое лицо, говорили они».

4. Джеральд Бром

«Эта книга началась с желания изобразить мертвецов на мотоциклах. Изначально она замышлялась как сногшибательная сага об охотнике за головами, выслеживающем сбежавшие из пекла души по приказанию самого Дьявола, но по пути случилась интересная вещь: герои взбунтовались и написали сказку по-своему. Да-да, это я совершенно серьезно. Как только я понял, кто они на самом деле, возникло стойкое ощущение, что сюжетом управляю не я, а они. И сказка, рассказанная ими, – вовсе не о нежити, колесящей повсюду и увлеченно палящей друг в друга, но об утрате, раскаянии и искуплении, о древних богах, ищущих свое место в мире, где их давно забыли».

5. Катя Качур

«Первую треть книги, как правило, я властвую над героями: я их наделяю внешностью, чертами характера, поступками. Но затем случается волшебство, когда персонажи начинают жить самостоятельно. Я обожаю этот момент

в творчестве. Они начинают творить такие вещи, от которых ты просто поражаешься. Откуда? Это точно не ты придумал! Это точно он сделал! Как он сделал? А потом что он уже создан, он реальный. И ты просто стучишь по клавиатуре и быстрее-быстрее записываешь за тем, что он творит».

6. Яна Летт

«Когда я представляю себе какую-то сцену, голоса персонажей начинают звучать. Мне остается только наблюдать, время от времени подкидывать реплики или контекст, и смотреть, как они в этих контекстах будут себя вести».

«Когда я начинала работать над первой книгой «Препараторов», я думала, что знаю, чем закончится трилогия – у меня был четкий план. Но работая над финалом первой части «Зов Ястреба», я поняла, что голоса некоторых персонажей оказались очень властными, и не получится сделать так, как спланировала изначально, что-то придется менять».

Эксперты пишут, что в основном «оживающие» персонажи – часть ремесла, которая связана с творческим мышлением писателей.

Нашел два исследования британских психологов из Даремского университета и американских ученых Орегонского Университета, которые подтвердили эту особенность. Результаты не репрезентативные из-за маленькой выборки, но любопытные. 60% опрошенных писателей в Великобритании и 92% в Америке подтверждают, что персонажи будто бы оживают, спорят, проявляют признаки разумности.

Теории исследователей

1. Связь «ожившего» персонажа и внутренней речи

Внутренняя речь – явление индивидуальное: одни люди не осознают его, другие слышат постоянно; одни ведут монолог, другие дают себе советы голосами родителей, например.

Сначала писатель сам определяет, что говорят герои. Но по мере знакомства персонажи обретают собственный голос, который затем проявляется и во внутренней речи.

2. Навыки опытных писателей менее зависимы от сознания

Писатели ежедневно развивают образы персонажей, задавая вопросы – «Как бы поступил персонаж в такой ситуации?», «Что он думает на этот счет?» и др. С опытом писатели пропускают такие вопросы, но ответы все равно получают. Это сравнимо с управлением машины – опытный водитель способен ехать «на автопилоте» и болтать с пассажиром, а для начинающего это тяжело и опасно.

3. Связь «ожившего» персонажа с воображаемым другом

Как в детстве, только взрослые отличают реальность от вымысла. В исследовании Орегонского Университета у 42% опрошиваемых писателей был воображаемый друг.

Другие результаты исследований

– Женщины-писатели больше склонны «видеть» персонажей

– Уровень диссоциативного опыта опрошиваемых выше среднего. Это состояние, при котором человек ощущает отрыв от реальности.

– Показатель «оживающих персонажей» у писателей выше, чем у группы шизофреников, которые тоже принимали участие в исследованиях.

– Показатель «оживающих персонажей» существенно выше у тех писателей, кто чаще публикуются и зарабатывают на своем ремесле.

«Оживающие» персонажи – не вымысел, но точных данных о явлении еще недостаточно. Голоса персонажей не говорят о безумии. Скорее, это особенность творческого мышления писателей, которую можно логично объяснить.

Алексей Пак

29 апреля:

Марат Исангазин нынче мой кумир. Раскопал документ (<https://fantlab.ru/blogarticle95967>), который ставит точку в вялых спорах об участии **Ариадны Громовой** в киевском подполье времен Великой отечественной войны – собственноручные развернутые показания писательницы, которые она дала в 1944 году, когда ее довольно жестко проверяли советские «компетентные органы». В общем, все было – и подполье, и арест, и отправка в концлагерь, и побег. Хотя и не совсем так, как описано в ее романах – сейчас эти книги, наверное, отнесли бы к категории автофикшна.

Вообще Громова очень важный для истории советской фантастики и, на мой взгляд, трагически недооцененный персонаж. Одна из трёх «гран-дам» нашей НФ 1960-х (вместе с **Валентиной Журавлевой** и **Ольгой Ларионовой**), полиглот, интеллектуалка, активно продвигала в СССР **Станислава Лема** (переводила, одна и в соавторстве, «**Непобедимого**», «**Голос Неба**», «**Дознание**», монографию «**Сумма технологии**», пьесы и рассказы), написала десятки остроумных статей, содержала «литературный салон», где собирались ведущие московские фантасты тех лет и все такое прочее.

НФ-романы у нее, на мой вкус, не самые выдающиеся, в духе времени, а вот повести – «**Глеги**», «**В круге света**», «**Вселенная за углом**» (в соавтор-

стве с Рафаилом Нудельманом) – прямо огонь, до сих пор отлично читаются. В общем, удивительно разносторонний и энергичный человек. Правда, в конце концов система ее доломала: во второй половине 1970-х Громова почти замолчала, исчезла из публичного поля, а в 1981 году скончалась в возрасте 64 лет – по слухам, которые дошли до Нудельмана уже после его эмиграции в Израиль, покончила с собой. Вот где настоящая драма, даже трагедия.

Надеюсь, кто-нибудь о ней напишет подробнее, может, даже издаст. Не исключено, что тот же Марат Исангазин. Я бы почитал, да.

Василий Владимировский

30 апреля:

Саймак, бедняга, искал выход. Всю жизнь мучительно искал выход: как обустроить человечество, как сделать его нормальным, а то чо оно.

Читать его сейчас – неизбежно горько смеяться над ним и над собой, потому что я тоже ищу выход, которого быть не может, но когда это останавливало дураков вроде нас с Саймаком.

У него иногда (часто на самом деле), если собирается хорошая компания, или хотя бы пара, сразу такие нормальные чуваки! Как у Кэти в цикле про дирижабль. И как у меня, особенно в Лейне и в ТСК на изнанке. И в некоторых рассказах последних лет. Мне не очень интересно читать его книги (нашла очень много раньше не читанного), но пофиг, читаю. Потому что с Саймаком чувствую себя, как будто из дурдома выпустили и вокруг наконец-то психически здоровые все (иногда не все, но обязательно хоть кто-нибудь).

Братушка, кароч.

Макс Фрай

Знакомая в ФБ:

Мой муж взялся читать Лавкрафта и пересказывает мне наиболее интересные места. В одном рассказе, говорит, один молодой человек забрался в заброшенный храм, и там на него напал вонючий многогранник.

Стыдно сказать в приличном обществе, но у меня от Говарда Филиппа Лавкрафта всегда были похожие ощущения (плюс, конечно, параллели с Ондатром). Никогда не понимал, где там ужасы. Всё обещаю себе пере- и прочитать, чтобы наконец понять. Но оно ж еще и написано викторианским усыпляющим слогом, понимаете ли. Продираешься сквозь эти джунгли, продираешься – а из кустов стремительным домкратом напрыгивает на тебя непостижимый мерзостный злокозненный богохульный вонючий многогранник.

Николай Караев

2838

Андрей Белянин «Меч Без Имени»

Жанр: Героическое фэнтези/юмористическое фэнтези

Оценка: 9/10

Роман Андрея Белянина «Меч Без Имени» – это знаковое явление для российского книжного мира конца 90-х. Смешав искрометный юмор, пародию на штампы героического фэнтези и сюжет о «попаданце», Белянин не только создал один из первых хитов зарождающегося жанра, но и дал название престижной литературной премии для молодых фантастов.

В центре сюжета – 27-летний художник Андрей, который волею неведомых сил становится избранником разумного волшебного меча. Вместе с этим артефактом он переносится в параллельный мир – Соединённое Королевство, жителей которого дол-

жен освободить от власти могущественного колдуна Ризенкампа. Сюжет романа линейен и представляет собой череду приключений и сражений с фэнтезийными клише. В своих странствиях Андрей, прозванный Скиминоком, собирает команду столь же нелепых, сколь и колоритных соратников: трусливого рыцаря, юную ведьму и загадочного оруженосца Лия. Вместе они проходят через испытания, сражаются с разбойниками, посещают Пристанище ведьм и даже спускаются в Ад, чтобы в итоге одержать победу над вселенским злом.

С литературоведческой точки зрения, роман – это яркий образец постмодернистской игры с читателем, построенной на иронии, пародии и смешении культурных кодов. Белянин целенаправленно высмеивает штампы и клише, характерные для героического фэнтези. Классический сюжет о «попаданце» и избранном герое превращается в остроумную пародию. Само название «Меч Без Имени» – это постмодернистская загадка и оксюморон, который высмеивает традицию давать легендарному оружию звучные имена (как Экскалибур). Роман можно рассматривать как пастиш – сознательную

ироничную игру с цитатами и аллюзиями на другие произведения и жанры. Можно провести параллели с «Янками из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена, а также найти сходство с творчеством Терри Пратчетта, из-за чего Белянина даже называют «Терри Пратчеттом нашего пошива». Писатель смело объединяет элементы различных жанров: детектива, боевика, славянского фэнтези, мистики и балаганного романа, что является ещё одним характерным приёмом постмодернизма.

Одна из сильных сторон романа – его персонажи, которые выходят за рамки функций и становятся живыми, хоть и гротескными, образами. Андрей (Лорд Скимминок) – классический «попаданец», добрый и великодушный, но не идеальный. Он действует по велению сердца, а не разума, и его главная сила – не в боевых навыках (за него все делает волшебный меч), а в умении располагать к себе людей. Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир (Бульдозер) – пародия на благородного рыцаря – трусоват, но предан друзьям, что создает множество комичных ситуаций. Лий – загадочный оруженосец, чья гендерная принадлежность остается загадкой для героев, что служит источником шуток и интриги. Ведьмочка Вероника – юная и не слишком умелая ведьма, чьи заклинания часто приводят к непредсказуемым и забавным последствиям, но при этом она верный и отважный друг. Второстепенные персонажи тоже не подкачали. Дракон Кролик – милейший шепелявый дракон, который любит яблоки и совершенно не вписывается в образ грозного чудовища, добавляя повествованию уюта. Смерть – один из самых ярких персонажей, кокетливая старушка, не чурающаяся выпить и поболтать, что полностью переворачивает мрачный образ.

«Меч Без Имени» – книга, которая никого не оставляет равнодушным. По сути, читателей можно разделить на два лагеря: кто-то преданно любит этот роман, кто-то ярко критикует. Главное достоинство – юмор, который называют «фирменным астраханским». Книгу ценят как легкое, развлекательное чтение, способное поднять настроение. У меня лично роман вызывает легкий ностальгический эффект: я познакомился с ним впервые в юности, и она остается теплым воспоминанием. Критики же указывают на вторичность и клишированность сюжета. Среди недостатков – отсутствие психологизма, рефлексии и серьезных конфликтов. Также отмечается «Мэри-Сьюшность» главного героя и нелогичность самого мира.

Итог: «Меч Без Имени» – это не глубокая философская притча, а яркий литературный аттракцион. Его ценность не в сложности, а в искреннем желании автора развлечь читателя, создать мир, в который приятно сбежать от серых будней. Эта книга стала культовой для целого поколения, и ее влияние на развитие юмористического фэнтези в России неоспоримо. Это идеальный выбор для тех, кто хочет отдохнуть, посмеяться и получить заряд хорошего настроения, не ища в книге скрытых смыслов и глубоких драм.

Алексей Севериан

Лонгриды:

**Фантастические люди
Василия Владимирского**

Выпуск 1.

Алексей Конаков. «Фантастическая опера», «геометрический детектив» и «обратное попаданчество»

биография

Алексей Конаков

Критик, литературовед, поэт, прозаик. Родился в 1985 году в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. В 2003 году дебютировал поэтической подборкой в журнале «Звезда», публиковал стихи и эссе в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы» и других. Автор монографий «Вторая внеакадемическая. Очерки неофициальной литературы СССР» и «Убывающий мир: история “невероятного” в позднем СССР». Лауреат Премии Андрея Белого в номинации «Литературная критика», обладатель специального приза «Перспектива» премии «Неистовый Виссарион». Участвовал в работе Критической Академии премии «НОС» и жюри Премии Андрея Белого. В 2026 году удостоен литературной премии «Новые горизонты» за роман «Табия тридцать два». Живет в Санкт-Петербурге.

ВВ:

В «Табии тридцать два» вы рассказываете о неблагоприятном, бедном мире, в котором живут азартные, увлеченные и в общем счастливые в этой своей увлеченности люди. Сложно определить, на

какую полку можно поставить роман: утопия? Антиутопия? Что-то третье? Как вам кажется, почему такие сложности с классификацией – и как вы сами определили бы жанр «Табии», если бы возникла такая необходимость?

АК:

Мне кажется, уж если человек пишет книгу, то гораздо интереснее не использовать уже существующие жанры, но создавать новые, свои, которые будут как-то пересекать или сдвигать устоявшиеся жанровые границы. «Табия тридцать два» я определяю как «фантастическую оперу» – что указывает на высокую степень условности этого текста, подчеркивает его выдуманность, нереалистичность.

Другой вариант жанра «Табии тридцать два» – геометрический детектив. Книга посвящена стране, выстроившей новую идентичность на основе шахмат, а шахматы, как говорит один из героев, – «геометрия, взятая в своей выразительной функции». Россия в «Табии» тотально изолирована от мира, выход за ее границы невозможен – так же, как невозможен выход шахматных фигур за границы шахматной доски. Поведение, реакции, мысли героев в высокой степени стандартизированы, потому что эти герои на самом деле шахматные фигуры: шахматный конь всегда ходит буквой «L» – и в начале партии, и в середине, и в конце. Отечественные читатели – люди в массе своей проницательные, они хорошо чувствуют описанную коллизию. Я очень радуюсь отзывам вроде: «Роман подарил нам ворох деревянных персонажей» – именно! это деревянные фигуры! Казалось бы, это должно быть скучно, когда персонажи одинаковы, но здесь и раскрывается парадокс шахмат (и любых логических игр): вы заранее знаете, как ходят все фигуры, вам известно, что правила неизменны, но при этом вы

никогда не можете предугадать, как развернется та или иная конкретная партия, каким окажется в этот раз ее общий «сюжет». Работа простейшей геометрии заводит вас в по-настоящему детективные дебри – и именно это свойство шахмат пытается проиллюстрировать «Табия тридцать два».

Еще жанр «Табии тридцать два» можно было бы обозначить как «обратное попаданчество». В стандартной книге о «попаданцах» современный спецназовец попадает в СССР времен Великой Отечественной войны и помогает побеждать фашистов. Сеттинг «Табии тридцать два» выглядит так, будто бы сам Советский Союз образца 1948 года попал вдруг в 2081-й – и каким-то образом функционирует. Кого-то удивляет такой ход: разве могут люди, политики, общество, страна в конце XXI века воспроизводить паттерны середины XX века? На мой взгляд, в таком допущении ничего фантастического нет: хорошо известно, например, что вожди Великой французской революции выстраивали Республику, буквально копируя Древний Рим. Огромное количество чиновников России образца 2020-х стараются воспроизводить и возвращать риторику, нормы и правила эпохи 1970-х. Ну и в целом: после болезненных поражений и исторических потрясений откат в прошлое – дело совершенно обычное. Лучше всех это заострил Эйнштейн: «Я не знаю, каким оружием будет вестись Третья мировая война, но в Четвертой будут использоваться палки и камни».

Впрочем, можно ничего и не говорить про «фантастическую оперу», «геометрический детектив» и «обратное попаданчество», а просто признать, что «Табия тридцать два» – это сказка. Сказка – жанр одновременно и уютный, и страшный: с одной стороны, у вас молочные реки с кисельными берегами и чудесные артефакты вроде ковра-самолета, и Сивка-Бурка с Коньком-горбунком спешат

на помощь, а с другой стороны – ужасы и опасности, лешие-водяные, ведьмы-русалки, и Кощей Бесмертный норовит вырезать всех мужчин и угнать в полон всех женщин. Вопрос «Хотели бы вы жить в мире “Табии тридцать два”?» звучит как «Хотели бы вы жить в мире волшебной сказки?».

ВВ:

Отсылки к Набокову в «Табии» критики обнаружили довольно быстро. А какие еще литературные аллюзии зашиты в этом романе – и чем можно объяснить такой выбор? Сейчас, думаю, уже можно об этом рассказать, не опасаясь спойлеров.

АК:

Конечно, в «Табии тридцать два» есть конкретные отсылки к другим текстам; причем, поскольку главным двигателем текста является взаимоотношение – отталкивание, притяжение, сочетание – двух великих культур, литературной и шахматной, аллюзии тоже присутствуют как литературные, так и шахматные.

Например, когда в кафе «Бареев» юноша объясняет девушке бессилие слов – «Сегодня юноша уже не может сказать девушке: “Люблю тебя безумно”, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива пошляков», – это прямая цитата из Умберто Эко, из «Заметок на полях “Имени розы”». В финале книги академик Уляшов излагает главному герою, Кириллу, теорию «гомеостаза культуры», восходящую к гомеостатическому мирозданию из «За миллиард лет до конца света» братьев Стругацких; и поэтому через несколько страниц, когда Кирилл понимает, что он обречен, появляется цитата из «За миллиард лет»: «коники-слоники, бедные мои братишки» (у Стругацких: «бедные мои

братишки, котики-песики», но в шахматном мире «Табии» «котиков» заменяют «коники»). В то же время слова работниц ЦДШ о директоре – «Наш Леонид Захарович точно докурится до инсульта! Я однажды засекала время, сколько длится его за-тяжка – получилась тридцать одна секунда!» – цитата из рассказа одиннадцатого чемпиона мира по шахматам Роберта Фишера о гроссмейстере Леониде Штейне. Рассуждения Кирилла о беседах с нелюбимым им профессором Абзаловым – «Абзалов организовывал беседы, где события развивались как бы в замедленной съемке, разговор продвигался еле-еле, увязал в болоте, окружающем мысли научрука, и если наконец удавалось выйти на важную тему, то либо не хватало времени, либо действовало утомление», – аллюзия на рассуждения Ботвинника об игре с нелюбимым им Тиграном Петросяном: «Петросян создавал позиции, где события развивались как бы в замедленной съемке. Нападать на его фигуры трудно: атакующие фигуры продвигаются медленно, они вязнут в болоте, которое окружает лагерь фигур Петросяна. Если наконец удается создать опасную атаку, то либо уже мало времени, либо действует утомление».

Наличие двух типов отсылок принципиально: «Табия тридцать два» – это любование одновременно и литературой, и шахматами, хотя по сюжету литература и шахматы противопоставлены и враждебны друг другу. Хорошо, если читатель что-то знает и про то, и про другое. Он поймет, что аттестация Уляшовым Ботвинника – «Ботвинник сегодня уже и не воспринимается как шахматист, это слишком мелко; он, скорее, Бог плодородия, и Охранитель стада, и Отец народов» – отсылает к известным стихам Дмитрия Пригова о Пушкине: «Внимательно коль приглядеться сегодня/ Увидишь, что Пушкин, который певец/ Пожалуй, скорее что бог плодородия/ И стад охранитель, и народа отец» (во вселенной «Табии» Ботвинник занял место именно Пушкина). А приписываемая гроссмейстеру Виктору Корчному цитата – «Изолированный болезненный пункт есть у всех. Он стержень жизни и ее форма и не дает ей развалиться. Но на нем человек и свихивается. Он и пункт» – на самом деле принадлежит советскому андеграундному писателю Евгению Харитонову (так обыгрывается известная всем шахматистам концепция «изолированной пешки», «изолятора»). Впрочем, если читатель не искушен до такой степени, в этом нет ничего страшного: работа с аллюзиями во многом ведется не для читателя, а для самого автора, это во многом конструктивный принцип, позволяющий создать плотную паутину связей, которая будет удерживать выдуманный мир и незаметно привязывать его к нашей культурно-исторической реальности.

ВВ:

Незадолго до «Табии» вы выпустили монографию «Убывающий мир: история “невероятного” в позднем СССР». Какой материал из собранного при работе над этим исследованием вам больше всего пригодился, когда вы писали роман?

АК:

Книга «Убывающий мир» – культурологическое исследование, посвященное интересу позднесоветских людей 1945–1991 годов к разнообразным невероятным феноменам вроде НЛО, «снежного человека», Бермудского треугольника, телекинеза, индийской йоги, лечения «биополями» и так далее. Одним из любопытных сюжетов, найденных мною при сборе материалов, оказалось нервное отношение многих советских шахматистов к телепатии,

к гипотетической возможности прочитав мысли партнера за доской и таким образом выиграть партию. Классический пример: Виктор Корчной, надевавший зеркальные очки для защиты от парапсихолога Владимира Зухаря, помогавшего Анатолию Карпову. Этот сюжет не вошел в «Убывающий мир», из «Табии тридцать два» я его тоже исключил – чтобы не перегружать повествование; в итоге история о том, как испуганный Ботвинник погубил перспективные телепатические исследования в СССР, должна появиться в моей новой работе, отрывок из которой, как раз о шахматах и телепатии, опубликован на сайте Vmesto.Media.

Но, наверное, самое важное открытие, которое я сделал, работая над «Убывающим миром», – существование своего рода «эпистемологического экстремизма» советских людей. Эти люди зачастую не выдумывали чего-то оригинального, они охотно брали идеи с Запада и Востока, зато потом доводили их, эти идеи, до крайности, развивали до последних пределов, раздували без всякой меры. «Пишут, в Гималаях водится йети? Давайте, чтобы найти его, отправим на Памир экспедицию (восемьдесят человек!) от Академии наук», «Сообщают, что над США видели “летающие тарелки”? Давайте через Центральное телевидение попросим всех граждан СССР присылать информацию о любых наблюдениях чего-то странного в небе» – и так далее. Эта готовность гиперболизировать любую идею лежит и в основе «Табии тридцать два». Собственно, после того как вы прочитали полсотни книг советских энтузиастов, занимавшихся торсионными генераторами и лабораторными исследованиями телекинеза, идея тотальной и одномоментной «шахматизации» России уже не кажется слишком фантастической.

ВВ:

Это сюжетный поворот всегда казался мне самым интригующим – когда человек из соседнего «информационного пузыря» внезапно начинает писать фантастику. Как, зачем, по каким мотивам?.. Вы состояли в Критической Академии премии «Новая Словесность», входили в жюри Премии Андрея Белого, много публиковались в «толстых» литературных журналах – и вдруг фантастика, пусть и не вполне конвенциональная. Как вас с вашим интересом к Хлебникову, Шкловскому, Барту, Делёзу, формалистам и постмодернистам угораздило вдруг обратиться к нашему «низкому жанру»?

АК:

Тут два основных момента. Первый из них – биографический: я родился в семье советских ИТР, в детстве и юности фантастика была моим основным чтением, и я до сих пор с большой нежностью отношусь к этой области литературы.

Второй момент связан как раз с современной философией, которая живо интересуется фантастикой. Работы Жиля Делёза и Феликса Гваттари, например, сами по себе читаются как фантастические романы: «шизоанализ», «тело без органов», «машины желаний», «детерриториализация потоков» и так далее. В книге «Что такое философия?» Делёз и Гваттари утверждают, что наука создает проспекты, искусство создает аффекты, а философия должна создавать концепты – и при таком ранжировании философы оказываются очень близки именно к фантастам, которые зачастую не слишком хорошо пишут, но зато порождают огромное количество нетривиальных идей, концепций. Фантастика – прежде всего Лавкрафт – вдохновляет множество нынешних «темных делезианцев». Ник Лэнд для исследования литературных произведений Уильяма

Берроуза использует фантастическую теорию «лемурийской временной войны». А один из самых влиятельных философов-марксистов второй половины XX века, Фредрик Джеймисон, считал анализ фантастики одним из условий анализа современности как таковой и способом «археологии будущего». Ему же принадлежит плодотворная идея о том, что фантастика «не предлагает нам образы будущего, но, скорее, остраивает и реконструирует опыт нашего собственного настоящего». Используя подобную оптику (фантастика – не способ уйти от реальности и современности, но способ острее почувствовать реальность и современность), можно даже в хорошо знакомых фантастических произведениях найти много нового и неожиданного. Я, например, подзреваю, что в целом ряде произведений братьев Стругацких речь идет о проблеме чтения, о вопросах контакта читателя с текстом, что Владимир Орлов в «Альгисте Данилове» изображает вовсе не демона, живущего в Москве в 1980 году и играющего в оркестре, но звуковую волну и приключения этой звуковой волны в московском саундскейпе, и так далее.

Фантастика мне кажется до сих пор актуальным и действенным способом обновления литературы; те же формалисты объясняли, что наряду с основной линией литературной традиции существуют линии побочные, второстепенные, и когда основная линия выхолащивается, второстепенные приходят ей на помощь или вообще занимают ее место. Так Достоевский, чтобы создать великие произведения, обращался к бульварным детективам, а Блок к цыганским романсам. Так обращались и будут обращаться к фантастике: это один из множества возможных ходов, доступных авторам. «Табия тридцать два» в этом смысле не исключение – она использует фантастический сеттинг для

разговора о вещах, важных прямо сейчас: о вопросах идеологии, пропаганды и постправды; об умозрительности истории; о вечной российской бедности; о возможности человеческого счастья внутри всегда-уже-кем-то-сконструированной-реальности; о прекраснотушных мечтателях, искренних энтузиастах и циничных манипуляторах, которых по-прежнему так много вокруг нас; о судьбах Родины, в конце концов.

ВВ:

Ну и в продолжение предыдущего вопроса: какие свои тексты вы посоветовали бы тем читателям, которые знают вас только по «Табии тридцать два»? Что (и почему) стоит прочитать для расширения кругозора, что ближе всего к этому роману?

АК:

У меня всего две художественные книжки – «Табия тридцать два» и «Дневник погоды (дисторшны)», – поэтому отсылаю всех интересующихся ко второй из них, вышедшей за год до «Табии». В этой небольшой книге нет сюжета, нет завязки, кульминации и развязки, нет перипетий, нет «арок» и «твистов», нет разговоров; в ней вообще почти ничего нет, кроме переживания неизбыточной фантастичности нашего мира. Формально это дневник человека, живущего в наши дни на северо-западной окраине Петербурга и уверенного, что мир захвачен рептилоидами, прилетевшими из окрестностей звезды Тубан и насылающими на землян искажение, distortion, через кольца Сатурна и пустую Луну. Но даже внутри этого искаженного мира надо как-то жить, вставать по утрам, ехать сквозь ноябрьский дождь на работу, покупать продукты в «Пятерочке» и «Семишагове», сводить концы с концами, экономить, растить детей. И человек встает, и живет,

и едет, и экономит, и растит (и еще наблюдает за звездами и облаками, циклонами и штормами, берегами Большой Невки и Маркизовой лужи). Книга демонстрирует изменение (искажение) человеческой речи под влиянием инопланетных лучей, признается в любви ко всему бедному и убогому, проклинает гелиоцентристов и поклонников ЗОЖа и пытается ухватить невероятную красоту и чудесность жизни:

«Гололедица! Лучшие, наверное, дни зиммы; появляются-расцветают со всем сторон глуховые удары, сдавленные проклятия, ушибы и переломы, ведущие в никудам песочные дорожки. Вы сделали шаг, а нога уж вроде бы едет, забыв об остальном теле, смещая центр тяжести, увлекая всю неустойчивую бипедальную конструкцию в которую-нибудь катастрофу, в голые кусты и перильца.

И правильно: ступать на планету нужно с трепетом.

(А где-то в квартире шершавый линолеум и стены, чтобы держаться.)

Лёд сбивает спесь: самый важный господин идёт потихоньком и либо-то похож на пингвина; самый успешный Мистер-Твистер вспоминает о пропочтительность и крш цо бэм. Но если упадёшь у второго Наличного моста – так и будешь бобслеем скользить мимо кассы напрасно цепливаясь за что ли попало безнадёжно (безденежно?) крича в темнотой взазывая зря о спасении подокуда не рухнешь в глубокий внезапный прогал в страшное подземелье в сумрачные катакомбы и казематы где рептилоиды прячутся и наводят свои искажёвывающие нереальность мира волны».

<https://media226.ru/voices/4-fantasticeskie-ludi-vasilia-vladimirskogo>

Фантастические люди Василия Владимировского

Выпуск 2.

Яна Летт: «Мне интересно писать о созидании и разрушении»

Биография

Яна Летт

Российская писательница и преподавательница литературного мастерства. Родилась в Москве в 1992 году, с отличием окончила филологический факультет Московского государственного университета по специальности «Русский язык и литература». Работала репетитором, вела курсы creative writing. Стихи и прозу начала писать еще в детстве, в печати дебютировала рассказом «Учительница-Первая» в 2018 году на страницах журнала «Мир фантастики». В 2020 году выпустила первый роман «Мир из прорех. Другой город». Автор книг «Отсутствие Анны», «История семи Дверей», «Пустая», трилогий «Мир из прорех» и «Препараторы». Номинировалась на Крапивинскую премию, премию им. А. и Б. Стругацких и «Новые горизонты», лауреат премий «Новая фантастика», «Интерпресскон» и «Бронзовый Роскон», победительница конкурса «Рассказ за час», проходившего на конвенте «Роскон» в 2019 году.

ВВ:

Яна, вы, что называется, патентованный гуманитарий со справкой: филфак МГУ, запойное чтение на нескольких языках, работа преподавателем и репетитором – то есть вы не просто хорошо знаете историю и теорию литературы, но и можете доходчиво объяснить, как устроено любое произведение,

разобрать его по косточкам и собрать обратно. Классицизм, романтизм, критический реализм, социалистический реализм, магический реализм... Почему же при всем богатстве выбора все-таки фантастика? Условный «жанр» с репутацией литературы, выражаясь дипломатично, довольно легкомысленной?

ЯЛ:

На самом деле мне не нравилась литературная сегрегация задолго до того, как я узнала, что это такое. В детстве «Три мушкетера» и «Хроники Нарнии», «Дон Кихот» и «Властелин колец» читались как нечто равно далекое, таинственное и увлекательное – но наибольшей притягательностью всегда обладали тексты, в которых ощущалось присутствие волшебства... Причем волшебства в широком смысле – наверное, справедливо будет назвать его скорее фантастическим допущением.

Нос убегает от владельца? Дождь в Макондо идет уже четыре года? Хоббиты отправились к Рокковой горе? На сцену выходит тень отца Гамлета? Прекрасно, все это одинаково очаровывало.

Конечно, регулярно случались периоды увлечения реализмом, но это всегда было про книги, рассказывающие о далеких краях или далеком прошлом – «Поющие в терновнике», «Унесенные ветром», «Анна Каренина», «Дэвид Копперфилд»... То есть в конечном счете их всех объединяло одно – возможность перенестись в совсем другое место.

Я пробовала писать еще будучи ребенком, и впервые желание сочинить что-то свое возникло после «Хроник Нарнии». И тогда, и по сей день что-то во мне всегда срабатывает одинаково: даже если задумываю изначально более или менее реалисти-

ческую историю, фантдопущение непременно даст о себе знать. Так что, наверное, это не вопрос выбора – скорее непреодолимой внутренней склонности.

Но мне было бы интересно написать что-то чисто реалистическое. Это звучит как очень интересный вызов.

Что же касается репутации, в современном литературном процессе поводов для нападок не избежать. Фантастика – слишком легкомысленна, но реализм – чрезмерно мрачен. Детская литература – это несерьезно, молодежная вообще недостойна внимания мыслящего человека. Массовая литература вызывает шквал обвинений в низкопробности, «большая» – в снобизме или политизированности, нишевая – в зауми.

Было время, когда я пыталась доказывать, что «умность» и сложность книги никак не зависят от жанра – особенно с учетом того, что сам жанр в наше время превратился в существенной степени в наклейку на обложке от маркетологов, теперь махнула на это рукой. Судя по статьям Гоголя, Толкина или Пулмана в защиту сказки и фантазии, «жанровым» авторам всегда приходилось несладко. Но в конечном счете книги должны говорить сами за себя.

ВВ:

В вашем романе 2021 года «Отсутствие Анны», который ближе всего к традиционной реалистической прозе, даже к бытовой драме, не последнюю роль играет Эдгар Аллан По. Почему американский классик XIX века внезапно появляется в книге, действие которой разворачивается в современной

России – и отнюдь не в семье профессиональных филологов-американистов?

ЯЛ:

Мне хотелось сделать Анну как можно более реалистичной, воплощенным книжным ребенком, замкнутым подростком, в котором каждый читатель сможет узнать себя или другого. По своему опыту знаю: по-настоящему погруженный в мир литературы ребенок воспринимает и Пушкина, и Толкина, и Дюма, и Линдгрена и написанные ими книги одинаково – как равно близких и далеких друзей и собеседников. Пространство воображения, как бы всегда его ни пытались обуздать, – возможно, единственное, не признающее ни временных, ни территориальных границ.

Так что почему бы и не Эдгар Аллан По? Для меня самой это важная фигура – один из отцов-основателей существенной части современной жанровой литературы. Кроме того, его трагическая биография – канонический пример судьбы страдающего творца, а это троп, очень актуальный для Анны, которая, как и многие подростки, верит: не пострадал всерьез, создать нечто великое невозможно.

В комнате Анны ее мама, Марина, находит переписанные стихи: «Я сердце отдал, с жаром неустанным, /Моей фантазии далеким странам /И существам, что сотворил я сам». Именно это происходит и с самой Анной: для нее слова Эдгара По – больше, чем метафора, а его мироощущение становится своего рода религией.

Так что, наверно, Эдгар По был нужен мне не только как своего рода герой-помощник – он еще и символ, идея, близкая Анне и таким, как Анна.

ВВ:

О феномене многотомных романов. Ваш дебютный «Мир из прорех» перерос в трехтомник, в трех-

томный цикл превратились и «Препараторы». Вы таким образом решали какие-то художественные цели, композиционные, фабульные? Или просто было жалко расставаться с любимыми, интересными героями, со знакомым и подробно продуманным миром?

ЯЛ:

Сразу скажу: мне бывает действительно сложно расставаться с героями и миром. Некоторые читатели периодически спрашивают, не планирую ли я продолжение «Пустой», «Истории семи Дверей» или даже «Отсутствия Анны». Наверное, это говорит само за себя – даже в одиночных романах финалы получились в достаточной степени «приоткрытыми», чтобы можно было пофантазировать о том, что будет дальше.

Набоков в своей лекции о Чехове говорит: «...до тех пор, пока люди живы, нет для них возможного и определенного завершения их несчастий, или надежд, или мечтаний». Видимо, поэтому я не люблю чрезмерно завершенные концовки – ни у себя, ни у других. Возможно, в том числе по этой причине эксперименты с многотомными романами были для меня ожидаемыми.

Но в случае с «Миром из прорех» есть два момента. С одной стороны, мне было интересно поэкспериментировать. Первая часть стала моим дебютом. Я хотела набить руку на относительно «линейной» истории, направленной прежде всего на юную аудиторию, но в процессе мне хотелось попробовать себя в разном.

С самого начала я планировала разножанровость. Первая часть задумывалась как постапокалиптическая дорожная история, вторая должна была уйти в стимпанк и детектив, стать более городской и замкнутой, в третьей я хотела дать волю

фэнтези в классическом понимании – придумать яркий и инаковый мир, открывающийся по ту сторону прорех.

Второй момент был чисто практическим – на тот момент издательства неохотно работали с «одиночками», предпочитая истории с продолжением. Трилогия была лучшим способом заявить о себе. Я подумала, что это во всех отношениях отличная идея, благо и запала хватало.

Я никогда раньше ничего подобного не делала, поэтому не представляла себе масштабы бедствия. Если бы представляла заранее, может, и не решилась бы.

Параллельно я работала над одиночными романами – «Историей семи Дверей», «Отсутствием Анны», «Пустой», ориентированными на разную аудиторию. Все они были опубликованы, у «Пустой», как и у «Мира из прорех», недавно появилось переиздание. Я не уверена, что без поддержки репутации автора «Мира из прорех», который «выстрелил», другие мои романы тогда оказались бы замечены.

Что касается «Препараторов», тут иная история. Уже на этапе планирования в моих списках было более двухсот персонажей, десятки сюжетных линий. Я, как в детстве, рисовала карты, продумывала быт до мелочей – начиная религиозными обрядами и заканчивая правилами настольных игр. Всем прожужжала уши Кьертанией, она мне даже снилась. Я была невероятно воодушевлена ее миром – наверно, никогда раньше я не была настолько поглощена придуманной мною реальностью. Это было как наваждение.

Так что в случае с «Препараторами» я планировала игру вдолгую исключительно по любви и зову сердца. Иначе не стала бы – в конце концов, после «Мира из прорех» я уже знала, что работа над три-

логией – дело непростое, и неоднократно обещала себе больше в это не ввязываться.

Но потом пришли «Препараторы», и я сразу поняла: это должна быть большая история со сложной структурой, потому что только так и никак иначе все придуманное получится выразить.

ВВ:

В «Мире из прорех» человечество отказывается использовать электричество, потому что оно привлекает монстров из параллельной вселенной. В «Препараторах» чудовищный холод за несколько секунд убивает любого человека без сверхспособностей, если тот покинет герметичное отапливаемое помещение. Откуда такой интерес к экстремальным обстоятельствам и неблагоприятным мирам, переживающим затяжную катастрофу?

ЯЛ:

Полагаю, это связано с тем, что мы живем в неблагоприятном мире, переживающем затяжную катастрофу – или даже сразу несколько затяжных катастроф. Откуда еще черпать вдохновение?

Грустно, что именно мы, люди, – источник всех этих катастроф, ведь мы способны делать и столько прекрасного. Возможно, поэтому мне интересно писать о созидании и разрушении. Вся история человечества – вечное противостояние этих двух сил, в том числе и в масштабах каждой отдельной личности.

Иногда начинает казаться, что у нас явный перекос в сторону разрушения, но в чем-то я остаюсь оптимистом. Несмотря на то, что, как известно, те, кому больше всех стоило бы что-то почитать, книг не читают, продолжаю верить: чем больше мы пишем, говорим и думаем о жестокости и человечности, природе и цивилизации, добре и зле, лжи

и истине, тем скорее люди свернут в сторону чего-то прекрасного. Странно, но внутренне я не сомневаюсь: это прекрасное наступит. Просто хотелось бы успеть посмотреть на тот самый поворот хоть одним глазком.

ВВ:

Наверное, работать с, извините за выражение, сеттингами, в основе которых лежат такие масштабные, размашистые фантдопущения, жутко утомительно: столько переменных приходится все время держать в голове. А не возникало у вас желания вернуться в нашу реальность – ну или в реальность, похожую на нашу до степени смешения? Тем более что «Препараторы» вроде бы наконец завершены.

ЯЛ:

Строго говоря, мне кажется, что Кьертания тоже похожа на наш мир, но я, конечно, понимаю, о чем вы.

Утомительно, да, это правда, и сложно – но и очень интересно. В какой-то степени это может стать ловушкой. Когда одна вселенная уже так хорошо продумана и обжита, велико искушение рассказать про нее еще (а потом еще и еще) одну последнюю историю. Такой сценарий я также не исключаю, потому что за пределами Кьертании, основного места действия «Препараторов», придумалось еще много чего интересного.

В конце концов, я работала над «Препараторами» суммарно около пяти лет. Работа над последней и самой масштабной частью, «Голосом Кьертании», заняла почти два года – это дольше, чем над любым другим моим текстом. Столько всего вместили в себя эти пять лет. «Препараторы» начинали свой путь в АСТ – а сейчас финал выходит в «Альпине. Проза». С «Вимбо» были записаны замечательные

аудиоспектакли по всем трем книгам. Это был долгий путь, подаривший мне новых друзей, открывший столько нового.

Наверное, неудивительно, что мир Кьертании все еще имеет надо мной большую власть.

Но вы правы, желание пойти в совсем другом направлении действительно возникало и возникает. Есть идеи и про нашу реальность, и про реальность, похожую на нашу, тоже. Вообще замыслов очень много – буду двигаться вперед в самом быстром доступном темпе. Сил и времени сейчас существенно меньше, чем идей. Тем не менее я уже работаю над чем-то во всех отношениях новым. Очень надеюсь, что получится хорошо.

<https://media226.ru/voices/21-fantasticeskie-ludi-vasilia-vladimirskogo-2>

Василий Владимировский

Перенасыщенный раствор писателя-пешехода

О романе Владимира Березина «Небудущее»

И снова Владимир Березин радует читателей сборником рассказов, который в выходных данных зачем-то называют романом. Ну или романом, неотличимым от сборника рассказов: ходит как утка, плавает как утка, крикает как утка, все характерные признаки налицо. В общем, произведением особого жанра, который в современной русской литературе, кажется, только один Березин и практикует – зато бойко и с огоньком.

Автор этой книги вообще мастер сбивать с толку и водить за нос. Взять хотя бы название. Слово «Небудущее» эффектно смотрится на обложке, но,

что оно означает, – тайна веков, загадка природы. В аннотации нас уверяют, что в языках австралийских племен и народов Крайнего Севера есть такое грамматическое время, но это скорее фокус, трюк для отвода глаз. На самом деле название можно истолковать двояко: «небудущее» – история о том, чего не будет никогда; или «небудущее» не будущее, а настоящее или, например, прошлое. Оба варианта одинаково хорошо подходят для этого сборника, составленного отчасти из постапокалиптики, утопий, дистопий, а отчасти – из рассказов реалистических, мистических, абсурдистских и т. п., никак не связанных со «сценариями будущего».

Давным-давно, три жизни назад, Владимир Березин любил представляться как «писатель-пешеход» – подчеркивая тем самым свое, дипломатично выражаясь, скептическое отношение к статусу

«писателя-фантаста». Что, однако, не мешало ему регулярно участвовать в жанровых конкурсах и печататься в тематических антологиях. Некоторые рассказы из этих проектов переключались и на страницы новой книги. Техника, которую применяет в этих историях автор, в чем-то сродни методу свободных ассоциаций: берем яркий образ, многозначительный символ, выразительную метафору и вокруг нее выстраиваем целый фантастический мир. Или скорее погружаем эту метафору в перенасыщенный раствор фантастики – и ждем, пока мир выкристаллизуется сам собой. Гамельнский Крысолов с непроницаемым лицом Будды и в островерхой монгольской шапочке уводит крыс с корабля, покинутого командой и семь лет дрейфовавшего в океане, – манит неведомо куда и неведомо зачем. Традиционная схватка сказочных богатырей с драконом превращается в битву железных механических зверей на руинах разрушенной цивилизации. Электронный призрак, запутавшийся во Всемирной Паутине, мечтает об окончательном упокоении, а осужденный преступник ищет спасения от самого страшного приговора в мире будущего, «года без электричества»: стоит ему приблизиться, рядом тут же гаснут лампы, перестают работать бытовые приборы, замирают колонии наноботов, а сограждане гонят прочь страшного человека, несущего с собой (и в себе) тьму... Этого уже достаточно, чтобы сюжет сложился, текст заработал. Декорации можно показать схематично, без конкретики, крупными штрихами. Например, добавить несколько повторяющихся рефренов, маркеров будущего: Большую Войну, эпидемию, Третий Рим, нефтегазовую Трубу, разумеется, какое же без нее «прекрасное далёко». «Самый крепкий миф – это миф недосказанный, – говорит один из героев „Небудущего“. – Толпа всегда додумывает мистические объяснения лучше лю-

бого автора, нужно только дать ей возможность». Это относится и к рассказам сборника – с той только разницей, что тут можно обойтись и без коллективного разума толпы: все уже хранится в подсознании читателей фантастики, чтобы запустить процесс, надо только подобрать точные слова и нажать на правильные кнопки, а это Березин умеет виртуозно.

Впрочем, далеко не все истории, собранные под этой обложкой, имеют отношение к будущему, возможному или невероятному. Так же как в книге «СНТ» – к загородным дачам, а в «Пентаграмме Осоавиахима» – к Советскому Союзу с его тяжеловесной пожухшей мистикой. Часто действие разворачивается совсем в других временах и пространствах. Современные московские колдуны, умело скрывающиеся среди простых обывателей, преследуют и беспощадно карают похитителей единорогов; молодой врач-психиатр, распределенный в клинику неподалеку от Ленинграда, от скуки и из праздного любопытства учится читать письма Бога; престарелый московский теплофизик благодаря удивительному стечению обстоятельств предотвращает резкий скачок энтропии и преждевременную тепловую смерть Вселенной; мальчик Павлик с идеальным музыкальным слухом во время Олимпиады-84 выслушивает глубокомысленные сентенции бессмертного властелина мира о порядке и свободе и делает свои выводы.

И конечно, над всем этим свободно парит Раевский, вечный резонер, любимый сквозной персонаж и альтер эго автора: бродит по Москве в поисках затерянного офиса турфирмы, скучает в монгольских степях вместе с австралийскими туристами, перегоняет японскую иномарку из девяностых в нулевые. Появляется Раевский не в каждом рассказе, и даже не в каждом втором, но именно эта

фигура объединяет книги Владимира Березина последних лет в один огромный, сложный, запутанный гипертекст. Ну а темп и ритм «Небудущему» задают бесконечные разговоры – дорожные, застольные, семейные, без конца и края, перетекающие друг в друга, перемежающиеся байками и воспоминаниями, ироничными оммажами и раскавыченными цитатами, зачастую обрывающиеся на полуслове или постепенно затухающие от общей усталости собеседников.

И все же главная проблема с рассказами Березина в том, что их слишком много. Не успеваешь толком разобраться, обдумать, посмаковать, как оно того заслуживает, – следующие тексты уже подпирают. Так что иной раз приходится глотать не разжевывая, а это не способствует здоровому пищеварению. Результат вполне предсказуем. Несмотря на то что с 2024 года у Владимира Березина вышло четыре свежие книги (а две старые переизданы в новых редакциях, с дополнениями и исправлениями), наши книжные обозреватели о них почти не пишут – точнее, отзываються до обидного редко и скупно. При всей узнаваемости авторского почерка, непонятно, с кем сопоставить Березина, на какую условную полку записать. Можно вспомнить Сергея Довлатова и Харлана Эллисона, Роберта Шекли и Варлама Шаламова, Хорхе Луиса Борхеса и Сигизмунда Кржижановского, раннего Виктора Пелевина и позднего Р. А. Лафферти, – но связь скорее ассоциативная, знак равенства не поставишь. Материал сложный, неподатливый, скорее для солидной литературоведческой монографии страниц на триста, чем для оперативного рецензирования.

И такая монография, не сомневаюсь, будет написана. Но когда-нибудь потом, в далеком светлом будущем, когда, как пророчит Березин, литература вновь станет важнейшим из искусств, а на каждой

площади Третьего Рима вознесутся ростовые статуи великого русского ученого Дитмара Эльяшевича Розенталя.

Вот тогда и заживем.

<https://gorky.media/reviews/perenasyshchennyi-rastvor-pisatelya-peshexoda>

Василий Владимировский

Тени Шварца и Олеси:

как устроен

«Пересмешник на рассвете»

Дмитрия Колодана

В том, что касается литературы, Дмитрий Колодан – человек крайностей. Он начал публиковаться в первом десятилетии XXI века, одновременно (а иногда и в соавторстве) с Кариной Шаинян, Шимуном Врочеком, К. А. Териной и другими участниками так называемой Цветной волны. И довольно быстро завоевал репутацию мастера новелл и небольших повестей. За несколько лет эти произведения «малой» и «средней» формы принесли Колодану полтора десятка жанровых наград, включая международный «Еврокон», а в 2010-м сборник «Время Бармаглота» завоевал Независимую литературную премию «Дебют» – аналог нынешней премии «Лицей», самую престижную награду для молодых писателей в первом десятилетии нового века.

Позднее Колодан на несколько лет практически исчез из поля зрения читателей и вернулся только в 2020-х. Однако теперь он выступает в совершенно ином амплуа: как автор сверхдлинных романов, сопоставимых по объему с «Властелином колец» и «Бесконечной шуткой». Его «Дом Ночи» до сих пор не опубликован полностью: в свет вышло только два тома по 480 страниц каждый – что там с третьей, завершающей частью, пока неизвестно. «Пересмешнику на рассвете» повезло больше. Издатели сумели упаковать этот пухлый роман в два тома общей толщиной 1200 страниц – и выпустить их почти одновременно. Так что ждать продолжения годами и проклинать автора, в очередной раз оборвавшего рассказ «на самом интересном месте», уже не придется, но запастись терпением все-таки не помешает.

Главная героиня «Пересмешника» Клара Сильва, осиротевшая во время гражданской войны между республиканцами и монархистами и воспитанная в монастырском приюте, – классическая «юная провинциалка в столице». Едва сойдя с перрона, она немедленно окунается в кипение городских страстей. На вокзале боевики Партии Объединения, молодчики в зеленых рубашках, подозрительно косятся на вызывающе алый берет девушки, а жандармы преследуют возмутителя спокойствия, посмеявшего кинуть банку с краской в портрет Господина Президента Республики. В гостинице, где селится Клара, юные поэты и художники, будущие классики без гроша за душой, отчаянно экспериментируют со словом и формой, цветом и ритмом. Пожилой циркач, бывший ас-авиатор, предается горьким воспоминаниям и разрабатывает новый номер с летающими мышами. За стеной шеф тайной полиции плетет свою паутину, готовит провокацию настолько дерзкую и грандиозную, что не может доверить это дело ни одному из своих подчиненных. Местный мастер на все руки, простой и честный парень, которого мечты о социальной справедливости привели в ряды зеленорубашечников-брешистов, размышляет о Порядке и Процветании.

И так далее – роман перенаселен героями, у каждого из них свой голос, свой характер, свое прошлое, своя драматическая история, которая разворачивается прямо сейчас, в реальном времени, на глазах у читателей. А их фантазии, страхи, надежды, амбиции, воспоминания формируют Пространство Снов – страну, где правит коллективное бессознательное, а чистые идеи и абстрактные концепции обретают плоть и кровь. И в сердцевине этого клубка невольно оказывается Клара Сильва, связанная незримыми нитями с каждым персонажем книги.

Как и Пространство Снов, роман «Пересмешник на рассвете» собран из множества неоднородных, в разной степени узнаваемых деталей. Поэты и художники здесь говорят цитатами и используют приемы дадаистов, сюрреалистов и других «ведущих представителей авангардного искусства». Страна, где разворачивается действие, отчасти напоминает Германию 1930-х, отчасти Францию, отчасти Португалию – но главным образом, конечно, Испанию времен гражданской войны.

Трагедия здесь легко переходит в фарс, драма оборачивается буффонадой, а зловещие куклы народного театра вертят судьбами живых людей. Но эта театральная нарочитость, гротескность у Колодана – несущая балка сюжетной конструкции.

Собственно, источники своего вдохновения автор не скрывает, скорее, наоборот, подчеркивает. Немного от Тома Стоппарда, немного от Бертольта Брехта, чуть-чуть от Г. К. Честертонa. Ну и, пожалуй, еще от Евгения Шварца и Юрия Олеши – может быть, ничего такого Колодан сознательно не планировал, но на театральные кулисы в его пьесе ложатся отчетливые тени «Дракона» и «Трех толстяков».

Фарс, балаган, абсурд, цирковая реприза со словами и акробатическими трюками на канате – то, что уравнивает в этой книге мрачное безумие жизни. Позволяет героям устоять на месте, и если не дать сдачи, то по крайней мере выдержать удары персонифицированной судьбы. Как говорит один из персонажей «Пересмешника»:

«У меня такое чувство, будто у меня на глазах мир сходит с ума. Радостно и весело катится в пропасть, а я ничего не могу с этим поделать. Понимаю, что должен сделать хоть что-то, но не могу. Видели когда-нибудь, как птица пытается лететь против сильного ветра? Вот такой птицей я себя и чувствую: нельзя не бороться, иначе

тебя переломает и расшибет о землю, но и сил справиться со стихией тоже нет».

Автор «Пересмешника» силы в себе нашел – по крайней мере для того, чтобы привести героев к относительно благополучной развязке и поставить финальную точку, хотя тянуть эту историю можно было, видимо, до бесконечности.

Единственная проблема романа в том, что гигантский клубок распутывается мучительно медленно: 102 главы, 1200 страниц, треть из которых занимает экспозиция, – по нынешним временам это, пожалуй, все-таки перебор. И ладно бы действие книги охватывало несколько десятилетий, герои успели пройти на своих двоих десятки тысяч километров и подробно изучить пару континентов. Но нет, Колодан считает своим долгом подробно рассказать о каждом движении своих многочисленных персонажей: кто о чем подумал, переворачиваясь с боку на бок, какие события вспомнил, разглядывая пятна на потолке, о чем поговорил с соседом по гостинице за завтраком. Автор принципиально отказывается выбирать между главным и второстепенным, принципиально важными эпизодами и теми, которыми без особых потерь можно было бы пренебречь. Ответственность за этот выбор Колодан перекладывает на плечи читателей, то есть фактически предлагает им выступить в роли соавторов.

Такое доверие, конечно, льстит, но возникает закономерный вопрос: а сколько времени и сил понадобится, чтобы мысленно отсечь от этой глыбы все лишнее, если даже у самого писателя, по его признанию, работа над «Пересмешником на рассвете» заняла 14 лет?

<https://www.kinopoisk.ru/media/article/4012613/>

Дарья Кельн

Город мечты посреди тундры.

Шамиль Идиатуллин – о романе «СССР™»

В издательстве «Альпина.Проза» недавно вышло переиздание романа «СССР™» Шамиля Идиатуллина. Мы поговорили с автором о большой мечте, главном герое и новой судьбе книги после переиздания.

Все говорят: «В советское время было по-другому»

– Как возникла идея романа?

– Я мало что помню, потому что роман вышел в 2010 году, а писал я его еще раньше. Если не ошибаюсь, в середине нулевых.

Моя первая книга вышла в конце 2004 года (роман «Татарский удар», переиздание вышло в «Альпине.Проза» в 2025 году под названием «Мировая». – Примеч. ред.), потом я писал повесть «Эра Водолея» (Вошла в сборник «Все как у людей». – Примеч. ред.), которая была опубликована в журнале «Знамя» летом 2006-го. Идея романа «СССР™», стало быть, появилась в 2005-м.

Я подумал: что было бы, если бы самые странные, хрустальные мечты, не имеющие обыкновения сбываться, можно было бы реализовать? Если бы нашелся главный фактор для их осуществления, деньги – сколько надо денег, столько и бери? Достаточно ли этого, чтобы мечта сбылась? Или важнее все-таки психология и социальные привычки: подлец ли человек, герой ли и готов ли он проявиться так, а не наоборот? Я записал это на подумать, но базой для сюжета, конечно, не считал. Одна мысль

редко выливается в текст, он высекается или вырастает из сплетения либо сшибки нескольких идей. Так срослось и тут.

Я – человек, успевший вырасти в Советском Союзе. И просто обречен, как многие люди постарше, бухтеть, когда мне что-то не нравится: «В советское время было по-другому». Но было бы все по-другому, если бы осталось советское время? Если бы мы от него не отказались? Так я однажды подумал, поймал себя на этой мысли и пошел думать дальше. В те, нулевые, годы часто говорили, что мы поднимаем советское прошлое, что за последние 10–15 лет не придумано ничего своего, что все, чем тогдашняя Россия пользуется, в чем ездит, на чем летает, ею не изобретено и не внедрено: все советское или импортное.

Насколько правдивы слова о том, что мы могли бы делать всё сами? Представим, что правдивы. Сделаем еще шаг и представим, что уже почти сделали. Что где-то есть институты, закрома родины какие-то, запасной путь, на котором стоит современный мирный бронепоезд, набитый обыкновенными советскими чудесами. И более того, до сих пор существуют кучи институтов, а главное, в них трудятся гениальные инженеры и изобретатели, горящие идеей люди, – они продолжали работать и складывать разные чудеса в эти закрома. На будущее, так сказать, когда про них все-таки вспомнят. То есть – представим мы, уже финализируя фантазии, – дело вправду только в деньгах, которые надо дать этим людям. Они, во-первых, заслужили, во-вторых, после этого начнут работать еще лучше и качественнее и, в-третьих, во благо очень многим. Которым это нужно.

Два компонента вдруг сложились и стали друг друга прорастать. Я понял, что это готовый сюжет, и взялся за роман.

Мне было интересно разобраться, насколько возможна утопия на нашей земле. Особенно, если земля будет непривычная – не европейская часть страны, а именно неосвоенная Сибирь, географический центр. Настоящее сердце России, которое находится в середине страны – где-то на стыке Западной и Центральной Сибири. Подлинный центр немного восточнее, но я в романе сделал иначе.

По сюжету это политический каприз: «В Москве, Питере – любой сможет. А ты построй город посреди тундры, тайги и болот. С другой стороны, европейская часть у нас и так более-менее развивается и люди не чувствуют себя заброшенными. В Сибири, особенно в такой, на Дальнем Востоке, все складывается иначе. Давайте-ка сделаем что-нибудь». Так я начал накидывать, придумывать, что бы мог сделать политик с одной стороны ответственный, с другой – вредный, с третьей – авантюрный. Какие условия он мог бы ставить? И кто бы мог это все воплотить? И понеслось.

В 2008 году книга была написана.

– Роман полифонический, героев там много, но герой глав от первого лица один – это Галиакбар Камалов, Алик. Означает ли это, что именно Алик главный герой, и почему именно он?

– Этот фокус я опробовал в первом романе. У меня многие книжки так написаны – в них много фокальных персонажей, с которыми мы входим в историю с разных сторон и уровней, но есть один, с которым мне проще всего общаться и говорить от его лица. У нас совпадают какие-то национальные и социальные особенности. В первой книге они совпадали до степени смешения, на первых страницах «Мировой» герой более-менее я – это позднее начались вещи, которые со мной не совпадают, поступки, которые я бы никогда не совершил, от которых мне противно.

В романе «СССР™» развилка случилась еще раньше, но по тактико-техническим характеристикам герой – это все равно немножко я, выкрученный по некоторым параметрам до упора. Алик младше меня тогдашнего, он категорически со мной не совпадает в том, что готов вписываться в любой кипеж, кроме голодовки. Он политически активен, ему не запахло служить, заниматься политтехнологиями, этически безупречными схемами отжима бизнесов, ему это интересно, особенно поначалу. У него есть довольно жесткие принципы, но они во многом построены на каких-то ошибочных, недодуманных, недочитанных вещах. Он решительный и рано всему научившийся молодой человек, но научившийся не очень хорошо. Мне было интересно, поскольку я таких людей вокруг себя видел.

Я из поколения, родившегося в конце 60-х – начале 70-х, оно немного потерянное. Часть сгинула в бандитских и предпринимательских войнах 90-х годов, а другая часть вела себя менее активно, с самого начала исходила из того, что надо держаться подальше от начальства, что высовываться – некрасиво. А вот ребята помладше меня буквально года на три жили иначе. Им все было интересно, они охотно шли на телевидение работать, в пресс-службы, в чиновники, калымили на избирательных кампаниях.

Я сделал Алика юристом – человеком, который четко знает правила, но выбирает сам, каким следовать, а каким нет. Сделал его циничным. А еще сделал каратистом, потому что это была моя детская хрустальная мечта – заниматься боевыми искусствами. Но как только я принимался за это дело, немедленно себе что-нибудь ломал и выбывал из мечты на полгода или год. Потом возвращался и ломал что-нибудь еще, пока не понял, что пора

завязывать, иначе в очередной раз сломаюсь так, что не починюсь. У Алика было по-другому.

Этот персонаж с любой точки зрения был для меня любопытным. Мне интересно было в него залезать, смотреть изнутри него, пользоваться его мозгами и мускулами, решительно реагировать на все и меньше рефлексировать. В рефлексию он нечасто впадает, это для него не очень комфортное состояние.

Так появился персонаж, от лица которого ведется значительная часть повествования. Но при этом мне было интересно показать, что со стороны он выглядит иначе. Есть люди, которые его любят, – они смотрят на него так. Те, кто к нему относится спокойно или с некоторой неприязнью, – по-другому.

Кроме того, в романе есть еще один важный герой, гораздо более цельный, упорный, вдумчивый, выстрадавший свое право на многое – на месть, славу и любовь – и оказавшийся во многом лучше Алика.

Придумать, что появится в будущем

– В романе производство описано детально: читатель может себя представить и на месте шахтера, который выходит из забоя, и на месте инженера, который испытывает новый автомобиль. Что оказалось сложнее всего во время подготовки и изучения материала, какие открытия для себя вы сделали?

– Автомобилистов-то я немножко знал, а вот прочая производственная часть – по большей части фантазии, додумывание или реконструкция. Я довольно много читал и рассказов, и форумов, и описаний техники безопасности – все, что было тогда доступно. Интернет был совсем другой в те годы, не было социальных сетей как таковых – ма-

териал было сложнее искать. Я изучал все, что было доступно, а остальное придумывал.

Я ни разу не спускался в шахту. Ни разу не был на предприятии, которое занимается производством кварца. Работал на КамАЗе, но там не придумывали и не делали легковые автомобили – «Ока» не в счет. У меня есть только теоретические знания газетчика, а также ресечера, сидящего в кресле перед монитором.

Когда я писал роман, электромобили были полуфантастической условностью. Так-то они существовали с давних времен: я с некоторым изумлением обнаружил, что электродвигатель был запатентован заметно раньше, чем двигатель внутреннего сгорания. Повернись все иначе, мы бы уже к началу XX века ездили на автомобилях с электродвигателем. Но не повернулось. Предыдущие попытки заменить бензиновый мотор на электрический были забыты, а про подготовку следующей я ничего не знал, потому что выдумывал без опоры на реальность.

Не было тогда ни электроскутеров, ни фитнес-браслетов и умных часов, ни общедоступной системы безналичных расчетов. По крайней мере, в России. Их тоже пришлось придумывать. В общем, я придумал гораздо больше, чем собирался. Мне это нужно было для цельности происходящего.

Как ни странно, ничто не стареет быстрее, чем новые технологии. То, что кажется новым сегодня, через пять лет выглядит беспомощным. Если почитать научно-популярные журналы десятилетней давности, то написанное там звучит довольно смешно. Но когда я готовил к переизданию «СССР™», то обнаружил, что описанное в нем не слишком устарело. Некоторых изобретений до сих пор нет, а хотелось бы.

«Хорошо, что герои не дошли до мемов»

– У Алика афористичная речь – в ней много отсылки к литературе и кино, много самоиронии и юмора. Другой персонаж постоянно цитирует песни Высоцкого. Как вы работали над речевым портретом героев, как выбирали песни или цитаты, которые они упоминают?

– Я сразу понимал про этих двух героев, что они будут такими. Хотел остальных тоже наделять хлесткими фразами, но я знал, что это будет сплошной концерт артистов эстрады, стендап на стероидах, когда каждый что-то из себя строит, придумывает афористичные веселые шутки и непрерывно ими фонтанирует. Это было бы неправдоподобно и утомляло бы читателя.

Вы заметили, что цитаты Высоцкого звучат в речи одного героя. И это характеризует его. Соответственно, Высоцкий – маркер, что человек взрослее протагониста, у которого в активном обороте менее цельный корпус хохм и каламбуров.

То время было переходным периодом от культуры анекдотов и цитат к культуре мемов, которые мало к чему привязаны. Они создаются в моменте и во многом сводятся не к словесной, а к графической составляющей. Мои герои, к счастью, до этого не дошли, а то пришлось бы книжку с картинками делать.

Плюс Алик все время немного понтуется, он большой любитель повыпендриваться, даже неосознанно. Такие люди иногда надоедают. Несколько раз в ответ на то другие герои тягостно вздыхают и говорят: «Алик, ну задолбал, хватит уже». А он еще и по этому поводу шутит искрометно. Я сам иногда бывал таким, сейчас уже подустал. Но эта черта скорее с меня списана, чем с кого-нибудь еще. И Алик держит марку, пока не впадает в депрессию.

Тогда он про себя продолжает хохмить, но это уже черный юмор.

Остальным героям тоже нужно было раздать какие-то речевые характеристики. Поэтому одни ребята молчаливые, другие – говорят редко, но метко. Шеф Рычев представляет старшее поколение, поэтому цитирует Петра Лещенко, как интеллигент старой закваски, – и эту цитату, понятно, не выхватывает ни один из собеседников.

В романе культурные референсы, упоминания, пасхалки позволяют дать герою яркую портретную характеристику, а если нет, то развлекают читателя, дают ему что-то новое узнать. Я был сравнительно молодым писателем, вот и горел еще просветительским жаром.

– В «СССР™» некоторые главы заканчиваются клиффхэнгером, а об окончании той или иной истории мы узнаем позднее от других персонажей. Это намеренный прием, почему вы обратились к нему?

– Это намеренный прием. Он, с одной стороны цепляет, с другой – похож на жизнь. Бывает, ты думаешь, что завтра все решится, ложишься спать с этой мыслью. Но приходит завтра, послезавтра – а все остается по-прежнему. Через две недели или год ты узнаешь, что это самое страстно ожидавшееся давно случилось, а тебе уже все равно. Такое встречается очень часто, но заметить это нам мешает линейность мышления.

«СССР™», в отличие от других моих текстов, фабульно далек от триллера. Там есть условные шпион, политическая интрига, конфликт, который может вылиться в жестокое противостояние, может даже вооруженное. Но все это неявно выражено. Поэтому мне, как человеку, который к триллеру тяготел, хотелось все это заострить. И на помощь пришел прием, о котором вы говорите.

Кроме того, конфликты бытовые и семейные все равно заслуживают не меньшего, а большего внимания, чем политические. То, что у нас творится на кухне и в постели, часто важнее, чем то, что по телику показывают. Я пишу про людей, а не про какую-то политическую ситуацию, в которую они вовлечены. Поэтому мне хотелось заострить сюжет где только возможно.

Только сейчас сообразил, у кого я мог посмотреть этот прием – наверное, у любимого своего Виктора Конецкого. Кажется, у него в одном из романов очередная глава кончается тем, как юная героиня, преодолевшая множество невзгод, идет совершенно счастливая – потому что искупалась, потому что кругом весна и свежесть и потому что сама она молода и сильна. Больше героиня в тексте не появляется, и только через пару глав автор вскользь упоминает, что в тот день она страшно простыла и вскоре умерла.

На меня это произвело огромное впечатление. Прием я запомнил и, скорее всего, неосознанно воспроизвел.

«Третьестепенные персонажи книг появляются в новых историях»

– Есть ли у героев романа прототипы в реальной жизни?

– Естественно, каждый из кого-то собран, обычно это 2–3–4 человека – от главного героя и до самого вспомогательного. Потому что придумать психологию, как известно, невозможно. Соответственно, у всех есть прототипы, и не один.

– Может, о ком-то из героев «СССР™» вы бы хотели написать еще один роман?

– Ответ я сформулировал в свое время по отношению к «Городу Брежневу», но это, наверное,

справедливо для всех моих текстов. Я прилагаю максимум усилий для того, чтобы довести всех героев, не только главных, до конца книги живыми. Не всегда мне это удается. Некоторые оказываются потрясающе настойчивыми, так что спасти их не выходит. Я сильно горюю по этому поводу.

Но книгу я заканчиваю на пределе усилий, направленных на спасение героев – пусть почти чудом. Повторить чудо в сиквеле мне вряд ли удастся. Так что лучше я возьмусь за другую историю с новыми героями. Поэтому у меня в библиографии всего одно продолжение: после романа «Убыр» я написал «Убырлы».

Но иногда я балуюсь тем, что самые третьестепенные персонажи некоторых моих книг появляются в новых историях. И никто пока, кажется, не заметил, что герой «Города Брежнева» появляется в «Мировой» – точнее, наоборот, учитывая время действия романов. Похожая штука происходит в «Бывшей Ленина»: один из героев мелькает в «До февраля». Это максимум, который я могу себе позволить. Но там сама география шептала: в первой паре романов сюжет разворачиваются в Татарстане, во второй – между Уралом и Сибирью, в придуманном мною областном центре Сарасовске.

Действие «СССР™» происходит в специфическом пространстве, даже неповторимом. Было бы вопиющим авторским произволом вводить в другую книгу человека из Ваховска.

– Роман впервые вышел в 2010 году. Сейчас он вернулся к читателю. Хотелось ли вам в нем что-то изменить, как он воспринимается вами сейчас – 16 лет спустя?

– На удивление пристойно, как и другие ранние книги. Спасибо «Альпине.Прозе», у меня идет обширная программа переизданий. «Мировая» переиздана через 20 лет после выхода, «СССР™» – через

15 лет. Это большой срок, за который можно забыть что угодно. И я, честно говоря, опасался, что напоминание окажется не очень комфортным, поскольку при перечитывании старых текстов я обнаружу неприятные подробности. За внятность и логичность изложения я опасался не особо, все-таки к моменту литературного дебюта я был журналистом с 20-летним стажем. Но есть такая детская болезнь начинающих литераторов – писать красиво. Вот ее признаки встретить в ранних романах я опасался.

Выяснилось, что красоты, сложности, длинные предложения, конечно, есть. Но, положив руку на сердце, от сегодняшней моя тогдашняя манера написания отличается не сильно. Каким дураком я был, таким и остался, в общем (*смеется*).

Поэтому я совершенно ничего не правил. Мы взяли вариант, над которым работали вместе с редактором «Азбуки» Сашей Гузманом – он еще и великий переводчик, и замечательный стилист, он перевел, например, «Осиную фабрику» Иэна Бэнкса. Правку Саши я принял тогда и не стал откатывать сейчас. Может, поэтому текст за 15 лет почти не устарел.

Роман читается вполне нормально. Там не нашлось моментов, за которые мне было бы стыдно. И необходимости что-то исправлять – тоже.

Книга вышла в свое время, мне казалось, что она продукт того времени, которое прошло – чего ж о ней вспоминать. А меня пусть не часто, но довольно регулярно спрашивали: когда будет переиздание? Я плечами пожимал: судя по отсутствию интереса, наверное, никогда.

И вот интерес возник. Книга переиздана. Ее опять читают. Оказывается, это очень приятно.

<https://alpina-proza.ru/stream/gorod-mechtyi-posredi-tundryi-shamil-idiatullin-o-romane-sssr>

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom

Александра Прохорова: Винишко под книжку, <https://t.me/culturehedonism>

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, <https://t.me/alexandreevarts>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmIGame>

Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography

БВИ: Братия по Разуму: <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимирский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, <https://t.me/horrorfantastcom>

Вика Рипа: Еврейка у микрофона, <https://t.me/urfavjewishgirl>

Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb

Владимир Костоусов: <https://www.youtube.com/@ВладимирКостоусов-ч7к>

Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books

Вячеслав Настецкий: <https://fantlab.ru/user64490/blog>

Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Захаров: HeroПрактика, <https://t.me/Sixways>

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд: Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Евгений Шаленкин: <https://vk.com/eshalenkin>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub

Инар Искендинова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k

Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig

Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn

Марина Бернацкая: Marina Bernackaya, <https://t.me/tamango15>

Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru

Наталия Осояну: magic bizarre, https://t.me/magic_bizarre

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Корнацкий: Звоните Гайдаю!, <https://t.me/badguydie>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, <https://t.me/kozhinoleg>

Павел Сидоров: Сай-фай ревью, <https://t.me/scifireview>

Тимур Ошерев: Критически успешный, <https://t.me/criticallysuccessful>

Ульяна Бисерова: Синичкин хлеб, https://t.me/sinichkin_hleb1

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>

Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https://t.me/we_and_books